

06.
С

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1 9 7 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ф. Марков.</i> 25 лет работы Института славяноведения и балканистики АН СССР.	3
<i>П. Н. Ольшанский.</i> Советско-польские отношения в 1921—1924 гг.	21
<i>В. А. Тесемников.</i> Из истории Союза Коммунистической Молодежи Югославии в межвоенный период (1919—1941).	35
<i>Р. П. Гришина.</i> Некоторые вопросы становления военно-фашистской власти в Болгарии (июнь—ноябрь 1923 г.).	48
<i>А. Е. Москаленко.</i> Н. П. Грацианский как историк-славист.	66
<i>В. Д. Королук.</i> К вопросу о месте известий о волоках в «Повести временных лет»	76
<i>В. Британишский.</i> Польские романтики о польском барокко.	78
<i>Л. Г. Невская.</i> О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянских языков (на материале географической апеллятивной терминологии).	90

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Г. Д. Покровская.</i> Станиславский в Югославии	105
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. И. Копашева.</i> Об изучении истории революционного молодежного движения в Чехословакии	110
<i>А. М. Орехов.</i> Z. Łukawski. Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893	114
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Новая книга о болгарском богомильстве и его международном значении	117

1
1972

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. Шпадарук. С. А. Малевич. Вопросы исторического материализма в трудах Людвига Кшвицкого</i>	118
<i>А. В. Бондарко. Е. В. Чешко. История болгарского склонения</i>	119

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1971 г.	123
Содержание иностранных журналов.	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ю. И. Ритчик. Научная конференция по сравнительному изучению славянских литератур</i>	135
<i>А. Анатольев, А. Улунян, О. Морозова, Б. Николаев, Б. Флоря. Защита диссертаций</i>	137
<i>Е. Макова. О защите дипломных работ на кафедре истории южных и западных славян МГУ</i>	140
<i>И. А. Хренов. Павел Иванович Резонов</i>	141
<i>Ю. Смирнов. Петр Григорьевич Богатырев</i>	142

к. 10740

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕШТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Д. Ф. МАРКОВ

25 ЛЕТ РАБОТЫ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Тема статьи очень широкая, и, разумеется, невозможно полностью охватить и раскрыть существо всех вопросов, связанных с нею, и тем более — всех работ, касающихся ее. Речь пойдет о главных линиях исследований в области славяноведения и балканистики, о наиболее значительных результатах, определяющих поступательное развитие научной мысли¹. Институт славяноведения и балканистики АН СССР является ныне центром славистических и балканских исследований в нашей стране. Работы, созданные в нем, по праву могут служить мерой общего уровня наших достижений в разработке указанной проблематики.

Институт славяноведения был организован в январе 1947 г. Он опирался на существующую научную традицию. Известно, что славистика как научное направление зародилась в России еще в XIX в. И эта традиция, хотя и не всегда интенсивно, продолжала развиваться и в XX в.

Интерес к вопросам славяноведения возрос в предгрозовые 1938—1939 гг., когда стало очевидным, какую ужасную участь готовит славянским народам германский фашизм и как тесно связана судьба этих народов с судьбой СССР — главной силы, способной противостоять гитлеровской Германии. С организацией в тот период историко-славистических центров в Институте истории АН СССР и МГУ была решена одна из основных задач — подготовка квалифицированных кадров славистов. Организаторами историко-славистических исследований в эти годы явились такие видные историки и историки культуры, как Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров, Н. С. Державин, Н. П. Грацианский и крупный чехословацкий славист и общественный деятель З. Р. Неядлы.

Проблематика осуществлявшихся в то время историко-славистических исследований определялась прежде всего задачами борьбы с фашистской опасностью. Очень много было сделано в эти годы и для разоблачения нацистского извращения истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы².

С момента образования Института славяноведения в нем объединились основные кадры славистов — историки, историки культуры, литературоведы, лингвисты. 25 лет назад он имел в своем составе только 18 науч-

¹ В основу этой статьи положены материалы и выводы отдельных секторов института, представляющих его ведущие направления.

² «Против фашистской фальсификации истории». М., 1939; «Преступления фашизма против исторической науки». М., 1945.

ных сотрудников. К настоящему времени его количественный состав возрос более чем в 10 раз. Институт поддерживает живые связи со славистами других научных учреждений и вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Львова, Воронежа, Саратова, Харькова и других городов. В изданиях института, в созываемых им многочисленных научных форумах участвуют слависты всей страны.

Что же сделано нами и каковы планы на будущее? Учитывая, что в свое время в брошюре «Советское славяноведение», изданной к V Международному съезду славистов, был дан обзор славистических исследований 1945—1963 гг., мы остановимся на этом периоде кратко, подчеркивая лишь главные направления этой области науки.

Уже в первые годы существования института был выработан и стал реализовываться обширный план издания многотомных обобщающих трудов по истории зарубежных славянских стран. В работе над этими трудами участвовали большие коллективы ученых, работавших как в институте, так и вне его. В результате были изданы: «История Болгарии», т. 1—2 (М., 1954—1955); «История Польши», т. 1—3 (М., 1954—1958); «Очерки истории народной Польши», (М., 1965); «История Чехословакии», т. 1—3 (М., 1956—1960), «История Югославии», т. 1—2 (М., 1963). После реорганизации института и прихода к нам историков-румыноведов и историков-унгаристов были завершены еще два больших коллективных труда: в 1971 г. вышли в свет два тома «Истории Румынии», в ближайшее время будет издан и 3-й том, в печати находится трехтомная «История Венгрии».

Труды эти представляют несомненный и весомый вклад в историческую науку. В советской историографии это наиболее полное систематическое изложение с марксистских позиций истории народов указанных стран. Следует особо подчеркнуть, что в процессе работы над этими трудами возникали и упрочивались научные контакты, устанавливалась дружеская атмосфера делового сотрудничества ученых Советского Союза и других социалистических стран, ставшая в последующие годы важным фактором в научной деятельности института.

В области медиэвистики работа велась по нескольким направлениям. Традиционно значительное место занимала и продолжает занимать публикация источников. В 1961 г. был издан важнейший памятник славянского права «Закон судный людем». В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» вышли хроники Галла Анонима (1961 г.), Козьмы Пражского (1962 г.), Лаврентия из Бржезовой (1962 г.), Гельмольда (1963 г.); «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности» (1970 г.). Была издана «Политика» Юрия Крижанича (1965 г.).

В поле зрения славистов всегда была проблема славянского этногенеза. Однако в ее разработке ученые сталкивались с серьезными трудностями. Ошибочные взгляды Н. Я. Марра длительное время препятствовали успешному проведению этногенетических исследований. Критика этих взглядов, которая особенно активно велась археологами³ и лингвистами⁴, была в сущности поиском правильного подхода к проблеме славянского этногенеза.

Советские слависты внесли свой вклад в изучение одного из самых спорных вопросов — о древней балто-славянской общности; исследовались проблемы славянской топонимики; серьезных успехов добились историки-слависты и византинисты в изучении вопросов славянских передвижений

³ «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.

⁴ См. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР» (далее—УЗИС), т. III. М., 1951.

в V — VII вв.⁵ При всем этом проблема этногенеза славянских народов все еще остается недостаточно изученной, она ждет своей всесторонней комплексной разработки.

Труды таких видных советских историков, как Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, С. В. Юшков, П. Н. Третьяков, посвященные Киевской Руси, одновременно стимулировали интерес ученых и создавали методологические предпосылки для изучения проблемы образования феодальной государственности у западных и южных славян. Были раскрыты самобытные истоки славянской цивилизации, классовый характер древнеславянских государств и тем самым лишены каких бы то ни было оснований различные теории об иноземном происхождении государства у славян. Сравнительно широко исследовались проблемы феодализации общества, история крестьянства⁶.

Труды Н. П. Грацианского и Н. С. Державина посвящены судьбам полабо-прибалтийского славянства⁷. Разработка этой проблемы продолжается и до настоящего времени⁸.

Необходимо подчеркнуть большую заслугу Б. Д. Грекова в развитии сравнительно-исторического изучения памятников средневекового славянского права. Его работы о двух памятниках южнославянского права — «Винодол» и «Полица» — и о «Польской правде» позволили полнее изучить параллельные, хотя и не всегда синхронно проходившие процессы социально-экономического развития в отдельных славянских странах⁹.

Ряд работ историков-славистов посвящен исследованию гуситского революционного движения в Чехии. Изучались взгляды революционных вождей чешской реформации — Яна Гуса и Иеронима Пражского, революционная идеология таборитов¹⁰. Велась разработка вопросов крестьянского движения, связей польского антифеодального крестьянского движения середины XVII в. с освободительной войной украинского народа 1648—1654 гг.¹¹.

Большое место в исследованиях историков заняла проблематика отношений и связей России с южными и западными славянами. Теме связей России с южным славянством до XVII в. посвящены работы М. Н. Тихомирова в «Славянском сборнике» (1947). (В 1969 г. был издан сборник статей и публикаций М. Н. Тихомирова «Исторические связи России со сла-

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; «Вопросы славянского языкознания», вып. 3. М., 1958; А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958; В. Н. Топоров. Очерки изучения древнейших балто-славянских отношений. УЗИС, т. XVII. М., 1959.

⁶ В. Д. Королук. Древнепольское государство. М., 1957; Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян с древних времен до XV в. М.—Л., 1958; Ю. В. Бромлей. Образование феодализма в Хорватии. М., 1964; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960.

⁷ Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; Н. С. Державин. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943; Сб. «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии». М., 1944.

⁸ «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» (Материалы симпозиума. 20—23 IV 1966). М., 1967.

⁹ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. I. М., 1957.

¹⁰ Б. Т. Рубцов. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М., 1958; его же. Исследования по аграрной истории Чехии XIV — начала XV в. М., 1963; Г. Э. Санчук. К вопросу о положении королевской власти в первой половине XIV в. УЗИС, т. XV, 1957.

¹¹ И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. УЗИС, т. II, 1950; его же. Крестьянское восстание в Великой Польше в 1651 г. УЗИС, т. III, 1951; В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV — XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961; Ю. В. Бромлей. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.

вянскими странами и Византией»). Проблематику русско-польских отношений с древнейших времен до начала XVIII в. разрабатывали В. Д. Королук, Н. Н. Ильин, И. Б. Греков, Г. М. Лызлов, Б. Н. Флоря, А. И. Рогов¹², причем здесь явно преобладает тематика политической истории. Изучение вопросов культурных связей России со славянскими странами XVI—XVIII вв. составляет, к сожалению, все еще редкое исключение¹³.

Исследовались вопросы феодального землевладения и общественного строя в средневековой Сербии X—XIV вв. (работы В. П. Грачева, Е. П. Наумова).

Монографические исследования в области средневековой истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы создали необходимую научную базу для перехода в настоящее время к синтетическим комплексным исследованиям по этой обширной и важной проблематике.

В изучение новой истории и народов Центральной и Юго-Восточной Европы ученые института также внесли свой существенный вклад. Их усилия концентрировались вокруг ряда важных проблем.

Значительное внимание уделялось вопросам социально-экономического развития стран Юго-Восточной Европы¹⁴. При этом освещались общие закономерности и специфические особенности исторического процесса, показывалась роль народных масс. Предметом изучения были такие вопросы, как развитие национальной городской и сельской буржуазии, возникновение и становление рабочего класса, роль города в формировании национально-освободительной идеологии, история ремесла и промышленного производства, характер аграрных отношений и проникновение капитализма в деревню.

Проблема эта во многом изучена, однако все же недостаточно, и главное — пока не написано еще обобщающих трудов об эпохе возникновения и развития капитализма на Балканах, которые бы всесторонне осветили вопрос о соотношении глубоких базисных явлений и общественно-политических процессов. Это остается задачей будущего.

¹² В. Д. Королук. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954; «Воссоединение Украины с Россией 1654—300 лет — 1954». Сб. статей, М., 1954; И. Н. Ильин. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957; И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; В. Д. Королук. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

¹³ А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.

¹⁴ И. С. Достян. Социально-экономические отношения в сербской деревне накануне восстания 1804 г. УЗИС, т. VI, 1952; В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в. УЗИС, т. X, 1954; К. Л. Струкова. Социально-экономические основы движения за воссоединение в Южной Болгарии в 1879—1885 гг. УЗИС, т. XIV, 1956; В. Н. Виноградов. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958; И. И. Лециловска я. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. УЗИС, т. XVIII, 1959; Н. И. Хитрова. К вопросу об экономическом развитии Черногории в конце XIX — начале XX в. УЗИС, т. XXVI, 1963; Г. Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963; Г. Л. Арш, И. Г. Сенкевич. Краткая история Албании. М., 1965; С. А. Никитин. Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. В кн. Славянское возрождение. М., 1966; И. В. Чуркина. Развитие капитализма в словенской промышленности (вторая половина XVIII — середина 70-х годов XIX в.). УЗИС, т. XXX, 1966; В. Д. Кнобе в. Социально-экономическое положение «свободного» крестьянства Болгарии в 60—70-х годах XIX в. «Советское славяноведение», 1969, № 2; В. Н. Кондратьев а. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971.

Другая важная проблема — национально-освободительные движения народов и складывание наций. Ей посвящены монографии И. С. Достян, И. Г. Сенкевич, И. И. Лещиловской, Ю. А. Писарева, В. Н. Виноградова, В. И. Фрейдзона, Г. Л. Арша, С. А. Никитина¹⁵.

К кругу этих работ примыкает сборник «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» (М., 1970 г.).

Совместно с Болгарской академией наук в 1961—1967 гг. был издан трехтомный сборник документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига». В настоящее время совместно с учеными Югославии и Чехословакии (по планам научного сотрудничества Академии наук СССР с учеными зарубежных социалистических стран) ведется работа по подготовке новых публикаций: «Первое Сербское восстание» и «Славянский вопрос в материалах архива М. Ф. Раевского».

Таким образом, сделано много. Но исследование вопроса о становлении наций и национально-освободительном движении далеко от завершения. Необходима широкая комплексная разработка, в которой участвовали бы историки, историки культуры, литературоведы и лингвисты. В ходе дальнейшей работы над проблемой важно обратить особое внимание на изучение истории национально-освободительного движения народов тех стран, которыми ранее мало занимались. Речь идет об Албании, Греции и Румынии, по истории которых за последние 50 лет вышло в свет всего несколько книг¹⁶.

Важным направлением исследований было и продолжает оставаться изучение политических, культурных и научных связей России со славянскими и балканскими странами. Прогрессивная роль России в освобождении народов от турецкого ига, многосторонность взаимоотношений русской демократической общественности с общественностью балканских стран вызвали, естественно, появление целого ряда работ, среди которых назовем книги С. А. Никитина и В. Н. Виноградова¹⁷.

Следует также назвать ряд исследований по новой истории Чехии¹⁸. К сожалению, по новой истории Словакии их нет вообще. Это связано с недостатком квалифицированных кадров.

Изучением истории Венгрии институт занялся лишь в последние годы. Однако необходимо отметить, что именно на 1969—1971 гг. пришелся наиболее ответственный и трудоемкий заключительный этап работы над трехтомной «Историей Венгрии». Второй том этого труда охватывает

¹⁵ И. С. Достян. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX в.) М., 1958; И. Г. Сенкевич. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959; е е ж е. Албания в период восточного кризиса. М., 1965; Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914 гг. М., 1962; е г о ж е. Сербия и Черногория в первой мировой войне. 1914—1918 гг. М., 1968; Г. Л. Арш. Тайное общество «Филики Этерия» (Из истории борьбы Греции за свержение османского ига). М., 1965; И. И. Лещиловская. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968; В. Н. Виноградов. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х годах XIX в. М., 1970; В. И. Фрейдзон. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.

¹⁶ И. Г. Сенкевич. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970; Г. Л. Арш. Этеристское движение в России. М., 1970, и другие.

¹⁷ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1870 гг. М., 1960; В. Н. Виноградов. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961.

¹⁸ И. И. Удалцов. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951; Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. УЗИС, т. XIV, 1956; К. П. Гогина. Революционное движение в Чешских землях в 1905 г. Сб. «Из истории революционного движения народов Чехословакии», М., 1959.

1790—1918 гг. и является первым сводным очерком новой истории Венгрии. Завершена также монография Т. М. Исламова «Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны».

Из проблем новой истории Польши исследовались общественное движение 30—40-х годов XIX в., социально-экономическое (преимущественно аграрное) развитие польских земель в 30—60-х годах XIX в., революция 1905 г. в Польше¹⁹. Много внимания уделялось изучению русско-польских революционных связей, что диктовалось научными и общественно-политическими соображениями, наличием ценнейшей и малоисследованной архивной базы. Все это создавало весьма благоприятную возможность для правильного научного размежевания и — что более важно — непосредственного сотрудничества с польскими историками.

В значительной степени осуществлена большая советско-польская документальная публикация по истории восстания 1863 г. (до 1971 г. издано 16 томов, в работе находится 8 томов). Была выработана общая концепция истории восстания.

Опубликован ряд работ по истории русско-польских революционных связей XIX — начала XX в. и польского освободительного движения²⁰. В. А. Дьяковым подготовлены библиографический словарь²¹ и монография о польском революционере Петре Сцегенном.

Несмотря на значительные достижения в исследовании проблематики новой истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, она (особенно проблемы национальных движений, создания национальных государств и образования наций) остается одним из важных направлений работы Института.

Проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы занимают все большее место в планах института. Отметим прежде всего проблематику, связанную с влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, идей ленинизма на исторические судьбы народов указанных стран, на подъем массового революционного движения в них, создание коммунистических партий. Этому вопросу были посвящены монографии²² и монографические статьи²³. К 100-летию со

¹⁹ И. С. Миллер. Накануне отмены барщины в Галиции. УЗИС, т. I, 1949; И. И. Костюшко. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962; И. А. Хренов. Лодзинское восстание. М., 1958.

²⁰ М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. М., 1962; В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; С. М. Фалькович. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966; Н. П. Митина. Во глубине сибирских руд. М., 1966; Т. Г. Снытко. Русское народничество и польское общественное движение. М., 1969; Сборники статей и материалов: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960; «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.». М., 1962; «К столетию героической борьбы „За нашу и вашу свободу“». М., 1964; «Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.)». М., 1967; «Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в.». М., 1698; «Ленин и Польша. Проблемы, контакты, отклики». М., 1970; «Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)». М., 1970.

²¹ В. А. Дьяков. Деятели русского и польского освободительного движения в русской армии 1856—1865 гг. М., 1967.

²² М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии 1918—1919 гг. М., 1957; М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; Я. Б. Шмераль. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1967; И. С. Яжбурская. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967; А. Я. Манусевич (в соавторстве с Р. А. Ермолевой). Ленин и польское рабочее движение. М., 1971.

²³ Ю. А. Писарев. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционная борьба народов Югославии в 1917—1920 гг. В сб. «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957; А. Х. Клеванский. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии.

дня рождения В. И. Ленина была подготовлена работа «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

Значительное внимание привлекла тема солидарности трудящихся зарубежных стран с Советской Россией, их участия в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Были подготовлены сборник статей «Интернационалисты в боях за власть Советов» (М., 1965), коллективная монография «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов» (М., 1967). Ведется работа над совместным советско-югославским сборником документов «Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в России (1917—1921 гг.)».

Героической борьбе иностранных трудящихся против сил внутренней и внешней контрреволюции в России посвящены монографические исследования А. Я. Манусевича, А. Х. Клеванского, В. В. Зеленина²⁴.

Влияние Октябрьской революции на освободительное движение в Сербии, Черногории и Австрии рассматривалось в монографиях Ю. А. Писарева и В. М. Турок-Попова²⁵.

Таким образом, изучение проблемы революционизирующего влияния Октября на народы других стран являлось одним из ведущих направлений в деятельности института, оно велось достаточно интенсивно и многопланово. Однако ряд аспектов указанной темы еще ждет своих исследователей.

Внутриполитической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы посвящено несколько монографий²⁶ и ряд статей, большинство из которых касается экономического положения и политической борьбы в зарубежных славянских странах²⁷.

До последнего времени мало внимания уделялось такой важной проблеме, как борьба за единый пролетарский и народный фронт в связи с

В сб. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957; В. В. М а р ь и н а. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918—1923 гг. В сб. «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М., 1959; Л. Н. Н е ж и н с к и й. Венгерская Советская Республика 1919 г. М., 1959; А. И. Х р е н о в. Коммунистическая рабочая партия Польши на путях превращения в партию нового, ленинского типа (1918—1923 гг.). В сб. «Из истории польского рабочего движения». М., 1962; А. И. П у ш к а ш. Подъем революционного рабочего движения в Венгрии (ноябрь 1917—март 1919). В сб. «Революционное движение и строительство социализма в Венгрии». М., 1963; М. М. С у м а р о к о в а. Вуковарский съезд Коммунистической партии Югославии. В кн. Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии. М., 1967; Г. М. С л а в и н, М. М. С у м а р о к о в а. Из истории образования Коммунистической партии Югославии. К 50-летию КПЮ. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 4.

²⁴ А. Я. М а н у с е в и ч. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти. М., 1965; А. Х. К л е в а н с к и й. Чехословацкие интернационалисты и «проданный корпус». М., 1967; В. В. З е л е н и н. Югославы под знаменем Октября. Белград, 1967.

²⁵ Ю. А. П и с а р е в. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; В. М. Т у р о к - П о п о в. Очерки истории Австрии. 1918—1929. М., 1955.

²⁶ А. А. Я з ь к о в а. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг. М., 1963; М. М. Г о р а н о в и ч. Крах «Зеленого Интернационала» (1927—1938 гг.). М., 1967; е г о ж е. Аграрный кризис и распад аграрного блока стран Восточной и Юго-Восточной Европы (1930—1933 гг.). М., 1974.

²⁷ С. И. П р а с о л о в. Чехословакия в годы мирового экономического кризиса (1930—1933). УЗИС, т. XII, 1956; Н. С. Б о г д а н о в с к а я (Иванович). Движение народных масс Югославии против наступления реакции и монархо-фашистской диктатуры. УЗИС, т. XXV, 1962; В. В. М а р ь и н а. Экономический кризис 1930—1933 гг. в Словакии и положение трудящихся. УЗИС, т. XXIV, 1962; Р. П. Г р и ш и н а. Новый подъем рабочего движения в Болгарии в 1928—1929 гг. УЗИС, т. XXII, 1961. Г. П. М у р а ш к о. К вопросу об экономическом развитии Чехословакии и положении рабочего класса в 1921—1923 гг. УЗИС, т. XXII, 1961.

возраставшей угрозой фашизма²⁸. В настоящее время Г. Д. Кирьякидис готовит монографическое исследование «Народный фронт в Греции в 1933—1939 гг.»

В последнее время все большее внимание уделяется проблеме межгосударственных отношений. Издано 6 томов «Документов и материалов по истории советско-польских отношений», готовятся новые многотомные публикации и сборники статей по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений, создается солидная источниковедческая база для дальнейших исследований. Выход в свет отмеченных публикаций, подготавливаемых совместно с учеными Польши, Чехословакии, Болгарии, будет содействовать разработке истории интернациональных связей советского народа с народами Центральной и Юго-Восточной Европы, а также опровержению буржуазных фальсификаторских концепций относительно политики Советского Союза в этом регионе.

Вопросы межгосударственных отношений и внешней политики Советского Союза рассматриваются в книгах В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938» (М., 1966); П. Н. Ольшанского «Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.)» (М., 1969); в статьях Е. Д. Воробьевой, И. В. Михутиной, И. И. Попа, А. А. Язьковой²⁹.

Немало сделано в области изучения истории зарубежных славянских стран периода второй мировой войны и послевоенных лет. Разрабатывались вопросы борьбы народов за свободу и независимость³⁰, возникновение и развития народной демократии³¹ и социалистического строительства³². О внимании к этой проблематике свидетельствуют и специальные сборники статей³³.

²⁸ По этой теме имеется всего лишь несколько статей: С. И. П р а с о л о в. Чехословакия в период угрозы фашизма и гитлеровской агрессии (1933—1937). УЗИС, т. VII, 1953; Н. А. Ш л е н о в а. Борьба рабочего класса Чехословакии в защиту демократии и независимости республики в 1936—1937. В кн. Вопросы современного международного коммунистического и рабочего движения. М., 1961.

²⁹ Е. Д. В о р о б ь е в а. Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927 гг.). «Советское славяноведение», 1965, № 2; И. В. М и х у т и н а. Вступление СССР в Лигу Наций и позиция польской дипломатии. «Советское славяноведение», 1969, № 2; И. И. П о п. Германская экспансия в Центральной Европе и чехословацко-венгерские отношения в 1935—1936 гг. В кн. «Дранг нах Остен». М., 1967; А. А. Я з ь к о в а. Малая Антанта и Мюнхен. «Новая и новейшая история», 1967, № 4.

³⁰ Л. Б. В а л е в. Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 — сентябрь 1944 гг.). М. — Л., 1950; е г о ж е. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; А. И. Н е д о р е з о в. Национально-освободительное движение в Чехословакии. 1938—1945 гг. М., 1961; А. И. П у ш к а ш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966 (книга переведена и издана в 1971 г. в Венгрии); Г. Д. К и р ь я к и д и с. Греция во второй мировой войне. М., 1967; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии. 1941—1945 гг. М., 1965; Ф. Г. З у е в. Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967.

³¹ А. И. Н е д о р е з о в. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954; Л. Н. Н е ж и н с к и й, А. И. П у ш к а ш. Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944—1948 гг. М., 1961; М. Г. С а з и н а. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. 1944—1947 гг. М., 1963.

³² П. В. Г а л е н к о. Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М., 1955; е г о ж е. Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М., 1961; А. А. Я з ь к о в а. Народная Румыния. М., 1965; Л. Н. Н е ж и н с к и й. Очерк истории народной Венгрии. 1948—1962 гг. М., 1969.

³³ «Болгарский народ в борьбе за социализм». М., 1954; «Борьба польского народа за социализм (1944—1954 гг.)». М., 1955; «Народы Чехословакии в борьбе за социализм».

Проблемам аграрных преобразований, кооперирования крестьянства, строительства социализма в деревне, в отдельных европейских социалистических странах, посвящена монография А. И. Пушкаша «Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. 1944—1948 гг.» (М., 1959).

История развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в настоящее время все чаще привлекает внимание буржуазной историографии и освещается с враждебных нам позиций. Поэтому работы советских ученых, посвященные этой проблематике, имеют не только научное, но и большое политическое значение. Ими советские историки вносят свой вклад в борьбу с антинаучными, буржуазными, реформистскими и ревизионистскими взглядами, имеющими широкое хождение в западной историографии.

Следует особо сказать об исследовании международных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Одно из главных направлений — исследование славяно-германских связей, вопросов борьбы с идеологией западно-германского реваншизма, революционных связей немецкого народа со славянскими народами. За период 1961—1970 гг. вышли в свет монография Н. Д. Ратнер³⁴ и восемь сборников статей и материалов, посвященных истории славяно-германских отношений и связям³⁵.

Важными задачами института являются: критика фальсификаторских концепций империалистической советологии и западногерманского «остфоршунга» об отношениях СССР с европейскими социалистическими странами; освещение роли социалистического содружества в мировой политике, борьбы за мир, демократию и социализм.

Важным направлением научной деятельности института является исследование истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Эта проблематика получила определенное освещение в обобщающих трудах по истории народов региона. Кроме того, были изданы сборники: «История и культура славянских народов» (М., 1966); «Межславянские культурные связи» (М., 1971), а также монография М. Н. Кузьмина о школьном образовании в Чехословакии³⁶. В институте проводились исследования по истории музыкальной культуры славянских народов (И. Ф. Бэлза), изобразительному искусству (Е. П. Львова, И. И. Свирида), славянскому фольклору (И. М. Шептунов, Ю. И. Смирнов), истории театра (Ю. И. Ритчик, Л. Н. Титова). Однако изучение всех этих вопросов культуры велось недостаточно организовано. Не была разработана методология таких исследований; опубликованные работы касаются отдельных, изолированных друг от друга, сфер культуры. Ученые стремятся в настоящий момент к преодолению

М., 1957. Подготовлены к печати монографии: В. В. Марьяна, Г. П. Мурашко. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. 1948—1960; Т. А. Покивайлова. Социалистическая перестройка сельского хозяйства в Румынской Народной Республике.

³⁴ Н. Д. Ратнер. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австро-Венгрии в конце XIX в. М., 1970.

³⁵ «Славяно-германские исследования». М., 1963; «Славяно-германские отношения». М., 1964; «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965; «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966; «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». М., 1967; «Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968; «Славяно-германские культурные связи и отношения». М., 1969; «Исследования по славяно-германским отношениям». М., 1971.

³⁶ М. Н. Кузьмин. Школа и образование в Чехословакии. История школьной системы и эволюция образовательного уровня (конец XVIII — первая половина XX в.). М., 1971.

нию фрагментарности, к раскрытию культуры как классово-исторического процесса, проявляющегося в многообразии специфических форм.

Значительный вклад в разработку проблем истории духовной культуры славянских народов, несомненно, внесли литераторы вedy института. Уже в начале 50-х годов они приступили к написанию обобщающих трудов по истории национальных литератур. В результате этой работы вышли в свет большие коллективные труды: «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (М., 1959); «Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» (М., 1963); «История польской литературы», т. 1—2 (М., 1968—1969); «История словацкой литературы» (М., 1970); раскрытию целостного литературного процесса в Югославии XX столетия посвящен сборник «Зарубежные славянские литературы XX в.» (М., 1970).

Советский читатель впервые получил связную и целостную характеристику исторического развития ряда славянских литератур за несколько столетий. Эта характеристика основана на последних (ко времени написания) данных научных исследований, на проверенном и широком материале. Она может служить в качестве исходного ориентира тем исследователям, которые приступают к углубленному изучению отдельных литературоведческих проблем, дает важный в методологическом отношении импульс для дальнейшего развития сравнительно-исторических исследований в нашей стране. В вышедших трудах достаточно широко показана та огромная роль, которую сыграли зарубежные славянские литературы в развитии национального самосознания, в освободительной борьбе славянских народов.

Немало работ посвящено исследованию литературного процесса XIX — начала XX в., прежде всего таким ведущим направлениям как романтизм и реализм. Назовем в этой связи книги И. К. Горского, Б. Ф. Стахеева, Д. Ф. Маркова, Л. С. Кишкина, В. В. Витт, М. Богданова, С. В. Никольского³⁷, сборник «Критический реализм в литературах западных и южных славян» (М., 1964), монографические статьи Ю. Д. Беляевой, И. А. Богдановой, Г. Я. Ильиной, А. А. Зайцевой, М. И. Рыжовой и др.

Одной из центральных проблем, которой занимались и продолжают заниматься литературоведы института, является изучение революционно-пролетарских и социалистических литератур в зарубежных славянских странах. Эта проблематика первоначально получила отражение в целом ряде статей и монографий о творчестве крупнейших революционных писателей XX в. (Х. Смирненский, С. К. Нейман, И. Волькер, П. Илемницкий и др)³⁸. Затем литературоведы приступили к систематическому исследованию процесса зарождения, формирования и развития социалистических литератур. В основу этого исследования положен принцип параллельного рассмотрения аналогичных явлений в литературах различных славянских

³⁷ И. К. Горский. А. Мицкевич. М., 1955; е го ж е. Польский исторический роман. М., 1963; е го ж е. Исторические романы Сенкевича. М., 1966; Б. Ф. Стахеев. А. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955; Д. Ф. Марков. Болгарская поэзия первой четверти XX в. М., 1959; Л. С. Кишкин. Сватошлук Чех. М., 1959; В. В. Витт. Стефан Жеромский. М., 1961; М. Богданов. Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX вв. М., 1962; С. В. Никольский. Роман Чапека «Война с саламандрами». М., 1968.

³⁸ Д. Ф. Марков. Новаторские черты поэзии Христо Смирненского (К вопросу о творческом методе поэта). УЗИС, т. VIII, 1954; С. А. Шерлаимова. Станислав Костка Нейман (Чешский поэт-коммунист). М., 1959; С. В. Никольский. Иржи Волькер (Очерк творческого пути). УЗИС, т. VIII, 1954; Ю. В. Богданов. К вопросу о формировании эстетических взглядов и творческого метода Петера Илемницкого. В кн. Литература славянских народов, вып. 4. М., 1959.

стран, принцип, объективно позволяющий выявить как общее, так и специфическое в национальных литературных процессах. Первым таким исследованием явился коллективный труд «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (М., 1963). Материалы и выводы этого труда уже прочно вошли в научный обиход.

Работами подобного рода было положено начало пониманию социалистического реализма не как изолированного явления, а как главной движущей силы национального литературного процесса, находящейся в постоянном и сложном взаимодействии с другими литературными направлениями. Рассмотрение таких вопросов, как соотношение социалистического и критического реализма, социалистического реализма и авангардистских течений, получив отражение в ряде статей и монографий³⁹, составило основу проблематики второго коллективного труда указанной серии «Развитие зарубежных славянских литератур в XX в.» (М., 1965), а также сборника статей «Октябрь и зарубежные славянские литературы», (Киев, 1967) подготовленного совместно с украинскими литературоведами. Особенности современного литературного процесса зарубежных славянских стран явились темой следующего сборника — «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе» (М., 1968). К числу этих работ относится и монография Д. Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма (Из опыта южнославянских и западнославянских литератур)» (М., 1970), в которой на первый план выдвинуты общие теоретико-методологические аспекты развития социалистических литератур, проблематика их сравнительно-исторического изучения.

Дальнейшее исследование зарубежных славянских литератур XX в. идет по пути преимущественного внимания к вопросам общей теории и методологии на основе тщательного и все более углубленного изучения конкретного историко-литературного материала. Это относится, в частности, к коллективному труду «Формирование марксистской критики в зарубежных славянских литературах», который в ближайшее время выйдет из печати.

Большая область литературоведческих исследований — это исследование связей славянских литератур, прежде всего связей русской литературы с другими славянскими литературами⁴⁰. Важно отметить, что по этой теме появились и совместные работы с учеными социалистических стран⁴¹. Значительное число уже проделанных конкретных исследований позволяет в ближайшие годы — в соответствии с общей тенденцией развития нашей науки — переходить и в этой области к работам обобщающего характера, дающим представление о роли литературных связей в литературном процессе зарубежных славянских стран.

Одним из основных направлений в деятельности языковедов института было сравнительно-историческое изучение славянских языков. Оно включало в себя изучение ранней истории праславянского языка периода его диалектного членения и общеславянских процессов в истории отдельных славянских языков.

³⁹ С. А. Шерлаимова. Иржи Волькер и новые пути чешской поэзии XX в. М., 1965; В. А. Хорев. Владислав Броневский. М., 1965; Л. Н. Будагова. Витезслав Незвал. М., 1967.

⁴⁰ «Маяковский в славянских странах народной демократии». Кр. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 1. М., 1951; «Горький в славянских странах народной демократии». Там же, вып. 6; В. И. Злыднев. Русско-болгарские литературные связи XX в. М., 1964.

⁴¹ «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения». М., 1968 г.; «Революционная литература Польши 20—30-х гг.». М., 1969.

В связи с изучением ранней истории праславянского языка решались вопросы взаимоотношений праславянского языка с родственными индоевропейскими языками и прежде всего вопросы славяно-балтийских языковых отношений. В этой области было завершено и опубликовано несколько серьезных исследований, рассматривающих различные аспекты данной проблемы. Один из выпусков «Вопросов славянского языкознания» (вып. 4, М., 1959) был посвящен славяно-романским языковым контактам. Для решения ряда вопросов впервые в славистике был привлечен материал кельтских языков (работы В. А. Дыбо).

Развернутое освещение и истолкование получили хетто-славянские языковые параллели ⁴².

В области реконструкции древних славянских семантических систем и праславянских текстов В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым выполнен ряд работ: доклад о реконструкции праславянского текста на V Международном конгрессе славистов в Софии, монография на эту тему (1965 г.) и ряд последующих монографических статей. Эти исследования, дальнейшее развитие которых предусмотрено планами института, предполагают изучение тех проблем истории материальной и духовной культуры древних славян, которые поддаются лингвистическому восстановлению как на основании методов этимологического исследования, так и с помощью современного аппарата реконструкции текста (начиная с минимальных текстов-морфем и слов и кончая восстановлением значительно более обширных текстов на разных уровнях). На ближайшие годы планируется издание «Словаря общеиндоевропейского и балто-славянского слоев в лексике праславянских древностей», который рассматривается в качестве одного из лингвистических подходов к проблеме этногенеза славян.

Крупным достижением в изучении древнейших контактов индоевропейских языков с языками Старого света является капитальный труд В. М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)». Предварительные публикации из этого труда вызвали большой интерес у языковедов многих стран.

В области сравнительно-исторической фонологии была выполнена серия серьезных исследований, посвященных формированию и развитию категории твердости — мягкости согласных в славянских языках ⁴³. Сочетание согласных в славянских языках анализируется в монографическом исследовании и статьях С. М. Толстой. Из работ по сравнительной морфологии и синтаксису славянских языков следует назвать труд М. А. Гадолиной ⁴⁴, ряд монографий, посвященных истории славянских падежей ⁴⁵, обширное исследование имперфекта в славянских языках (Ю. С. Маслов).

Обобщающим трудом по сравнительной грамматике славянских языков является «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна, в первом томе которого (М., 1961) освещаются вопросы диалектного членения праславянского языка и история флетической системы праславянского языка и отдельных славянских языков. Завершен второй том «Очерка», содержащий морфонологию и историю именных основ.

⁴² В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

⁴³ Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных в славянских языках. М., 1961.

⁴⁴ М. А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

⁴⁵ «Творительный падеж в славянских языках». М., 1961 и др.

В своей деятельности языковеды института уделяли большое внимание лингвистическим аспектам этногенеза славян. В этом направлении особое внимание уделялось топонимике и этимологии⁴⁶.

Институту удалось активизировать изучение старославянского языка, занимавшего в русском славяноведении центральное место. Велись работы в области лексикологии, глагольных времен⁴⁷, глаголов движения, синтаксиса падежей, синтаксиса прилагательных, структуры слога⁴⁸ и др. В институте планируется работа над составлением однотомного словаря старославянского языка, сдан в печать специальный сборник исследований по старославянскому языку.

В области истории славянских языков большинство работ было посвящено болгарскому языку, как в плане исследования особенностей исторической диалектологии, фонетики и морфологии⁴⁹, так и с точки зрения истории новоболгарской письменности и литературного языка⁵⁰, формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения (работы Г. К. Венедиктова).

Вместе с тем велась работа и по истории польского, чешского, серболужского языков⁵¹.

В области диалектологии языковеды института ставили и решали многие теоретические вопросы, связанные с проблемами лингвистической географии, общеславянского лингвистического атласа, теории картографирования, диалектного языка, семантического поля и др., прежде всего на материале болгарских диалектов. В первые годы деятельности института основное внимание языковедов было сосредоточено на изучении болгарских говоров на территории Советского Союза. Важнейшим итогом явился первый в науке болгарский лингвистический «Атлас болгарских говоров в СССР» (М., 1958), составленный С. Б. Бернштейном, Е. В. Чешко и Э. И. Зелениной. Кроме того, был выполнен ряд монографических описаний отдельных говоров, опубликованных главным образом в 10 выпусках «Статей и материалов по болгарской диалектологии». С 1956 г. началась совместная работа болгаристов института с диалектологами Института болгарского языка БАН над первым томом «Болгарского диалектологического атласа», который вышел в свет в Софии в 1964 г. На основе новых диалектологических данных сотрудники института решали вопросы классификации болгарских говоров, происхождения и истории отдельных диалектных явлений, разрабатывались вопросы диалектной фонологии и морфологии и т. д.

Следует особо отметить серьезный вклад сотрудников института (Л. Э. Калнынь, М. И. Ермакова) в изучение серболужицких диалектов, сорабистики вообще. Участие (совместно с учеными ГДР) в сборе материалов для диалектологического атласа серболужицких языков, позволило институту активизировать исследования в этой области, подготовить

⁴⁶ В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепрья. М., 1962; Н. И. Т о л с т о й. Славянская географическая терминология. М., 1969.

⁴⁷ И. К. Б у н и н а. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

⁴⁸ М. И. Л е к о м ц е в а. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968.

⁴⁹ С. Б. Б е р н ш т е й н. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М., 1948; Е. В. Ч е ш к о. История болгарского склонения. М., 1970; И. К. Б у н и н а. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970.

⁵⁰ Е. И. Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин. София, 1968.

⁵¹ С. К. Ш а у м я н. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958; З. Н. С т р е к а л о в а. Из истории польского глагольного вида. М., 1968; Г. П. Н е щ и м е н к о. История именного словообразования в чешском языке конца XVIII—XX вв. М., 1968.

ряд крупных работ как по фонологии нижнелужицких диалектов, так и по ряду других проблем серболужицкого языкознания⁵².

В последнее время в институте начата разработка и вопросов польской диалектологии, в частности фонологии (работы С. М. Толстой). Совместно с полонистами Белоруссии начато изучение польских диалектов на территории СССР (работы Л. И. Масленниковой).

На координационном совещании 1961 г. было решено приступить к изучению диалектов Полесья и Карпат. Это связано с тем, что белорусские говоры Полесья и украинские говоры Прикарпатья и Закарпатья содержат ценнейший материал для решения многих общеславянских проблем. В течение ряда лет, начиная с 1962 г. институтом совместно с белорусскими и украинскими диалектологами были проведены экспедиции в Полесье и Карпатах. На основании собранного материала были выполнены коллективные исследования («Полесье», М., 1968; «Лексика Полесья», М., 1968; «Карпатский диалектологический атлас» и др.). Завершено монографическое исследование пастушеской терминологии в языках карпатского ареала (Г. П. Клепикова). Сдан в печать специальный сборник, посвященный языковым проблемам карпатского ареала. Работа по изучению полесских и карпатских говоров будет продолжена.

В области изучения контактов балтийских языков со славянскими серия исследований провела руководимая В. Н. Топоровым группа с участием Т. М. Судник, Л. Г. Невской, М. И. Лекомцевой. Важнейшим результатом этих исследований, изложенным в коллективной статье участников экспедиций («К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза», («Советское славяноведение», 1967, № 2) и подтвержденным позднейшими работами (в том числе монографией Т. М. Судник «К характеристике фонологических систем диалектов литовско-славянского пограничья». М., 1965), является существование фонологического языкового союза в зоне литовско-белорусско-польского многоязычия. Выводы этих работ важны как для изучения балто-славянских контактов позднего периода, так и для теоретической проблематики языковых контактов и многоязычия.

Изучение современных литературных языков — новая область языкознания в нашей стране, и лингвисты института уделяли ей серьезное внимание. И здесь на первом месте по количеству публикаций стоят исследования по грамматике болгарского языка.

Изучение синтаксиса и падежей — одна из центральных и дискуссионных проблем в болгарской грамматике, по которой высказываются противоположные суждения. В этой области в течение многих лет успешно работала группа ученых института, выдвинувших ряд плодотворных идей по обсуждаемым спорным вопросам. Многие выводы, сделанные ими на основе конкретного болгарского материала (теория употребления падежей и предлогов, теория вида и т. д.), прочно вошли в обиход языковедов СССР и зарубежных стран в качестве достижений теоретической грамматики⁵³.

В последнее десятилетие получили развитие грамматические исследования и на материале других зарубежных славянских языков: чешского

⁵² Л. Э. К а л н ы н ь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967; «Сербо-лужицкий лингвистический сборник». М., 1963; «Исследования по серболужицким языкам». М., 1970.

⁵³ Ю. С. М а с л о в. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963; «Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление)». В кн. Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959; М. Г. Р о ж н о в с к а я. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., 1970.

(Г. П. Нешименко), словацкого, польского (Л. Н. Смирнов, З. Н. Стрекалова), сербохорватского (Р. В. Булатова)⁵⁴.

В связи с общим направлением развития института все более видное место занимают исследования, в которых рассматриваются различные аспекты балканского языкового союза⁵⁵. В последнее время в Институте начата работа над проблемами античной балканистики (Л. А. Гиндин). Подготовлен и сдан в печать специальный сборник, посвященный проблемам балканского языкознания.

Лингвистами института велась работа и по типологическому описанию структуры фонологических и грамматических систем славянских языков. При этом ставилась задача выработки таких описаний, которые позволили бы установить общие характеристики и различительные черты разных славянских языков. Современные методы построения грамматических моделей языка были рассмотрены применительно к славянским языкам в двух монографиях И. И. Ревзина⁵⁶, конкретное описание грамматической системы одного славянского языка было проведено в книге А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (М., 1967), получившей высокую оценку специалистов. Существенным достижением А. А. Зализняка, широко используемым в ряде последующих работ советских и зарубежных лингвистов, явилось также установление закономерных соотношений между результатами синхронного описания морфонологической системы языка и ее диахронического развития, что не только важно для понимания конкретных фактов славянской акцентуации и чередований, им изучавшихся, но имеет и принципиальное значение для проблемы соотношения описательных и сравнительно-исторических исследований.

Современные математические и структурные методы моделирования языковых систем отрабатывались на материале относительно наиболее простых по числу элементов фонологических и грамматических систем славянских языков. Применение статистических методов при использовании электронных вычислительных машин к описанию фонологической системы польского и других славянских языков составило предмет монографии Д. М. Сегала, находящейся в печати. Типология слога в разных славянских языках изучена М. И. Лекомцевой в напечатанной ею книге «Типология структур слога в славянских языках» (М., 1968), где успешно соединяются методы структурного и математического описания языков. К типологическому описанию грамматических и фонологических систем славянских языков примыкают выполненные Т. М. Николаевой экспериментальные исследования грамматической роли интонации в разных славянских языках⁵⁷.

В институте на всем протяжении его деятельности уделялось внимание библиографической работе по истории славянской филологии, подготавливались и публиковались очерки жизни и деятельности русских и зарубежных славистов, проводился сбор материалов по истории научных связей русских и зарубежных славянских ученых в XIX—XX вв. В последнее время начата подготовка библиографического словаря русских славистов на базе накопленного материала. Определенные достижения

⁵⁴ «Исследования по чешскому языку». М., 1963; Л. Н. Смирнов. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М. 1970; «Исследования по польскому языку». М., 1969; «Исследования по сербохорватскому языку» (в печати).

⁵⁵ Т. В. Цивьян. Имя существительное в балканских языках. М., 1965.

⁵⁶ И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1962; е го же. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

⁵⁷ Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

имеются и в деле научной библиографии⁵⁸. Это направление своей работы институт в координации с другими учреждениями будет развивать и дальше.

* * *

Мы попытались охарактеризовать работу отдельных звеньев института в ее главных направлениях. Несомненно, итоги значительны, они вызывают законное чувство гордости. Вместе с тем перед институтом, особенно в последние годы, встают все новые и новые задачи. Расширилась его проблематика, возникла необходимость структурных изменений в нем.

Как видно из сказанного выше, на протяжении длительного времени общий профиль института определяла славистика; исследования носили в основном страноведческий характер. Но задача обобщения опыта строительства социализма, вполне понятно, вызвала необходимость расширения круга изучаемых стран — мы стали изучать и неславянские социалистические страны (Албанию, Венгрию, Румынию). Задачи балканистики привели к охвату в наших исследованиях всех стран Юго-Восточной Европы. Эти изменения, значительно раздвинувшие рамки проблематики института, проведенные многочисленные страноведческие исследования послужили базой для перехода к широкой комплексной разработке крупных актуальных проблем. Именно этот переход к комплексности, связанной с установлением общих закономерностей исторического и историко-культурного процесса, составляет главную суть качественно нового в научной деятельности института. Разумеется, и ранее появлялись отдельные сборники, в которых объединялись специалисты по разным странам. И это было выражением внутренней необходимости движения к комплексности. Но речь идет теперь не об отдельных только работах, и не о сборниках, а об организуемых по единому плану проблемных исследованиях, объединяющих и страноведов в рамках одной науки, например, истории или литературоведения, и представителей разных наук (историков, лингвистов, литературоведов, историков культуры и т. д.).

С этими новыми задачами связана реорганизация института, в составе которого возникли новые подразделения. Общее направление его научной деятельности определяется решениями XXIV съезда КПСС, а конкретные его задачи — Постановлением Президиума АН СССР от 18 июня 1970 г. «Об основных направлениях работы Института славяноведения и балканистики». Все это находит отражение в пятилетнем плане института на 1971—1975 гг. Об основной проблематике этого плана уже говорилось в ранее опубликованной статье⁵⁹. Здесь вновь подчеркнем некоторые существенные моменты.

Характерной чертой нашего пятилетнего плана является дальнейший поворот проблематики исследований к современности, увеличение удельного веса работ на актуальные темы, имеющие не только научное, но и политическое значение. Это особенно ярко проявилось в тематике, планируемой для вновь созданных в институте секторов, занимающихся современными проблемами, международными отношениями, периодом общего кризиса капитализма и эпохой строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь могут быть выделены: а) проблемы, посвященные участию зарубежных интернационалистов в Октябрь-

⁵⁸ «Славянское языкознание». Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1948 по 1960 г. Т. 2, М., 1963; И. Е. М о ж а е в а. Южнославянские языки. М., 1969.

⁵⁹ См. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

ской революции и влиянию опыта Великого Октября на народно-демократические и социалистические революции в европейских странах; б) серия документальных публикаций, сборников статей и монографий об отношениях СССР с этими странами и о международных отношениях в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на протяжении текущего столетия; в) ряд исследований по истории рабочего движения и внутриполитической борьбы межвоенного периода, в частности по проблемам народного фронта и фашизма; г) коллективные монографии о современном социально-политическом развитии и роли рабочего класса в социалистическом строительстве.

Решения XXIV съезда КПСС особо подчеркнули важность и плодотворность комплексных исследований в науке, а названное выше Постановление Президиума АН СССР еще раз подтвердило концепцию института как комплексного научного учреждения, располагающего учеными разных, дополняющих друг друга специальностей.

Пятилетний план включает ряд проблем и конкретных объектов широкого комплексного характера, над которыми будут совместно трудиться историки, литературоведы и языковеды. В их числе назовем здесь две проблемы: «Этногенез народов Центральной и Юго-Восточной Европы» и «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Во второй из названных проблем полностью или частично будет занято свыше 40 научных сотрудников, которые будут представлять все имеющиеся в институте специальности.

Наш опыт работы диктует необходимость дальнейшего расширения и совершенствования координации научных исследований в масштабах Советского Союза, а также упрочения деловых контактов и сотрудничества с зарубежными социалистическими странами. С этой точки зрения пятилетний план отражает не только количественные изменения (большинство важнейших его объектов предусматривает участие внеинститутских специалистов и ученых Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии), но и дальнейшее развитие наиболее действенных форм научного сотрудничества. В связи с этим важное место в плане занимает подготовка крупных документальных публикаций и сборников статей, проведение заранее запланированных и имеющих внутреннюю связь научных конференций по важнейшим научным проблемам. В качестве примера здесь могут быть указаны как называвшиеся выше комплексные проблемы, так и ряд других исторических, литературоведческих и языковедческих проблем из различных разделов плана.

Для научного планирования совершенно очевидна необходимость перспективы, выходящей за пределы одного пятилетия, что особенно важно при разработке крупных проблем, требующих сосредоточения больших сил и длительного времени для получения окончательных результатов. Институт еще не имеет перспективного плана на 15—20 лет, но план на текущее пятилетие в ряде случаев отражает более длительную перспективу. Так, проблема этногенеза, являющаяся одной из основных комплексных проблем института, планируется на длительный срок, причем на 1971—1975 гг. намечается лишь определение изученности проблемы, разработка методологии и методики исследования, поиски организационных форм. Аналогично положение с проблемой «Закономерности перехода от феодализма к капитализму». По этой проблеме на текущее пятилетие планируется завершение региональных и частных исследований, а также разработка принципов анализа накопленного материала с тем, чтобы в последующий период подготовить единый обобщающий труд, подводящий итог сделанному.

Коллектив института направляет свои усилия на изучение общих закономерностей исторического процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на всех его этапах и, что особенно важно, в период второй мировой войны и последующие десятилетия, когда ряд изучаемых институтом стран вступили на путь социалистического строительства. Одновременно изменение профиля института позволило ему в соответствии с насущными потребностями последнего времени начать разработку важнейших проблем, относящихся к балканистике. В различных разделах плана есть работы историков, литературоведов и языковедов, а также и комплексные труды, которые так или иначе относятся к этой дисциплине. Пока таких исследований недостаточно, но нужно учитывать, что балканистика вообще новая дисциплина, широкое развитие которой — дело будущего.

Повышение удельного веса исследований сравнительно-исторического характера находит свое отражение и в филологических разделах. Сравнительно-типологический аспект присущ большинству исследований, запланированных литературоведами института. Центральной проблемой, объединяющей их работы, является проблема изучения общих закономерностей и специфических особенностей развития литератур зарубежных славянских народов на разных этапах национальной истории (эпоха Возрождения, реализм, формирование и развитие социалистического реализма). Главной целью этих исследований будет выяснение вклада этих литератур в европейский и мировой литературный процесс. Важное место займут в этой связи работы, посвященные проблеме развития социалистических литератур на современном этапе.

Принцип сравнительно-исторического изучения славянских и балканских языков определяет значительную часть запланированных лингвистических исследований. В качестве примера можно указать на большую группу работ, посвященных проблеме контактов славянских языков и интерференции славянских и неславянских языков на территории Карпато-Дунайского бассейна, проблеме балканского языкового союза, сопоставительного изучения современных славянских литературных языков. Намечается дальнейшая разработка проблемы формирования национальных литературных языков, а также изучение и издание (совместно с Болгарской академией наук) уникальных памятников среднеболгарского языка, хранящихся в СССР.

Особенностью нового пятилетнего плана является то, что в нем появился раздел «История, методология славяноведения и балканистики». До сих пор специальных работ по истории науки и методологии в институте не планировалось, хотя важность этой тематики очевидна. Сейчас запланировано два объекта, из которых один посвящен истории славяноведения в дореволюционной России, а другой — развитию славяноведения и балканистики в СССР. Обе эти работы будут комплексными, т. е. объединяющими усилия историков, литературоведов и языковедов.

В перспективе предполагается систематическая разработка не только истории науки, но и методологических проблем, относящихся к компетенции института.

Институт имеет уже сложившиеся традиции. Многие работы его сотрудников представляют существенный вклад в науку. Но достигнутое — не тихая пристань, а ступень к новым ступеням, к открытию еще не открытых научных истин, к решению еще не решенных проблем. Коллектив Института сделает все возможное, чтобы достойно участвовать в выполнении задач, которые определены XXIV съездом КПСС.

П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ

·СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1921—1924 гг.

Возрожденное в результате Великой Октябрьской социалистической революции самостоятельное польское государство, вследствие захвата власти в нем милитаристской буржуазно-помещичьей группировкой, с первых дней своего существования стало проводить по отношению к советским республикам агрессивную политику. Польские милитаристы развязали против молодого Советского государства захватническую войну, кульминационным моментом которой явился поход маршала Пилсудского на Киев в конце апреля 1920 г. Однако авантюра Пилсудского, вдохновляемая и поддерживаемая Антантой, потерпела крах. Красная Армия мощными контрударами отбросила войска агрессоров на запад, освободила значительную часть захваченных ими белорусских и украинских земель и вынудила польское правительство начать мирные переговоры.

Подписанный 18 марта 1921 г. в Риге мирный договор с Польшей¹ положил начало новому периоду в советско-польских отношениях. Договором предусматривалось немедленное установление дипломатических отношений. Стороны обязывались в самое ближайшее время приступить к переговорам о заключении торгового договора, договора о транзите, подписать консульскую, почтово-телеграфную, санитарную, железнодорожную конвенции, которые позволили бы развивать нормальные всесторонние контакты между обеими странами. Советское правительство обязалось возвратить Польше культурные ценности, вывезенные русским царизмом во время разделов Речи Посполитой, уплатить Польше 30 млн. рублей в золоте по титулу активного участия польских земель в хозяйственной жизни бывшей Российской империи. Советские республики — РСФСР и Украина обязывались реэвакуировать в Польшу промышленное оборудование и железнодорожное имущество, вывезенное с польской территории вглубь России в 1914—1915 гг. в связи с военными действиями и германской оккупацией. Договором постановлялось осуществить репатриацию польских беженцев, обмен военнопленными и т. д. Договор гарантировал права национальных меньшинств, а также содержал ряд других двусторонних обязательств.

Советское правительство, последовательно проводя ленинскую внешнюю политику, в основе которой лежало мирное сосуществование с капиталистической системой, стремилось выполнить постановления Рижского

¹ Ход польско-советской войны 1919—1920 гг., а также мирных переговоров подробно изложен в специальной монографии (П. О л ь ш а н с к и й. Рижский мир. М., 1969). Там же помещен и полный текст Рижского мирного договора.

мирного договора. В то же время правящие круги Польши, питавшие классовую ненависть к Советскому государству, всячески противились нормализации отношений с ним. Правящая буржуазно-помещичья группировка, в которой продолжали сохранять сильное влияние те силы, которые развязали в 1920 г. антисоветскую войну, и после заключения Рижского мирного договора не отказались от агрессивных планов в отношении советских республик. В начале 1921 г. Польша заключила военно-политический союз с Францией, став главным звеном сколачиваемого западноевропейским империализмом, и в первую очередь французским, антисоветского «санитарного кордона».

По вине польского правительства на несколько месяцев задержался обмен дипломатическими представителями, без чего невозможны были вообще какие-либо нормальные межгосударственные отношения. Лишь после неоднократных напоминаний со стороны Народного комиссариата по иностранным делам (НККИД)², в начале августа 1921 г. польское правительство разрешило приезд в Варшаву полномочного представителя РСФСР Л. М. Карахана. Одновременно в Москву прибыл поверенный в делах Польши в РСФСР Т. Филипович.

Враждебная по отношению к Советской стране политика правящих кругов Польши наиболее ярко проявилась в поддержке польскими властями, в том числе Генеральным штабом, контрреволюционных антисоветских банд Петлюры, Савинкова и др., что явилось грубым нарушением статьи V Рижского мирного договора³. В Польше были интернированы выброшенные на ее территорию отряды украинских буржуазных националистов — петлюровцев, участвовавших в антисоветской войне на стороне Польши (около 15 тыс. человек). Однако в лагерях для интернированных сохранялись военная организация, военные подразделения, проводилась военная подготовка, причем в качестве инструкторов зачастую привлекались офицеры польской армии, а во время учений солдатам выдавалось оружие.

Осенью 1921 г. вооруженные польским военным ведомством отряды петлюровцев под общим командованием генерала Ю. Тютюника были перебросены по польским железным дорогам к советской границе, откуда совершили нападение на пограничные районы Украинской ССР, действуя по оперативному плану, составленному с помощью офицеров польского Генерального штаба⁴. Основные силы петлюровских банд были быстро разгромлены, однако нападения мелких банд и диверсионных групп продолжались еще долгое время и наносили материальный ущерб Советской стране. На территории Польши на протяжении всего 1921 г. открыто действовало «правительство» Петлюры и его «рада» — подобие парламента — получавшие субсидии от польского правительства⁵. В Варшаве обосновался белогвардейский «Русский политический комитет» во главе с Б. Савинковым. Комитет на деньги, получаемые от польского правительства, издавал газету, множество брошюр и других материалов антисоветского содержания, предназначенных для распространения на территории Советской страны. При содействии польских властей савинковский комитет вел антисоветскую работу среди русских военнопленных и интернированных белогвардейцев, вербовал и засылал на советскую территорию

² «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. IV. М., 1960, стр. 129, 139.

³ ДВП СССР, т. III, М., 1959, стр. 623—624.

⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (далее — «Документы и материалы ...»), т. IV. М., 1966, стр. 80.

⁵ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 12, л. 28.

многочисленные диверсионно-разведывательные группы, а нередко и крупные вооруженные банды.

Открыто нарушая свои обязательства по Рижскому мирному договору, польское правительство в то же время требовало точного выполнения соответствующих статей советской стороной. Печать «народовых демократов» и других буржуазных партий, а также газеты пилсудчиков развернули антисоветскую кампанию, направленную на обострение польско-советских отношений. В эту кампанию включился и центральный орган ППС газета «Роботник». На ее страницах из номера в номер помещали клеветнические материалы антисоветского содержания. Наибольшую активность в антисоветской деятельности и теперь проявляли Пилсудский и его сторонники, стремившиеся довести обострение отношений до конфликта.

Используя активизацию петлюровцев и русских белогвардейцев, а также ухудшение внутреннего положения Советской страны в связи с неурожаем и голодом, охватившим ряд губерний Поволжья, милитаристские круги Польши толкнули правительство на крайние действия. Этому способствовал и правительственный кризис, вызванный Пилсудским, занимавшим в то время пост главы государства. Коалиционный кабинет во главе с лидером партии — людовцев «Пяст» В. Витосом получил отставку. Формирование нового кабинета Пилсудский поручил своему стороннику А. Пониковскому. Правительство, сформированное Пониковским, не опиралось ни на одну из сеймовых группировок, что позволяло пилсудчикам оказывать решающее влияние на политику государства, в том числе и внешнюю. И вот буквально на другой день после отставки кабинета Витоса, 14 сентября 1921 г., когда начался правительственный кризис (новый кабинет был сформирован лишь через 6 дней) и вся власть находилась в руках Пилсудского, польский поверенный в Москве Филипович вручил наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину ноту. В ней в ультимативном порядке Польша требовала не позднее 1 октября выполнения Советским правительством некоторых обязательств по Рижскому договору: передачи причитающихся Польше золота и других ценностей, начала реэвакуации имущества и расчетов в соответствии со ст. XI—XVI мирного договора⁶; освобождения и доставки к польской границе всех польских военнопленных, а также польских граждан, находившихся в тюрьмах и под арестом за совершенные преступления против Советского государства⁷ (их репатриация должна была проводиться в порядке персонального обмена, в соответствии с соглашением о репатриации от 24 февраля 1921 г.).

Филипович открыто угрожал разрывом дипломатических отношений в случае непринятия Советским правительством этих ультимативных требований⁸.

Советское правительство проявило твердость, выдержку и хладнокровие. Выразив желание урегулировать спорные вопросы мирным путем, оно вновь заявило о своем согласии к 1 октября внести первый взнос золота в качестве эквивалента за железнодорожное имущество и приступить к реэвакуации культурных ценностей и промышленного имущества, если к тому же сроку польское правительство выполнит требования Советской страны: об удалении Савинкова, Петлюры и их ближайших соучастников с польской территории; о привлечении к ответственности лиц, оказывавших поддержку савинковцам и петлюровцам — о чем уже неоднократно заявлялось в нотах НКВД правительству Польши⁹.

⁶ ДВП СССР, т. III, стр. 629—638.

⁷ АВП СССР, ф. 122, оп. 4, д. 8, л. 69.

⁸ Там же, л. 70.

⁹ ДВП СССР. т. IV, стр. 312—320; 340—342; 366—369.

Протест польской общественности и твердая позиция Советского правительства вынудили правительство Польши переменить тон. 30 сентября в Варшаве начались переговоры между Л. М. Караханом и вице-министром иностранных дел Польши Я. Домбским об урегулировании конфликта. Они завершились подписанием 7 октября специального протокола. Правительство Польши обязалось удалить с польской территории Петлюру, Савинкова и 12 других главарей антисоветских контрреволюционных организаций и банд¹⁰ и впредь точно выполнять ст. V мирного договора¹¹. Было согласовано, что немедленно начнут работу Реэвакуационная и Специальная смешанные комиссии. Советское правительство обязалось к 20 октября 1921 г. передать правительству Польши первый взнос в счет уплаты эквивалента за железнодорожное имущество согласно ст. XIV мирного договора¹², а также принять меры к быстрой реэвакуации промышленного оборудования и возвращению культурных ценностей¹³.

Протокол от 7 октября 1921 г. должен был стать отправным пунктом для коренного улучшения советско-польских отношений на основе обоюдного выполнения Рижского мирного договора.

Что касается Советского правительства, то оно немедленно приступило к выполнению своих обязательств. 1 ноября Польше был уже передан первый взнос эквивалента в виде золота и драгоценностей¹⁴. 10 марта 1922 г. был передан второй взнос¹⁵. В том же году был погашен последний взнос¹⁶. 8 октября 1921 г., т. е. на другой день после подписания упомянутого протокола, приступили к работе смешанные советско-польские Реэвакуационная и Специальная комиссии, а 6 декабря 1921 г. был отправлен первый эшелон с обстановкой королевских замков Варшавы и другими культурными ценностями¹⁷. В течение 1922—1924 гг. в основном была осуществлена реэвакуация в Польшу промышленного оборудования, возвращены музейные экспонаты, архивы, книги и другие культурные ценности, принадлежавшие польскому народу. Несколько задержалась выплата эквивалента за оставшиеся в составе фондов Петроградской публичной библиотеки (ныне Библиотека имени Салтыкова-Щедрина) части книжных собраний и коллекций рукописей в соответствии со ст. XI мирного договора. Выплата задержалась не по вине советской стороны: определение количества оставляемых книг и размера эквивалента требовало более длительного времени, чем это было определено договором. Не были окончательно завершены расчеты по ст. XIV—XVII мирного договора¹⁸.

Таким образом, сравнительно небольшая задолженность советской стороны частью в натуре, частью в деньгах, объяснялась тем, что некоторые требования польской стороны были представлены в смешанные комиссии с опозданием, либо не были в достаточной степени обоснованы, а также необходимостью перерасчетов по контр-претензиям, предъявленным советской стороной. В некоторых случаях, что касалось реэвакуации фабрично-заводского оборудования, требовалось дополнительное время для его поисков.

Все эти неудовлетворенные претензии были погашены советско-польским соглашением о реэвакуации и компенсации имущества, подписанным

¹⁰ ДВП СССР, т. IV стр. 394.

¹¹ Там же, т. III, стр. 623.

¹² Там же, стр. 656—658, приложение № 10 к мирному договору.

¹³ ДВП СССР, т. IV, стр. 395.

¹⁴ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 127.

¹⁵ Там же, стр. 153.

¹⁶ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 28, л. 1

¹⁷ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 153.

¹⁸ ДВП СССР, т. III, стр. 633—638.

25 августа 1924 г. правительственными делегациями СССР и Польши¹⁹. Соглашением был подведен итог выполнению материальных обязательств, являвшихся одной из важнейших составных частей Рижского мирного договора. Соглашение подводило итог кропотливой работе Реввакуационной, Специальной и Расчетной смешанных комиссий. Оно вносило ясность в сложные и запутанные взаиморасчеты, разоблачало клевету, что якобы советская сторона уклонялась от выполнения своих обязательств по Рижскому договору.

Советское правительство постаралось быстрее рассчитаться с Польшей по оставшимся платежам. 2 декабря 1924 г., раньше назначенного срока, через Советское полпредство в Варшаве польскому правительству было передано 102 913 американских долларов как эквивалент суммы 200 000 золотых рублей²⁰ в погашение платежей в соответствии с соглашением от 25 августа 1924 г.

Что касается выплаты эквивалента за те книжные коллекции и рукописи, которые смешанная комиссия признала целесообразным не ревакуировать, то 16 ноября 1927 г. между Польшей и СССР было подписано Генеральное соглашение, охватывавшее и окончательно удовлетворявшее «все без исключения требования, заявленные смешанной Специальной комиссией в соответствии со ст. XI Рижского мирного договора»²¹.

Из материальных обязательств Советского правительства задерживалась лишь реализация постановления ст. XIII мирного договора — об уплате Польше 30 млн золотых рублей по титулу «активного участия земель Польской республики в хозяйственной жизни бывшей Российской империи»²².

Советское правительство вовсе не имело намерения уклоняться от выполнения этого обязательства. Но в тот период Советское государство испытывало большие финансовые и валютные трудности. Для восстановления золотого запаса был необходим определенный уровень развития экономики и внешней торговли. Все это требовало срока, развития экономических связей, оживленного товарооборота с капиталистическими странами, в том числе и с Польшей.

Рижским мирным договором постановлялось: «приступить к переговорам о торговом договоре и компенсационном товарообмене» не позднее, чем через 6 недель с момента ратификации мирного договора²³. Польша обязывалась предоставить советским республикам свободный транзит через ее территорию, что имело огромное значение для развития торговли Советской страны со странами Западной Европы. В то же время транзит, как важный источник дохода, был выгоден и для самой Польши.

Договор о транзите должен был стать составной частью будущего торгового договора²⁴.

Напряженность в советско-польских политических отношениях помешала началу торговых переговоров в 1921 г. Между тем торгово-промышленные круги Польши все настойчивее требовали заключения торгового договора. Беспокойство этих кругов усилилось в связи с Генуэзской конференцией, так как появилось опасение, что Польша может вообще оказаться отстраненной западными державами от участия в «экономическом восстановлении России». Усилившееся давление на польское правительство, с одной стороны, и некоторое ослабление напряженности в совет-

¹⁹ Там же, т. VII, стр. 636—643.

²⁰ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 9, л. 70.

²¹ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 223.

²² ДВП СССР, т. III, стр. 633.

²³ Там же, стр. 639—640.

²⁴ Там же, стр. 640.

ско-польских отношениях после подписания протокола от 7 октября 1921 г., с другой, привели к обмену мнениями между правительствами о начале переговоров.

Начавшиеся 10 марта 1922 г. переговоры о торговом договоре не привели, однако, к положительным результатам. Польская делегация обусловила подписание торгового договора предварительным выполнением советской стороной ряда финансовых обязательств по Рижскому договору²⁵, при этом она требовала отмены монополии внешней торговли. В дальнейшем Советское правительство не раз поднимало вопрос о торговом договоре. В частности, об этом вел речь зам. наркома по иностранным делам М. М. Литвинов в беседах с руководителями польского правительства в начале августа 1922 г. в Варшаве²⁶, а также нарком Г. В. Чичерин, посетивший Варшаву в конце октября того же года²⁷. Однако правящие круги Польши, среди которых сильное влияние продолжали иметь пилсудчики, не желали развития торговых связей, как и вообще улучшения отношений с советскими республиками.

Одним из проявлений враждебной Советскому государству политики Польши явилось сколачивание ею антисоветского блока прибалтийских государств. Хотя у правительств этих государств, заинтересованных в экономических и политических связях с восточным соседом, не было единодушия в этом вопросе, Польше удалось склонить к поддержке своей антисоветской политики правительства Эстонии, Латвии и Финляндии. Варшавская конференция Польши и прибалтийских государств в марте 1922 г. приняла Протокол, имевший антисоветскую направленность²⁸.

Правительство Польши, действуя в сговоре с правительствами прибалтийских государств, добилось срыва Московской конференции по сокращению вооруженных сил, созванной по инициативе Советского правительства в декабре 1922 г. Тем самым был нанесен серьезный ущерб делу укрепления мира и безопасности в Восточной Европе и, разумеется, советско-польским отношениям.

Советское правительство, последовательно проводя миролюбивую политику и исходя из того, что развитие торговли явилось бы важной базой для улучшения межгосударственных отношений, продолжало напоминать Польше о еще не выполненном важнейшем постановлении мирного договора²⁹. Переговоры о торговом договоре возобновились в Москве 9 марта 1923 г. Спустя месяц в условиях развернувшейся в Польше антисоветской кампании в связи с проходившим в Москве процессом антисоветской группы ксендзов польская делегация возвратилась в Варшаву, и переговоры вновь были прерваны³⁰.

1923 год был для Советского государства годом дальнейшего упрочения внутреннего положения и роста авторитета на международной арене. Благодаря принятой партией новой экономической политике Советская страна успешно преодолевала экономические трудности. Крупнейшим событием года было образование СССР. Сессия ЦИК СССР 6 июля 1923 г. утвердила Декларацию и договор об образовании СССР, принятые I Всесоюзным съездом Советов³¹. Образование Союзного государства укрепило

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 413, оп. 4, д. 367, л. 3.

²⁶ «Документы и материалы...», т. IV., стр. 169.

²⁷ Там же, стр. 176.

²⁸ K. K u m a n i e s k i. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912—1924. Warszawa, 1924, s. 603—604.

²⁹ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 219.

³⁰ «Годовой отчет НКВД за 1923 год II съезду Советов СССР». М., 1924, стр. 64.

³¹ Конституция СССР была принята II Всесоюзным съездом Советов в январе 1924 г.

международные позиции СССР. В 1924 г. многие капиталистические государства признали СССР де-юре. Это укрепляло позиции сторонников сближения с СССР в Польше и оказывало влияние на политику правительства Польши.

Предпосылки для установления добрососедских отношений между Польшей и СССР создавались и некоторым изменением соотношения политических сил в Польше. В конце мая 1923 г. к власти пришел блок народной демократии, клерикалов и правых людовцев. Пилсудский отстранился на некоторое время от активной государственной деятельности. Уход из правительства пилсудчиков имел своим последствием отказ правительства от откровенно агрессивного курса в отношении СССР. В первой своей программной речи в сейме 1 июня премьер-министр В. Витос хотя и заявил, что Польша, как и прежде, «является оборонным валом для всей Европы» против коммунизма, добавил, что правительство Польши «искренне хочет реализации заключенного с Россией мирного договора по всем пунктам...»³².

Однако заявление главы польского правительства не нашло подтверждения на практике. Польское правительство отвергло очередное предложение Советского правительства (июль 1923 г.) о возобновлении переговоров о торговом договоре на широкой базе выполнения обеими сторонами обязательств по Рижскому мирному договору. Вместо этого оно, как и прежде, выдвинуло требование одностороннего выполнения Советским правительством постановлений Рижского договора, обвинив его в уклонении от их реализации³³.

Осенью 1923 г. Советским правительством была предпринята еще одна попытка склонить правительство Польши к заключению соглашения по экономическим вопросам. В связи с расширявшимися торговыми связями со странами Западной и Центральной Европы, особенно с Германией, чрезвычайно большое значение для Советской страны приобретало разрешение вопроса о транзите. В частности, летом 1923 г. Внешторг СССР подписал соглашение с германским правительством о поставке в Германию 20 млн пудов зерна, основную часть которого предполагалось перебросить по железным дорогам транзитом через территорию Польши. Революционные события, развернувшиеся в Германии осенью 1923 г., придавали вопросу о транзите особую важность. Трудящиеся Советской страны, питавшие братские симпатии к революционному пролетариату Германии, готовы были оказать ему помощь продовольствием. Для этого необходим был гарантированный транзит через польскую территорию. С другой стороны, существовала опасность вмешательства мировой контрреволюции в германские события. Можно было предполагать о выступлении Франции, а за нею и Польши, связанной с Францией узами военного союза. А это уже было бы прямой угрозой не только делу германской революции, но и миру во всей Восточной Европе и, прежде всего, Советской стране. Необходимо было удержать Польшу от вооруженного вмешательства в германские дела и в то же время рассеять распространявшиеся за границей провокационные слухи о намерении СССР оказать вооруженную помощь германской революции, к тому же через территории прибалтийских государств и Польши.

С целью добиться нейтрализации Польши и успокоения прибалтийских стран Советское правительство предложило приступить к переговорам по неурегулированным вопросам.

³² «Sejm RP. Sprawozdanie stenograficzne 41 posiedzenia 1 VI 1923 łam. 6». Warszawa, 1923.

³³ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 339.

В октябре 1923 г. член коллегии НКВД В. Копп посетил Ревель, Ригу и Ковно и в личных беседах с руководителями министерств иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы выяснил возможность сохранения этими государствами нейтралитета по отношению к Германии, а также предоставления свободного транзита в Германию и из Германии³⁴. Советские предложения о нейтралитете и транзите встретили у прибалтийских стран благоприятный отклик. Однако они ожидали выяснения позиции Польши по этим вопросам.

29 октября в Варшаве начались переговоры между В. Коппом и вице-министром иностранных дел Польши М. Сейдой. Представитель Советского правительства предложил договориться по всем нерешенным вопросам Рижского мирного договора. Это, в первую очередь, заключение торгового договора, соглашения, гарантирующего обеим сторонам свободный транзит независимо от внутренних политических условий в странах назначения их обоюдного экспорта. Что касается еще не выполненных финансовых обязательств Советского правительства, то предлагалось заключить особое финансовое соглашение, устанавливающее конкретный срок уплаты причитающейся суммы в золотых рублях³⁵. Исходя из предположения о скором заключении торгового договора, советская сторона предложила, не ожидая его подписания, развернуть торговый обмен, применяя принцип наибольшего благоприятствования в отношении таможенного обложения товаров обоюдного экспорта. Согласованные постановления предлагалось зафиксировать в специальном протоколе, проект которого был передан В. Коппом польской стороне. Протоколом не отменялись никакие договорные соглашения, существовавшие между подписывающими его сторонами. Относительно взаимных обязательств по Рижскому договору, которые не войдут в этот протокол, предусматривалось заключение в ближайшее время особого соглашения.

Польский представитель, не выдвигая сколько-нибудь аргументированных возражений против подписания такого протокола, возражал против включения в этот документ четких и ясных формулировок об обеспечении свободного транзита. Он не согласился на заключение общего торгового договора, предложив ограничиться подписанием некоего «малого торгового договора»³⁶, что лишь вводило в сторону от кардинального решения вопроса о развитии советско-польских торгово-экономических связей.

Колебания и уклончивая позиция, занятая правительством Польши, повлияли и на правительства прибалтийских государств, которые не решились подписать с СССР соглашения по указанным вопросам.

Хотя переговоры не дали желаемых результатов, однако, они не были совершенно бесполезными. Советское правительство еще раз продемонстрировало свое искреннее стремление к миру и сотрудничеству со своими соседями. Переговоры способствовали разоблачению измышлений буржуазной печати о «красном империализме». «Наши противники кричат о якобы подготовляющемся нами походе через Польшу, — писала „Правда“. Каждый непредубежденный человек видит, что наша политика строится не на барабанном бое, а на проведении твердой, ясной и последовательной политики мира... Наша воля к миру — вот что вытекает из варшавских переговоров»³⁷. Предложения Советского правительства, благодаря печати КРПП, становились достоянием широких масс в Польше, что способствовало росту симпатий к Советской стране. «О наших мирных предложе-

³⁴ «Годовой отчет НКВД за 1923 год ...», стр. 43.

³⁵ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 252.

³⁶ Там же, стр. 249.

³⁷ «Правда», 1923, 17 ноября.

ниях знает теперь вся рабочая и вся крестьянская Польша, что вовсе не безразлично для польского правительства», — писала «Правда»³⁸.

Польские коммунисты вели упорную борьбу за улучшение польско-советских отношений, за развитие торговли между обеими странами. В октябре 1923 г., в связи с советско-польскими переговорами, ЦК КРПП издал обращение к рабочим Польши с призывом вести борьбу за оживление торговли с СССР, так как «лишь это является реальным выходом из экономического тупика, в который завели страну правящие круги»³⁹.

В ходе варшавских переговоров наметилась возможность соглашения по некоторым важным вопросам советско-польских отношений. Правительство Польши, уклонявшееся в течение нескольких месяцев от положительного ответа на нотификацию НКВД об образовании Союза ССР, теперь согласилось на формальное признание СССР и изъявило желание немедленно после урегулирования этого вопроса приступить к переговорам о заключении торгового договора и железнодорожной конвенции, в которой бы нашли конкретное разрешение также технические вопросы транзита⁴⁰. В конце 1923 г. наметился определенный поворот в сторону расширения товарообмена. Советскими внешнеторговыми организациями был совершен ряд сделок с польскими промышленными и торговыми фирмами⁴¹. Москву посетила делегация Союза лодзинских текстильных фабрикантов. Во время переговоров с наркомвнешторгом была достигнута договоренность о товарообмене⁴².

В этот же период развернуло работу смешанное советско-польское общество «Росполь», осуществлявшее экспортно-импортные операции между СССР и Польшей⁴³. Стал наблюдаться рост торгового оборота с Польшей. Так, если импорт из Польши в СССР в 1922 г. составлял сумму 7 749 000 рублей (в ценах 1913 г.), а в 1923 г. увеличился до 9 586 000 рублей, т. е. всего лишь на два с небольшим миллиона, то в 1924/25 оперативном году он возрос до 11 322 000 рублей⁴⁴.

Международное положение Советского государства в 1924 г. еще более упрочилось. Установившееся некоторое равновесие сил, сделавшее возможным мирное сосуществование, еще более стабилизировалось. В основе этого временного равновесия лежала внутренняя слабость мировой капиталистической системы, с одной стороны, и усиление Советского государства и рост революционного движения в капиталистических странах, с другой. Капиталистические державы были вынуждены примириться с существованием государства рабочих и крестьян. А настоятельная потребность в развитии экономических связей с Советской страной вынудила правительства многих буржуазных государств вступить с Советским правительством в дипломатические отношения — признать его де-юре.

1 февраля 1924 г. признало СССР правительство Великобритании, через неделю — правительство Италии. Вскоре их примеру последовали Китай, Норвегия, Австрия, Греция, Дания, Швеция, Мексика, Албания, Венгрия и др. В октябре 1924 г. СССР был признан Францией. К концу года Советский Союз имел дипломатические отношения уже с 21 государством⁴⁵.

Столь радикальное изменение позиции западных держав в отношении СССР отозвалось в Польше усилением давления на правительство со сто-

³⁸ Там же.

³⁹ АЗНР. Druki ulotne, zesp. 305, t. 33, k. 53.

⁴⁰ «Документы и материалы ...», т. IV, стр. 254.

⁴¹ «Известия», 1923, 18 декабря.

⁴² АМВТ СССР, ф. Секретариата, д. 78, л. 24, 25.

⁴³ ЦГАНХ СССР, ф. 413, оп. 19, д. 337, л. 137, 138.

⁴⁴ АМВТ СССР, ф. Торгпредства СССР в Польше, оп. 3476, д. 38, л. 1.

⁴⁵ «История КПСС», т. 4, кн. 1, стр. 264.

роны как демократических слоев общества, так и торгово-промышленных кругов, требовавших улучшения отношений с Советским Союзом. Ряд руководящих деятелей⁴⁶ и влиятельных газет высказывались за смягчение жесткой позиции в отношении СССР⁴⁷. Вслед за этим последовали некоторые практические шаги в направлении польско-советского сближения. Правительством Польши был отозван из Москвы прежний дипломатический представитель Р. Кюлль, принадлежавший к лагерю пилсудчиков. Впервые новый представитель имел ранг посланника. Им стал Л. Даровский, экономист по образованию, занимавший до этого пост министра труда. В отличие от своих предшественников, Л. Даровский ни идейно, ни организационно не был связан с пилсудчиками. Вручая свои верительные грамоты председателю ЦИК СССР М. И. Калинину 8 марта 1924 г., посланник заявил, что правительство Польши намерено «строить взаимные отношения на принципах добрососедства и доверия...»⁴⁸. Правительство Польши приняло предложение Советского правительства о быстрейшем урегулировании вопроса о железнодорожном сообщении⁴⁹. 31 марта начались переговоры, а 24 апреля 1924 г. была подписана конвенция о прямом пассажирском и товарном железнодорожном сообщении⁵⁰. Отсутствие соглашения позволяло железнодорожным властям Польши произвольно завышать тарифы на провоз советских грузов по польским железным дорогам, нанося ущерб советской внешней торговле. В соответствии с конвенцией для советских товаров, следовавших транзитом через территорию Польши, впредь устанавливались тарифы, применяемые в Польше по внутренним перевозкам.

Благодаря происшедшему в конце 1923 — начале 1924 г. некоторому улучшению отношений СССР и Польши появилась возможность для реализации одного из важнейших постановлений Рижского мирного договора — заключения 18 июля 1924 г. консульской конвенции⁵¹, являющейся непременным условием нормального развития межгосударственных отношений. Это было первое соглашение принципиального характера, заключенное с Польшей после подписания Рижского мирного договора. Предусматривалось открытие консульской сети в обеих странах. Кроме существовавших до этого консульств в Харькове и Минске (при правительствах УССР и БССР) Польша открывала свои консульства в Ленинграде, Киеве, Хабаровске и Тифлисе. Правительство СССР получало право открыть консульства во Львове, Гданьске и Лодзи⁵². Было предусмотрено дальнейшее расширение консульской сети: открытие советского консульства в Кракове и польского — в Ново-Николаевске.

Консульская конвенция создавала предпосылки для установления прочных торгово-экономических связей, ибо она разрешала проблему юридического статуса граждан обеих государств, как постоянно проживающих в стране, так и приезжающих по делам, связанным с торговым обменом. Советская общественность с большим удовлетворением⁵³ встретила подписание конвенции⁵⁴.

⁴⁶ CAMSW, W — W, 37, t. 11, dok. 11.

⁴⁷ «Rzeczpospolita», 13 II 1924.

⁴⁸ ДВП СССР, т. VII, стр. 141.

⁴⁹ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 22, л. 2.

⁵⁰ «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР». М., 1928, отд. II, № 68, стр. 280.

⁵¹ ДВП СССР, т. VII, стр. 399.

⁵² «Документы и материалы...», т. IV, стр. 315.

⁵³ «Известия», 1923, 19 июля.

⁵⁴ Ратификация конвенции состоялась, однако, лишь спустя два года — 27 марта 1926 г. Обмен ратификационными грамотами происходил в Варшаве 1 апреля 1926 г.

Смягчение напряжения в советско-польских отношениях благоприятно сказалось и на работе смешанной Пограничной комиссии. 31 июля 1924 г. был подписан «Общий окончательный протокол прохождения государственной границы между СССР с одной стороны и Польской республикой с другой»⁵⁵.

Делом большой политической важности было проведение оптации и репатриации польских граждан, осуществлявшихся на основе мирного договора. С весны 1921 г. по апрель 1924 г. было репатрировано в Польшу из советских республик 1 100 000 человек⁵⁶. В этот же период на основании Соглашения от 24 февраля 1921 г. осуществлялся обмен политзаключенными и заложниками, в результате которого Советским правительством были вырваны из польских застенков многие десятки борцов за свободу — польских революционеров.

Проявленная польским правительством готовность к урегулированию нерешенных вопросов позволяла надеяться на то, что теперь могут быть с позитивным результатом рассмотрены и вопросы развития торгово-экономических отношений. Советское правительство в ноте от 5 апреля 1924 г. предложило Польше возобновить переговоры о торговом договоре при параллельном разрешении вопросов, связанных с выполнением материальных обязательств по мирному договору⁵⁷.

В ответной ноте Л. Даровского в НКВД сообщалось, что его правительство согласно вести переговоры в той плоскости, как это предложила Москва⁵⁸. Хотя в дискуссии по этому вопросу, ведшейся в обеих палатах польского сейма, многие парламентарии выступали за немедленное подписание торгового договора с СССР, правительство и на этот раз уступило перед давлением противников экономического сближения с Советской страной.

В середине 1924 г. появились признаки новой активизации пилсудчиков и усиления их влияния на внешнюю политику правительства. Этому способствовала неудачная попытка правительства Вл. Грабского (эндек), пришедшего к власти в начале 1924 г., провести «санацию» финансов страны за счет мобилизации внутренних ресурсов, т. е. путем переложения ее бремени на плечи трудовых слоев населения (увеличение налогов, удлинение рабочего дня до 10 часов и т. д.). Пилсудчики при поддержке лидеров ППС и некоторых крестьянских партий использовали возмущение недовольства народных масс и усилили атаки в сейме и сенате на правительство с целью захвата ключевых позиций в государстве. Они ориентировались на английских финансовых магнатов, надеясь с их помощью ликвидировать кризис финансовой системы страны. Пилсудчиков и лидеров ППС сближала с английским империализмом также общая концепция ослабления и последующего расчленения Советского государства.

Со своей стороны, английские финансовые магнаты стали проявлять повышенный интерес к Польше, которая могла пригодиться английскому империализму как плацдарм для будущей агрессии против СССР.

С усилением влияния в польском правительстве сторонников проанглийской ориентации изменялась его позиция в отношении СССР. В июле 1924 г. был отозван из Москвы посланник Даровский. Почти одновременно получил отставку министр иностранных дел М. Замойский — сторонник профранцузской ориентации. На пост министра иностранных дел был назначен англофил А. Сквишинский, который, будучи представителем

⁵⁵ «Сборник законов СССР», 1933, отд. II, № 26, стр. 186—216.

⁵⁶ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 308.

⁵⁷ ДВП СССР, т. VII, стр. 177.

⁵⁸ Там же, стр. 178.

Польша в Лиге Наций, установил тесные контакты с финансовыми кругами Англии и США. Тем временем сторонники Пилсудского открыто стали подготавливать возвращение своего лидера на руководящий пост, добиваясь обеспечения ему «надлежащего положения в государстве»⁵⁹. Это стремление находило поддержку в правящих кругах Англии, установивших через своих дипломатических представителей в Польше контакты с Пилсудским и оказывавших на польское правительство соответствующее давление⁶⁰.

В планах ослабления Советского государства, разрабатывавшихся западным, в том числе американским империализмом, после провала попыток его вооруженного разгрома видное место занимал план восстановления военно-экономического потенциала Германии с использованием его в будущем в борьбе против СССР. В качестве ближайшей перспективы намечалось путем предоставления займов Германии возродить ее промышленность, продукция которой должна была хлынуть на советский рынок, захлестнуть его и таким образом подчинить экономику Советской страны иностранному капиталу. Этот план, получивший наименование «плана Дауэса» (по имени американского банкира, возглавлявшего международный комитет экспертов по его составлению), представлял серьезную угрозу и для Польши. Возрождение германского милитаризма угрожало безопасности западных границ Польши. Наводнение же польского рынка дешевыми германскими товарами, начавшееся буквально вслед за принятием «плана Дауэса» (утвержденного 16 августа 1924 г. на лондонской конференции держав-победительниц), наносило удар по польской экономике. Правительство Польши под усиливающимся влиянием сторонников курса на сближение с англо-американским империализмом, одобрило «план Дауэса» и готово было пойти на тесный союз не только с Англией и США, но и с Германией. Эта политика одобрялась печатью пилсудчиков⁶¹, с ней соглашались и некоторые лидеры ИПС и ПСЛ⁶².

Рассчитывая использовать Германию в качестве ударной силы в будущей антисоветской агрессии, правительство Англии отказалось поставить свою подпись под Женевским протоколом от 2 октября 1924 г., принятым Лигой Наций по инициативе Франции, стремившейся к обеспечению своей безопасности в связи с усилением Германии в результате реализации «плана Дауэса».

Таким образом, уже во второй половине 1924 г. определилась политика, отразившаяся год спустя в Локарнских соглашениях.

Казалось бы, Польша в этот ответственный момент пересмотрит свою политику в отношении СССР, со стороны которого всегда можно было найти поддержку в борьбе за безопасность в Европе. Однако этого не произошло.

Правительство Польши вернулось к прежней политике в отношении СССР. Оно вновь стало уклоняться от проведения в жизнь постановлений мирного договора. Это проявилось, в частности, в затягивании ратификации почтово-телеграфной конвенции, подписанной еще 24 мая 1923 г. Польские власти чинили препятствия в почтовом обмене между Польшей и СССР. 19 июля 1924 г. министерство связи Польши по указанию правительства издало циркуляр воеводам, предписывавший конфисковывать все советские периодические издания, поступающие из СССР, под предлогом наличия в них «клеветы в адрес Польши»⁶³.

⁵⁹ J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. VIII, Warszawa, 1937, s. 43.

⁶⁰ «Документы и материалы...», т. IV, стр. 344.

⁶¹ «Kurier Poranny», 20 VIII 1924.

⁶² «Rzeczpospolita», 29 VIII 1924.

⁶³ Гос. архив Львовской обл., ф. 1, оп. 51, д. 9, л. 5.

В 1924 г. резко расширилось национально-освободительное движение на западноукраинских и западнобелорусских землях в ответ на усиление национального и социального гнета на восточных окраинах Польши. По мирному договору Польша обязывалась предоставить украинскому и белорусскому населению «все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов»⁶⁴. Однако правительство Польши сразу же стало на путь нарушения этого обязательства. Правящие круги Польши задались целью полонизировать украинское и белорусское население восточных окраин. К концу 1923 г. властями были закрыты почти все украинские и белорусские школы, изучение родного языка было запрещено. Польские власти закрывали православные церкви, подвергались преследованиям украинская и белорусская печать, национальные общественные организации и общества.

Советское правительство неоднократно требовало от правительства Польши выполнения ст. VII Рижского договора⁶⁵, однако, безрезультатно.

Национальный гнет на восточных окраинах усугублялся социальным. Украинское и белорусское крестьянство, составляющее основную массу населения на восточных окраинах, подвергалось жестокому гнету со стороны польских помещиков и осадников; здесь сохранялись многие феодальные повинности. Власти облагали крестьян непосильными налогами. Народные массы Западной Украины и Западной Белоруссии стали подниматься на борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Пример советских республик вдохновлял их на борьбу за правое дело. В 1924 г., когда гнет стал особенно невыносим, так как правительство Польши приняло ряд новых мер по ускорению полонизации, крестьяне — белорусы и украинцы — стали в отдельных местностях переходить к вооруженной партизанской борьбе. Национально-освободительную борьбу возглавили компартия Западной Украины (КПЗУ) и компартия Западной Белоруссии (КПЗБ), являвшиеся автономными организациями Коммунистической рабочей партии Польши.

Борьба украинского и белорусского населения против социального гнета и стремление к воссоединению с единокровными братьями на востоке вызвала большую тревогу у польских властей. Министр иностранных дел Польши В. Сквишинский в переписке с Чичериным по поводу агремента для нового полпреда СССР в Польше П. Я. Войкова в конце августа 1924 г. предложил встретиться с советским наркомом для обсуждения вопросов межгосударственных отношений⁶⁶.

Советским правительством это предложение было встречено с удовлетворением. В своем ответе на письмо Сквишинского Г. В. Чичерин подчеркивал, что развитие дружественных отношений с Польшей Советское правительство рассматривает как «одну из главнейших задач своей политики»⁶⁷. Однако когда речь зашла об уточнении даты начала переговоров, Сквишинский уклонился от конкретного ответа, и встреча руководителей внешней политики СССР и Польши в 1924 г. не состоялась.

Нежелание польского правительства укреплять добрососедские отношения с Советским Союзом вызывало возмущение прогрессивных слоев народа. Наиболее активным борцом за улучшение польско-советских отношений была КРПП. Коммунисты неустанно разъясняли массам, что это отвечает коренным интересам польского народа. Большую работу по разоблачению антисоветской политики правящих кругов вела фракция

⁶⁴ ДВП СССР, т. III, стр. 626—627.

⁶⁵ Там же, т. IV, стр. 290; т. V, стр. 521—529, т. VII, стр. 260—267.

⁶⁶ АВП СССР, ф. 122, оп. 7, д. 34, л. 9.

⁶⁷ ДВП СССР, т. VII, стр. 438.

КРПП в сейме. Выступая в сейме 30 октября 1924 г. в дискуссии о внешней политике правительства, депутат-коммунист Ст. Круликовский отметил, что несмотря на частую смену кабинетов внешняя политика их остается в общем прежней — реакционной и империалистической по своей сути, что она противоречит интересам польского народа⁶⁸.

Правительство Польши, как показали дальнейшие его действия, все больше втягивалось в орбиту антисоветской политики западных империалистических держав, сколачивавших новую антисоветскую коалицию. Эта политика польских правящих кругов постепенно привела к полной изоляции Польши во время гитлеровской агрессии и к сентябрьской катастрофе 1939 г.

⁶⁸ «Posłowie rewolucyjni w sejmie. Wybór przemówień, interpelacji i wniosków». Warszawa, 1961, s. 81—82.

В. А. ТЕСЕМНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГОСЛАВИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1919—1941)

Коммунистическое молодежное движение Югославии зародилось в 1919 г., когда во многих странах мира, в том числе и в Югославии, в революционной классовой борьбе, принявшей невиданный до того времени размах под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, возникали первые организации молодых коммунистов.

В югославянских землях до первой мировой войны не было социалистических молодежных организаций. Лишь кое-где, например в Далмации, Сербии, Боснии и Герцеговине, незадолго до начала войны были предприняты попытки создать организации социалистической молодежи, но лишь как секции социал-демократических партий. Секции эти несли ответственность за воспитание и просвещение молодых рабочих и учеников на предприятиях. Дальнейшему развитию революционного молодежного движения и созданию самостоятельных организаций социалистической молодежи помешала война.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, революционные события в Венгрии, Германии и других странах вызвали небывалый подъем молодежного движения во всем мире. В октябре 1918 г. была создана первая в мире молодежная коммунистическая организация — Российский Коммунистический Союз Молодежи (РКСМ). Вскоре после этого коммунистические союзы молодежи возникли в Германии, Польше, Венгрии, Италии и других странах. В ноябре 1919 г. был создан Коммунистический Интернационал Молодежи, объединивший в своих рядах 14 молодежных организаций, насчитывавших свыше 240 тысяч человек¹. Все это сказалось на развитии революционного молодежного движения в Югославии.

10 октября 1919 г. в Загребе состоялась конференция представителей ряда молодежных коммунистических групп, на которой было провозглашено создание Союза Коммунистической Молодежи Югославии (СКМЮ). Инициаторами и организаторами этой конференции были студенты-коммунисты Белградского и Загребского университетов. Многие из этих студентов, еще находясь во Франции, где они учились в годы первой мировой войны, более подробно, чем их сверстники на родине, узнали о событиях Великого Октября, о создании Российского Союза Коммунистичес-

¹ См. Первый конгресс КИМ (стенографическая запись). М.— Л., 1930, стр. 29.

кой Молодежи, о борьбе революционной молодежи европейских стран. С октября 1919 г. берет свое начало история Союза Коммунистической Молодежи Югославии.

Современная югославская историография уделяет значительное внимание изучению истории молодежного движения в СКМЮ в межвоенный период. Только с 1945 по 1966 г. в СФРЮ на эту тему опубликовано около 40 статей, сборников документов и монографий.

Самым крупным исследованием является монография доктора С. Цветковича «Прогрессивное молодежное движение в Югославии. 1919—1928»². Монография содержит большой фактический материал и дает подробный анализ развития молодежного движения Югославии в указанные годы. Ряд статей С. Цветкович посвятил более узким темам, как, например, основание СКМЮ, индивидуальный террор в деятельности молодых коммунистов в 1921 г., взаимоотношения КПО и СКМЮ и др.³

Обстоятельный анализ большого количества материалов о передовом студенческом движении дан в монографиях М. Дамянович⁴ и В. Райчевича⁵, в статьях Й. Бойовича⁶ и Д. Шкарицы⁷. Коммунистическому молодежному движению в 30-е годы XX в. посвящена статья М. Васица⁸.

В конце 50-х — начале 60-х годов вышел ряд научно-популярных и публицистических работ по истории молодежного движения. Авторы этих различных по объему и содержанию работ В. Пекич, С. Петрович, Й. Петричевич и Ж. Станкович⁹ были одними из первых историографов СКМЮ. К сожалению, они почти не использовали ценные исторические материалы советской периодической печати межвоенного периода и зачастую необъективно освещали некоторые вопросы, особенно о взаимоотношениях СКМЮ и КИМ. Значительное внимание деятельности СКМЮ уделено в очерке истории СКЮ¹⁰. Из опубликованных в Югославии материалов источниковедческого характера по данной теме необходимо прежде всего отметить небольшой по объему сборник «Материалы о молодежном движении до войны»¹¹, «Статьи и речи Иво Лолы Рибара»¹² и небольшую брошюру, содержащую выступления ветеранов коммунистического молодежного движения Югославии В. Влаховича и Р. Дугонича¹³. Интересные сведения

² S. Cvetković. Napredni omladinski pokret u Jugoslaviji. 1919—1928. Beograd, 1966.

³ S. Cvetković. Prilog pitanju osnivanja SKOJ. Istorija XX veka, t. VI. Beograd, 1964, s. 213—244; е го ж е. Pojava individualnog terora kod mladih jugoslovenskih komunista 1921 godine. Istorija XX veka, t. VII. Beograd, 1965, s. 453—492; е го ж е. O odnosima SKOJ-a i KPJ u periodu 1919—1928. «Prilozi za istoriju socijalizma», t. 3. Beograd, 1966, s. 327—338; е го ж е. Razvoj omladinskog pokreta u Jugoslaviji. Beograd, 1965.

⁴ M. Damjanović. Napredni pokret studenata na Beogradskom univerzitetu 1919—1929. Beograd, 1966.

⁵ V. Rajčević. Studentski pokret na Zagrebačkom sveučilištu 1918—1941. Zagreb, 1959.

⁶ J. Bojović. Napredni jugoslovenski studentski pokret u Pragu 1929—1935. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, № 4, s. 37—53.

⁷ D. Škarica. Djelatnost Kluba akademičara Banja Luka pred II svetski rat. «Prilozi», Sarajevo, 1965, № 1, s. 109—137.

⁸ M. Vasić. Prilog izučavanju razvitka SKOJ-a i naprednog omladinskog pokreta u Jugoslaviji. 1933—1934. «Istorija radničkog pokreta», t. 2. Beograd, 1965, s. 159—295.

⁹ V. Pokić. SKOJ između dva rata (1919—1941). Beograd, 1959; S. Petrović. Sedam sekretara SKOJ-a. Beograd, 1962; J. Petričević. Ivo Lola Ribar (Biografija). Zagreb, 1964. Z. Stančević. Borbeni put SKOJ-a (Beleške o istorijatu). Beograd, 1961.

¹⁰ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије», Београд, 1963.

¹¹ «Материјал о омладинском покрету до рата», Београд, 1948.

¹² Иво Лолла Рибар. Чланци и говори. Београд, 1953.

¹³ «40 godina revolucionarnog omladinskog pokreta (poruke — referati — govori)», Beograd, 1959.

по истории СКМЮ можно найти в воспоминаниях бывших членов югославского комсомола, опубликованных в первых пяти книгах многотомного издания «Сорок лет»¹⁴, а также в переведенных на русский язык мемуарах одного из старейших членов КПЮ Р. Чолаковича «Рассказ об одном поколении»¹⁵.

В октябре 1969 г. исполнилось 50 лет со времени основания Союза Коммунистической Молодежи Югославии. В связи с этим в СФРЮ был опубликован ряд материалов, посвященных этой дате.

В Белграде был издан иллюстрированный сборник научно-популярного характера «Молодежное движение в Югославии. 1919—1969»¹⁶.

Сборник такого же характера — «Общество, революция, молодежь» вышел в Загребе¹⁷. В нем освещались вопросы и проблемы молодежного движения Югославии, а также других стран на современном этапе. Особый интерес с точки зрения рассматриваемого нами периода представляет статья В. Райчевича¹⁸, в которой дан краткий обзор и анализ историографии коммунистического молодежного движения в Югославии в межвоенный период.

«Молодежь Сербии под Красным знаменем»¹⁹ — под таким названием белградская газета «Политика» напечатала цикл статей мемуарного характера. Их автор — Б. Тасич был руководителем Объединения коммунистической молодежи города Шабац в 1920—1923 гг. В статьях приводятся интересные сведения по истории революционного молодежного движения Югославии начала 20-х годов.

Большое количество материалов по истории СКМЮ содержится в довоенной советской литературе. Одной из первых работ по истории СКМЮ является вышедшая еще в 1935 г. в Москве научно-популярная брошюра М. Лазаренко²⁰. Многочисленные данные о положении югославской молодежи и СКМЮ можно почерпнуть из ряда периодических изданий Исполкома КИМ 20-х — 30-х годов, таких как журналы «Интернациональная молодежь», «Мировой комсомол», «Международная юношеская корреспонденция».

При подготовке данной работы были использованы, кроме вышеназванных материалов, произведения руководителей международного коммунистического движения, сборники материалов по истории международного коммунистического и молодежного движения и ряд других источников.

Настоящий очерк, отнюдь не претендуя на полное освещение всех проблем истории коммунистического молодежного движения Югославии в указанный период, ставит своей задачей в самом сжатом виде показать основные этапы этого движения.

Коммунистическое молодежное движение Югославии возникло и развивалось в чрезвычайно сложной исторической обстановке. С первых дней создания организаций коммунистической молодежи молодым коммунистам

¹⁴ «Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta», knj. 1—5. Beograd, 1961.

¹⁵ Р. Ч о л а к о в и ч. Рассказ об одном поколении. М., 1966.

¹⁶ «Omladinski pokret Jugoslavije. 1919—1969». Beograd, 1969.

¹⁷ «Društvo, revolucija, omladina». Zagreb, 1969.

¹⁸ В. Р а ј ч е в и ć. Neki problemi izučavanja omladinskog pokreta između dva rata. «Društvo, revolucija, omladina». Zagreb, 1969, s. 9—15.

¹⁹ Б. Т а с и ћ. Омладина Србије под Црвеном заставом. «Политика», 21 јуна — 4 јула 1970.

²⁰ М. Л а з а р е н к о. Комсомол Югославии. М., 1935. М. Лазаренко — псевдоним Франца Чепельника, одного из активистов СКМЮ, долгое время проживавшего в СССР. Подробнее см. S. С в е т к о в и ć. Napredni omladinski pokret..., s. 83—84.

пришлось вести острую и бескомпромиссную борьбу не только с силами буржуазной государственной машины, но и с многочисленными буржуазными идеологами, стремившимися поставить под свой контроль деятельность молодежных организаций в образовавшемся 1 декабря 1918 г. Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Вот как рисует обстановку в югославском молодежном движении того времени Д. Гайович²¹: «Социал-патриотических и центристских союзов молодежи в Югославии никогда не было. Иначе дело обстоит с буржуазными организациями молодежи, которых существует множество, в том числе союзы учащейся молодежи, гимназистов, студентов, спортивные и прочие союзы»²².

Была и еще одна трудность. Первый объединительный съезд Социалистической партии Югославии (коммунистов) — СРПЮ(к), проходивший в апреле 1919 г. в Белграде, в силу ряда причин не затронул вопроса о необходимости создания самостоятельной организации коммунистической молодежи. По-видимому, сказалась неопытность руководства вновь созданной партии в вопросах молодежного движения (как уже говорилось, в югославянских землях до войны не существовало самостоятельных молодежных организаций; не было их и в период идеологической борьбы за создание единой организации югославского пролетариата)²³, значительное влияние на него II Интернационала, отмеченная в свое время Лениным неспособность старшего поколения понять запросы молодежи. «Нередко бывает, — писал в 1916 г. В. И. Ленин, — что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы.

Поэтому, между прочим, за организационную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела»²⁴.

Огромное политическое и идейное значение для организаций коммунистической молодежи Югославии имели Российский Коммунистический Союз Молодежи и решения VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), посвященные коммунистическому воспитанию молодежи. В специальном разделе резолюции съезда «О работе среди молодежи», в частности, говорилось: «Коммунистическая партийная работа среди крестьянской и рабочей молодежи приобретает в настоящее время громадное значение. Партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать новых, проникнутых революционным энтузиазмом, честных и сознательных работников.

Коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через самостоятельные организации, идущие под знаменем коммунизма, в которых молодежь могла бы проявить максимум самостоятельности, безусловно необходимой для ее коммунистического воспитания»²⁵.

Естественно, что отношение крупнейшей в мире партии победившего пролетариата, свершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию, к проблемам молодежного движения не могло не оказать большого влияния на позиции коммунистических партий в вопросах революционного воспитания молодежи.

²¹ Драгослав Гайович — старейший член СКМЮ, один из его создателей, секретарь. Исполкома СКМЮ в 1920—1921 гг. Подробнее см. в кн.: М. Д а м ј а н о в и ћ. Напредни покрет..., стр. 36.

²² «Интернационал молодежи», 1920, октябрь — декабрь, № 6—7, стр. 112—114.

²³ S. S v e t k o v i ć. Prilog pitanju osnivanja SKOJ..., s. 221.

²⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30., стр. 226.

²⁵ «КПСС в резолюциях», ч. I. М., 1953, стр. 453.

После загребской Учредительной конференции СКМЮ руководство компартии Югославии стало уделять больше внимания СКМЮ и его проблемам, чему во многом способствовали и тезисы Коминтерна, опубликованные в сентябре 1920 г. В этих тезисах Исполком Коминтерна обязывал компартии пропагандировать идеи коммунистического молодежного движения среди членов партии и трудящихся масс²⁶.

В 1919—1920 гг. революционная борьба трудящихся Югославии достигает наивысшего подъема. Это было время массовых забастовок, демонстраций, крестьянских волнений и восстаний в войсках. Революционному подъему в немалой степени способствовали и возвращавшиеся из Советской России тысячи бывших югославянских солдат, видевших собственными глазами события Великого Октября. Многие из бывших военнопленных и сами были участниками революционных событий в России. Многие югославы в 1917—1921 гг. внесли свой личный вклад в дело защиты первого в мире рабоче-крестьянского государства, сражаясь в рядах Красной Армии²⁷. Значительное число этих бойцов-интернационалистов составляла молодежь.

В 1920 г. молодые югославские коммунисты добились успехов. «Несмотря на все трудности и полицейские придирки, — писал Д. Гайович, — союз все время разрастается и насчитывает теперь в 37 организациях свыше 4000 членов»²⁸.

С 10 по 14 июня 1920 г. в Белграде проходил 1 съезд СКМЮ²⁹, на котором присутствовали делегаты от организаций коммунистической молодежи Сербии, Хорватии, Славонии, Словении, Боснии и Герцеговины, Воеводины. Съезд принял программу и устав СКМЮ, избрал центральное руководство.

Наряду со студенческой молодежью, составлявшей первоначально основу СКМЮ, в его ряды вступало все больше рабочей молодежи. Активисты-комсомольцы принимали участие в забастовочном движении, демонстрациях, организации празднования 1-го Мая, Международного дня молодежи (5 сентября), годовщины Октябрьской революции. И, пожалуй, самое главное, благодаря активной и энергичной пропагандистской деятельности молодых коммунистов, тысячи югославских юношей и девушек были вовлечены в активную политическую жизнь, впервые узнали о революционной роли пролетариата и его задачах, об Октябрьской революции, о целях и идеалах коммунистов.

Быстрый рост влияния коммунистической партии и возрастающая политическая активность трудящихся заставили буржуазию перейти к более решительным действиям, особенно когда ее положение упрочилось. Были подавлены революции в Германии и Венгрии. Стабилизировалось положение в югославской экономике. Коммунистическая партия была в значительной степени ослаблена внутривнутрипартийной борьбой и несколько самоуспокоена своими успехами на выборах в скупщину и органы местного самоуправления.

Сначала указами буржуазных правительств были запрещены забастовки в ряде отраслей промышленности и транспорта, затем запрещена деятельность коммунистического муниципалитета в Белграде. Не вступив решительного сопротивления КПЮ, буржуазное правительство

²⁶ См. «Второй конгресс Коммунистического Интернационала». М., 1934, стр. 687—688.

²⁷ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 20.

²⁸ «Интернационал молодежи», 1920, октябрь — декабрь, № 6—7, стр. 113.

²⁹ Имеются данные о том, что I съезд СКМЮ состоялся 6 декабря 1919 г., а в июне 1920 г. был проведен II съезд СКМЮ (см. там же и М. Л а з а р е н к о. Комсомол Югославии. М., 1935, стр. 27).

20 декабря 1920 г. издало новое постановление, напечатанное в газетах в виде объявления-декрета («Обзнана»), запрещавшее деятельность КПЮ, революционных профсоюзов и СКМЮ.

Не встретив и на сей раз мощного и организованного сопротивления, буржуазия усилила свой натиск. В августе 1921 г. был издан «Закон о защите государства», на основании которого принадлежность к КПЮ или СКМЮ, а также любая революционная деятельность карались тюремным заключением и даже смертной казнью.

После пятнадцати месяцев легальной деятельности СКМЮ оставался сравнительно малочисленной организацией, неподготовленной к трудной работе в условиях подполья и полицейских репрессий. Кроме того, арест части ведущих активистов СКМЮ обезглавил движение, нарушил связи между многими организациями.

Об этом тяжелом периоде А. Вучак³⁰ писал: «Мы всю свою деятельность построили исключительно на легальном основании, организационную работу мы приспособили к спокойному, исключительно легальному периоду и не учли возможность наступления иных, более трудных времен, когда необходимы иные методы борьбы»³¹.

Молодые коммунисты по-разному реагировали на столь резко изменившиеся условия политической жизни Югославии. Наименее стойкие покинули ряды СКМЮ. Преданная идеалам коммунизма и революции молодежь, настойчиво пыталась найти новые формы и тактику борьбы с буржуазией.

Некоторые молодые коммунисты, неправильно оценив сложившуюся ситуацию, считали, что на белый террор буржуазии необходимо ответить красным террором. В середине 1921 г. молодыми членами КПЮ и СКМЮ была создана тайная организация «Красная правда», члены которой вступили на путь индивидуального террора. Один из участников этой организации А. Алиягич убил министра внутренних дел М. Драшковича. Это послужило поводом для новой волны репрессий.

В октябре 1921 г. некоторым участникам «Красной правды» на судебном процессе в Загребе был вынесен приговор, по которому А. Алиягич был осужден на смертную казнь, Р. Чолакович, Д. Лопандич и Н. Петрович — на 15 и С. Иванович на 2 года каторги³².

Массовые аресты 1921 г. привели к ликвидации ряда организаций СКМЮ. Вот что писал в то время журнал «Международная юношеская корреспонденция»: «Современная Югославия походит на большую переполненную тюрьму. По неполному подсчету за последние месяцы при режиме «демократического» министра Прибичевича были брошены в тюрьму около 3000 чел., из них около 2000 чел. молодежи: рабочих и работниц, крестьян и студентов»³³. С целью сплочения разрозненных групп СКМЮ в декабре 1921 г. по инициативе Временного исполкома КПЮ начал работу Комитет действия СКМЮ. Новое руководство СКМЮ, преодолевая огромные трудности, сумело установить связи с рядом нелегальных организаций и групп и несколько оживить их работу.

Большое и постоянное внимание нелегальные организации СКМЮ стали уделять идеологической и воспитательной работе среди передовой молодежи, чему в немалой степени способствовали решения II конгресса КИМ, который осудил авангардистские тенденции в молодежном движе-

³⁰ А. Вучак — псевдоним Антона Шмита, одного из создателей и руководителей СКМЮ. См. подробнее S. C v e t k o v i ć. Napredni omladinski pokret..., s. 282.

³¹ «Интернационал молодежи», 1922, май, № 9, стр. 653.

³² См. Р. Ч о л а к о в и ч. Рассказ об одном поколении..., стр. 250.

³³ А. В. Из белой Югославии. «Международная юношеская корреспонденция», М., 1922, № 9—10, стр. 94.

нии и поставил одной из основных задач в работе союзов коммунистической молодежи организацию и объединение широких масс рабочей молодежи. Один из руководителей РКСМ и КИМ Л. Шацкин писал в то время: «Основной смысл совершающегося в настоящее время и зафиксированного II конгрессом перелома в международном юношеском движении заключается в том, что КСМ превращаются из узких в массовые организации и что они, вместо задачи политического руководства и самостоятельных политических выступлений, которые были необходимы в период отсутствия и зарождения коммунистических партий, ставят перед собой задачу воспитания широких масс пролетариев на основе революционной борьбы и жизненного опыта этих масс»³⁴.

Большое значение для дальнейшего развития прогрессивного молодежного движения имела Национальная конференция СКМЮ, проведенная нелегально в августе 1922 г. Резолюции конференции предусматривали дальнейшее создание и укрепление нелегальных организаций. Было решено создать и легальную общегославскую организацию рабочей молодежи. На основе этих решений в августе 1922 г. был основан Союз рабочей молодежи Югославии (СРМЮ). Союз просуществовал около двух лет. Его деятельность во многом способствовала оживлению рабочего молодежного движения, участию молодежи в профсоюзах. Но вопреки желанию руководства СКМЮ, Союз рабочей молодежи так и не стал массовой организацией. Руководство комсомола Югославии, осознав необходимость борьбы за массовость движения, на практике зачастую придерживалось фаталистических и волюнтаристских взглядов на развитие революции. Искренно и, можно сказать, беззаветно некоторые комсомольцы верили, что революция может произойти в любой момент и что для этого необходим прежде всего боевой актив, способный увлечь за собой революционные массы. Это обуславливало и сектантскую тактику: «лучше иметь 50 „сознательных“ комсомольцев, чем 5000 классово организованных, но „несознательных“ молодых рабочих»³⁵.

В июне 1923 г. в окрестностях Любляны состоялся съезд СКМЮ. Делегаты обсудили вопросы экономической борьбы, работы на селе, методы легальной и нелегальной работы. Фракционная борьба в КПЮ отрицательно сказывалась на деятельности СКМЮ, втягивала многих молодых коммунистов во фракционные склоки, отвлекала от решения основных задач молодежного движения. Поэтому съезд принял специальное решение о том, что «СКМЮ не вмешивается во фракционные дела Коммунистической партии Югославии и выступает против фракций»³⁶.

Основная деятельность СКМЮ осуществлялась в то время через легальные организации Союза рабочей молодежи, которые чаще всего имели форму культурно-просветительных и спортивных организаций. Поддерживая постоянные контакты с профсоюзными организациями, активисты СКМЮ уделяли внимание борьбе молодых рабочих и учеников-ремесленников за улучшение их экономического положения. Руководство этой борьбой было необходимым условием увеличения массовости организаций югославского комсомола, учитывая, что ученики и молодые рабочие до 26 лет составляли в середине 20-х годов 42% всех рабочих³⁷.

12 июля 1924 г. на рабочих Югославии и их организации обрушился новый удар: были запрещены руководимая ушедшей в подполье КПЮ Независимая рабочая партия, созданная в 1923 г. в качестве легального

³⁴ «Интернационал молодежи», 1921, август, № 2, стр. 6.

³⁵ S. Svetković. Razvoj omladinskog pokreta..., s. 17.

³⁶ S. Petrović. Sedam sekretara SKOJ-a..., s. 20.

³⁷ Андрей. Рабочая молодежь и КСМ Югославии в условиях фашистской диктатуры. «Интернационал молодежи», 1930, июль, № 7, стр. 84.

прикрытия КПЮ, независимые профсоюзы и Союз рабочей молодежи. Запрещение деятельности СРМЮ значительно сузило возможности легальной деятельности СКМЮ, выявило недостатки создания кадровой легальной организации. Новые аресты, произведенные полицией, значительно затормозили дальнейшее развитие коммунистического молодежного движения.

Но репрессии буржуазии не смогли уничтожить СКМЮ. В феврале 1925 г. на основе директив КИМ пленум ЦК СКМЮ вынес решение о создании нелегальных организаций коммунистической молодежи, построенных по новому принципу производственных ячеек. Вспоминая те тяжелые времена, один из активистов югославского коммунистического молодежного движения писал: «От групп перешли к фабрично-заводским ячейкам. В независимых революционных профсоюзах создали секции молодежи. Создали план повседневной экономической борьбы. Большевицкая линия, погнутая ударами реакции, начала быстро выправляться»³⁸.

III съезд СКМЮ (июнь 1926 г.), активы, пленумы и областные конференции СКМЮ (1927 и 1928 гг.) были явным свидетельством того, что, несмотря на жестокие удары господствующего режима, сокращение численного состава членов СКМЮ, передовое молодежное движение продолжало развиваться даже в самых тяжелых условиях буржуазной диктатуры. В середине 1928 г. СКМЮ объединял 1645 человек, имел 86 местных организаций, 42 ячейки на предприятиях, 29 сельских ячеек³⁹. СКМЮ в 1928 г. был хотя и малочисленной, но сравнительно сплоченной организацией, объединяющей часть молодежи всех областей Югославии. Постепенно крепло влияние СКМЮ среди рабочей и отчасти сельской молодежи. По-прежнему сохранялись прочные позиции в студенческих и школьных организациях. Но как и раньше, одной из причин слабости югославского комсомола являлась фракционная борьба в КПЮ. В статье «Борьба за молодое поколение», напечатанной в 1940 г. в органе КПЮ — газете «Пролетер», Тито писал: «В период самой яростной фракционной борьбы с 1925 по 1929 год в этой борьбе активно участвовали не только отдельные руководители организаций СКМЮ, в эту борьбу вовлекались целые организации СКМЮ»⁴⁰.

Процесс укрепления и развития СКМЮ был прерван новым, наиболее свирепым и жестоким разгулом буржуазной реакции, начало которому положил манифест короля Югославии Александра Карагеоргиевича, опубликованный 6 января 1929 г. Королевскими указами была распущена скупщина, запрещена деятельность всех политических организаций, отменена Видовданская конституция, запрещено издание всех прогрессивных газет. Вся исполнительная и законодательная власть перешла в руки короля. По всей Югославии с новой силой возобновились массовые преследования и аресты коммунистов и лиц, находившихся в оппозиции к правящей группировке.

Первые удары военно-монархической диктатуры нанесли огромный урон коммунистическому и молодежному движению. Только в 1929 г. полицией было убито без суда и следствия 56 прогрессивных деятелей, 923 человека подвергнуты пыткам в полицейских застенках, 9326 человек брошены в тюрьмы⁴¹. Были убиты или зверски замучены семь секре-

³⁸ М а р к о. Боевой опыт югославского комсомола. «Интернационал молодежи», 1929, апрель, № 4, стр. 69.

³⁹ См. V. Р е к и ć. SKOJ između dva rata..., s. 46.

⁴⁰ Ibid., s. 46.

⁴¹ См. Б. Б о ш к о в и ч. КПЮ в условиях военно-фашистской диктатуры. «Коммунистический Интернационал», 1930, № 21, стр. 53.

тарей СКМЮ: Пайя Марганович, Мийо Орешки, Янко Митич, Йосип Колумбо, Перо Попович-Ага, Йосип Дебеляк и Златко Шнайдер.

Жестокие репрессии привели к распаду большинства организаций СКМЮ, явились причиной серьезного кризиса в деятельности комсомола Югославии, но не смогли сломить боевого духа передовой югославской молодежи. Борьба продолжалась даже в самые мрачные годы военномонархической диктатуры.

Готовясь к новым боям, руководители СКМЮ трезво оценивали создавшуюся обстановку, искали причины неудач. Один из активистов СКМЮ писал в 1930 г.: «Наш союз переживает тяжелый организационный кризис, вызванный разгромом многих организаций. Сотни наших лучших товарищей отправляются на каторгу. Лучшие руководители союза убиты. Однако нам нужно ясно сознавать, что этот разгром мог принять такие размеры только благодаря тому, что мы и прежде были чрезвычайно слабо закреплены в крупных предприятиях и массовых организациях, а также благодаря плохой конспирации»⁴².

В конце 1931 г. начался процесс оживления революционного молодежного движения. Большую роль в этом сыграли выступления белградских студентов, возглавляемые сумевшими избежать арестов членами КПЮ и СКМЮ. Эти выступления были направлены против так называемой новой конституции короля Александра, подготовки так называемых парламентских выборов, лицемерных «демократических» маневров военномонархической диктатуры.

В октябре 1933 г. состоялся пленум ЦК КПЮ, который проанализировал положение, создавшееся в организациях СКМЮ. Пленум принял резолюцию о работе СКМЮ, в которой основной задачей ставилось создание временного руководства, восстановление организаций СКМЮ во всех областях Югославии.

В ноябре 1933 г. было сформировано Временное руководство СКМЮ, сыгравшее большую роль в восстановлении старых и создании новых молодежных коммунистических организаций.

В течение 1932—1934 гг. значительно оживилась деятельность воссозданных во многих местах организаций СКМЮ. И все же их работу продолжали тормозить сектантские ошибки, мешавшие СКМЮ стать массовой молодежной организацией. «Чтобы быть принятым в члены СКМЮ, нужно было доказать, что ты являешься стойким революционером, готовым принести себя в жертву и выдержать пытки полицейских застенков. Член СКМЮ должен был, кроме того, быть идеологически и политически подкованным и иметь определенный стаж революционной работы»⁴³.

Осенью 1935 г. в Загребе делегаты возрожденных организаций СКМЮ провели свою IV Национальную конференцию, на которой присутствовали делегаты Сербии, Хорватии, Словении и Черногории, представлявшие 2—3 тысячи членов СКМЮ⁴⁴.

На конференции были избраны новый состав ЦК СКМЮ во главе с Борисом Кидричем и делегация на VI конгресс КИМ. Конференция явилась в значительной степени переломной в организационном развитии СКМЮ. Главные усилия комсомольских организаций стали направляться на борьбу за улучшение жизненных условий и права молодежи, за предотвращение возраставшей фашистской опасности, которая нависла над многими странами, в том числе и над Югославией.

⁴² Андрей. Там же, стр. 86.

⁴³ Z. Stanković. Borbeni put SKOJ-a..., s. 142.

⁴⁴ См. Иво Лола Рибар. Чланци и говори..., стр. 216.

Международное коммунистическое и рабочее движение вовремя увидело, какую опасность представлял фашизм для человечества. Летом 1935 г. в Москве состоялся VII конгресс Коминтерна. Большое внимание он уделил вопросам воспитания и объединения молодежи на антифашистской платформе, указал на большую опасность, которая грозит молодежи со стороны фашизма. В резолюциях конгресса говорилось: «Конгресс подчеркивает перед всеми коммунистическими партиями капиталистических стран чрезвычайную роль молодежи в борьбе против фашизма. Из рядов молодежи фашизм главным образом вербует свои ударные отряды. Борясь с недооценкой важности массовой работы среди трудящейся молодежи, принимая действенные меры для преодоления замкнутости комсомольских организаций, коммунистические партии должны всемерно содействовать объединению сил всех нефашистских массовых организаций молодежи»⁴⁵.

Усилению массовой воспитательной и политической работы среди молодежи, задачам борьбы за создание широкого объединенного фронта молодежи против войны и фашизма, был посвящен VI конгресс КИМ, который проходил в Москве осенью 1935 г.

Конгресс имел историческое значение в развитии передового молодежного движения всех стран, в том числе и Югославии. В его работе приняла участие и делегация СКМЮ во главе с Б. Кидричем. В резолюциях конгресса подчеркивалось, что главной задачей молодежи в борьбе с войной и фашизмом является объединение всех антифашистских и патриотических сил. «Дело трудящейся молодежи, — говорилось в резолюциях, — повелительно требует ее объединения в действительно массовые непартийные юношеские организации, включающие в свои ряды не только коммунистическую, но и социалистическую, а также беспартийную, национально-революционную и другую молодежь, в организации, которые наряду с повседневной заботой об экономических, политических и культурных интересах и правах трудящейся молодежи, воспитывали своих членов в духе классовой борьбы, пролетарского интернационализма, в духе марксизма-ленинизма»⁴⁶.

Решения VII конгресса Коминтерна и VI конгресса КИМ оказали определяющее влияние на дальнейшее развитие югославского молодежного движения и во многом способствовали выходу из кризиса, в котором находился СКМЮ после кровавых событий 1929 г.

Коммунистическое молодежное движение в Югославии, творчески проводя в жизнь политику народного фронта, быстро набирало силу, становилось все более массовым и сплоченным. Этот процесс значительно ускорился с приходом к руководству партией в конце 1937 г. Иосипа Броз Тито.

Специальным решением при ЦК КПЮ была создана Молодежная комиссия, преобразованная вскоре в ЦК СКМЮ, во главе с одним из героев югославского революционного и освободительного движения Иво Л. Рибаром. Кроме того, возвратившись в Югославию после длительного периода эмиграции, ЦК КПЮ стал больше уделять внимания сложным проблемам югославского молодежного движения.

Под руководством СКМЮ создаются массовые легальные молодежные организации — «Объединенная студенческая молодежь», «Воеводинское молодежное движение», «Черногорская народная молодежь». Росло влия-

⁴⁵ «Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 21.

⁴⁶ «Молодежь в борьбе за единый фронт. Материалы VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи». М., 1938, стр. 153—154.

ние молодых коммунистов и в традиционных молодежных организациях, таких как «Сокол», «Задружна омладина», «Сельчачко коло»⁴⁷.

Организации СКМЮ возглавляли повседневную борьбу, направленную прежде всего на защиту экономических и политических прав юношей и девушек, на борьбу с растущей опасностью фашизма. В 1938—1939 гг. были вновь созданы руководящие органы СКМЮ во всех краях Югославии, в большинстве крупных городов и некоторых сельских районах. Особое внимание ЦК СКМЮ уделял в те годы идеологическому и политическому воспитанию активистов и рядовых членов комсомольских организаций. Организуются курсы и кружки для изучения теории марксизма-ленинизма, международных отношений, политики коммунистических партий. Наиболее крупные из них действовали в Белграде, Загребе, Сплите и других городах.

В начале августа 1939 г. в горах Словении состоялась нелегальная V Национальная конференция СКМЮ. Эта конференция занимает особое место в истории прогрессивного молодежного движения в Югославии. Она, как сказал о ней секретарь ЦК СКМЮ Иво Л. Рибар, «означала окончание целого периода коренной реорганизации нашего молодежного союза и одновременно начало нового периода, в котором СКМЮ стремительно продвинулся вперед, превращаясь в массовую революционную организацию нового типа — организацию рабочей, крестьянской, трудовой молодежи всех народов Югославии»⁴⁸.

В этот период под руководством КПЮ и ее верного помощника СКМЮ в грозные предвоенные годы в Югославии были заложены основы общенародного антифашистского фронта, который, как справедливо отмечают югославские историки Й. Марьянович и П. Морача, «включал в себя профсоюзы, молодежные организации, кооперативные, женские, спортивные организации и группы деятелей буржуазных партий»⁴⁹. Значительный вклад в это дело внесла югославская молодежь и ее лучшие представители, объединенные в рядах СКМЮ. Массовые объединенные выступления прогрессивной югославской молодежи, направленные против фашизма и реакции, имели место уже в начале тридцатых годов. Ненависть к фашизму еще в 1934 г. ярко продемонстрировали загребские студенты. В период Лейпцигского процесса в Югославию приехала делегация фашистских студентов из Германии с целью пропаганды идей нацизма. Студенты Загреба подготовили достойную встречу непрощенным «пропагандистам». «Студенческая молодежь Загреба, — пишет М. Лазаренко, — выбросила фашистских посланцев из студенческого дома, где они хотели переночевать, сорвала с них фашистские значки и устроила внушительную демонстрацию против германского фашизма, за освобождение товарища Димитрова»⁵⁰. В предвоенный период не было ни одной крупной демонстрации, забастовки, митинга, организованных КПЮ, которую активно не поддерживали бы широкие массы передовой молодежи Югославии. Многотысячные демонстрации трудящихся и молодежи Белграда, Загреба, Сараева, Сплита и других городов были ответом на агрессивные выступления фашизма в дни аншлюса Австрии (март 1938 г.), Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938 г.) и захвата гитлеровцами Чехословакии.

Невиданными в истории Югославии демонстрациями и митингами протеста встретили тысячи югославских трудящихся решение буржуазного

⁴⁷ См. Z. Stanković. Borbeni put SKOJ-a..., s. 187.

⁴⁸ Иво Лола Рибар. Чланци и говори..., стр. 218.

⁴⁹ Ј. Марјановић, П. Морача. Наш ослободилачки рат и народна револуција 1941—1945. Београд, 1958, стр. 23.

⁵⁰ М. Лазаренко. Комсомол Югославии. М., 1935, стр. 24.

правительства Цветковича-Мачека о присоединении Югославии к Тройственному пакту в марте 1941 г.

Высокий дух интернационализма и ненависти к фашизму продемонстрировала югославская молодежь в годы борьбы испанского народа с фашистской агрессией. Из 1300 югославов, сражавшихся в Испании, погибло свыше 600 человек. Подавляющее большинство югославских добровольцев составляли молодые коммунисты, героически сражавшиеся в добровольческих батальонах «Димитров», «Джуро Джакович», в ударной роте «Матия Губец».

В сентябре 1940 г. в Загребе была проведена VI Национальная конференция СКМЮ, последняя перед гитлеровским вторжением в Югославию. Конференция констатировала, что организации коммунистической молодежи охватывают 17 800 человек, из которых 45% составляли рабочие, 30% — крестьяне, 25% — студенты, школьники, служащие. Из 2000 человек актива СКМЮ 600 человек являлись членами КПЮ⁵¹.

Период от VI Национальной конференции СКМЮ и до вторжения фашистских орд в Югославию характеризуется заметным подъемом передового молодежного движения, свидетельством чего явился рост рядов СКМЮ. Число югославских комсомольцев за это время достигло почти 30 тыс.⁵².

Деятельность СКМЮ в межвоенный период была тесно связана с развитием передового международного молодежного движения, с деятельностью Коммунистического Интернационала Молодежи.

На протяжении всей истории существования эта международная организация оказывала огромную поддержку передовому молодежному движению Югославии. «...Путь развития СКМЮ,— отмечает В. Пекич,— был в основном путем развития союзов коммунистической молодежи в ряде других стран, являвшихся членами КИМ, политическую линию которого эти союзы проводили во всех основных вопросах своей деятельности и борьбы»⁵³.

С 1920 г. СКМЮ являлся постоянным членом КИМ, а многие из молодых югославских коммунистов занимали ответственные посты в его органах. Так, например, одним из первых секретарей Исполкома КИМ был В. Вуйович. Его брат — Р. Вуйович с 1921 по 1924 г. являлся секретарем Балканского секретариата КИМ, а позже был послан в Югославию, как инструктор КИМ. Секретарем Исполкома КИМ был югослав М. Горкич. Несколько лет работал в ИК КИМ член ЦК СКМЮ В. Влахович, который был последним секретарем Исполкома этой международной молодежной организации. В Москве по приглашению КИМ учились многие деятели международного рабочего и молодежного движения, в том числе и руководители югославского комсомола. В конце 20-х годов в СССР учились секретари ЦК СКМЮ Й. Дебеляк и Й. Колумбо, Я. Мишич, П. Марганович и П. Попович-Ага.

Большое значение для развития революционного и антифашистского движения имели теоретические и программные документы Коминтерна и КИМ, особенно, как это уже отмечалось, решения VII конгресса Коминтерна и VI конгресса КИМ.

О постоянном внимании КИМ к жизни и борьбе передовой югославской молодежи свидетельствуют в частности материалы журнала «Интернационал молодежи». Они содержат многочисленные данные об экономическом и политическом положении югославской молодежи, о героической борьбе

⁵¹ См. Иво Лола Рибар. Чланци и говори..., стр. 220.

⁵² См. «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 301.

⁵³ V. Pečić. SKOJ između dva rata..., s. 28.

югославских комсомольцев. Многие статьи журнала написаны активистами СКМЮ, подлинные имена которых скрыты под псевдонимами.

Большое место в деятельности КПЮ и СКМЮ в межвоенный период занимала борьба за признание Советского Союза югославским правительством, постоянная пропаганда успехов первого в мире социалистического государства. Не было ни одной организации КПЮ или СКМЮ, где бы не изучали, наряду с теоретическим наследием Маркса и Ленина, историю Советского государства и Коммунистической партии. Ни одна крупная политическая манифестация, организованная югославскими коммунистами, не проходила без лозунгов, призывавших к дружбе с Советским Союзом, к установлению с ним отношений, основанных на доверии и взаимопонимании.

В свою очередь, советская молодежь, ВЛКСМ с большим вниманием следили за борьбой передовой югославской молодежи. В тяжелое время, когда в Югославии свирепствовал политический террор кровавой монархической диктатуры, как вспоминает В. Влахович, «комсомольцы Марийской АССР в трудные дни выполнения Первого пятилетнего плана собрали три тысячи рублей в качестве помощи СКМЮ»⁵⁴. В кампании по оказанию помощи югославскому комсомолу участвовали в 1930 г. многие организации ВЛКСМ. Инициаторами этого благородного начинания были комсомольцы завода им. Петровского. Вот что писал об этом журнал «Интернационал молодежи»: «Когда комсомольцы завода им. Петровского узнали об убийстве двух югославских комсомольцев, тов. Голева (псевдоним Й. Колумбо.— В. Т.) и Поповича (П. Попович-Ага.— В. Т.), было решено немедленно приступить к организации систематической помощи югославским коммунистам и комсомольцам, работающим в условиях глубокого подполья... Комсомольцы завода им. Петровского, собрав 500 руб. для югославских товарищей, обещают отдать весь приобретенный заем „Пятилетка в четыре года“ в фонд революционной борьбы югославских пролетариев»⁵⁵.

В 1941 г. накануне гитлеровского вторжения, СКМЮ представлял собой сильную, массовую организацию молодежи, члены которой оказывали постоянное политическое влияние на значительную часть юношей и девушек Югославии. Выдержав многочисленные испытания, закалившись в тяжелых условиях подпольной борьбы, молодые югославские коммунисты были готовы к новым боям, которые ожидали народы Югославии и их героическую молодежь.

⁵⁴ «40 godina revolucionarnog omladinskog pokreta...», s. 15.

⁵⁵ «Интернационал молодежи», 1930, октябрь, № 10, стр. 68—69.

Р. П. ГРИШИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-ФАШИСТСКОЙ ВЛАСТИ В БОЛГАРИИ (ИЮНЬ — НОЯБРЬ 1923 г.)

Исследование проблем развития фашизма, его корней и содержания, выяснение общих и специфических черт не теряет своей политической и научной актуальности. В Болгарии изучение этого сложного общественного явления, как отмечалось и в состоявшейся в стране несколько лет назад дискуссии о характере, сущности и этапах болгарского фашизма, не прошло еще стадии накопления фактического материала¹. В советской исторической науке вопросы, связанные с особенностями развития фашизма в Болгарии, в частности на его ранней стадии, специальному исследованию не подвергались. В настоящей статье делается попытка такого рода, ограниченная хронологически (с момента военно-фашистского переворота 9 июня 1923 г.² до выборов в парламент в ноябре того же года) и сюжетно: автор видит свою задачу не в систематическом изложении фактической истории этого периода, а в освещении только тех моментов, которые характеризуют, по его мнению, процесс становления военно-фашистской власти в Болгарии. При всей важности для поставленной темы вопросов, связанных с деятельностью БКП и народным сопротивлением фашизму, автор считает возможным касаться их только вскользь, так как именно эти вопросы с наибольшей полнотой освещены в литературе.

В течение трех лет находилось у власти в Болгарии однопартийное правительство Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) во главе с А. Стамболийским, стремившееся провести в жизнь утопическую мелкобуржуазную идею сословной крестьянской диктатуры. В результате буржуазные политические партии и официальный глава государства — царь Борис — были фактически устранены от участия в управлении государством. Существенно ущемляла интересы буржуазии и социально-экономическая политика «земледельцев».

Недовольство проявляли военные, многие из которых были уволены из армии согласно условиям мирного договора, значительная часть болгарской интеллигенции.

¹ Дискуссия проходила в ноябре 1965 — январе 1966 гг., материалы ее публиковались в ж. «Исторически преглед» в 1967—1969 гг. В советской литературе итоги дискуссии отражены в «Обзоре журнала „Исторически преглед“», помещенном в «Вопросах истории», 1969, № 3.

² Сам переворот 9 июня 1923 г., его характер, программные установки сил, совершивших или поддерживавших его, являются предметом специального изучения и в данной статье не выясняются.

Острую ненависть вызывало правительство Стамболийского у деятелей Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). После первой мировой войны эта когда-то революционная организация выродилась в националистическо-террористическую; левое течение в ней в начале 20-х годов было слабым.

Как ни велик был круг ярых врагов «земледельческого» режима, эти силы даже при условии их объединения не могли устранить БЗНС от власти легальным парламентским путем. Однако и путь заговора и государственного переворота оставался закрыт до тех пор, пока, как минимум, не сформируется общественная сила, которая возьмет на себя руководство страной после свержения «земледельцев». О военном кабинете и открытой военной диктатуре нечего было и думать в поверженной Болгарии, осужденной, как ни демагогически это звучало в устах откровенно империалистических политических деятелей Запада, за милитаризм и агрессивность. Балканские соседи относились к Болгарии подозрительно, не жаловали ее своей благосклонностью и великие державы-победительницы. С этими обстоятельствами вынуждены были считаться руководители созданного в 1919 г. Военного союза (Военной лиги), взявшие на себя инициативу и исполнение насильственного устранения «земледельческого» правительства. Они стремились не к простому восстановлению прежних буржуазно-парламентских порядков, а к их обновлению в духе тех идей, которые во многих странах увлекали военных, молодежь, мелких буржуа, разочарованных крахом собственных и «национальных» надежд в результате первой мировой войны, напуганных «крушением мира» в результате Октябрьской революции в России и громадным подъемом революционного движения, в духе тех самых идей и настроений, которые зачастую становились питательной базой фашизма. Правда, еще за год до переворота идеи эти формулировались в Болгарии очень аморфно: стране необходимо «правление, уважающее порядок, законность и общественную солидарность»³.

Спустя тридцать с лишним лет руководитель Военного союза И. Волков говорил на судебном процессе против него о тогдашнем стремлении к обновлению общественной жизни так⁴: «Еще до принятия решения о перевороте (в Военном союзе.— *Р. Г.*) родилась идея о создании новой партии с новой программой, отличной от программ старых партий, ибо Военный союз не верил в то, что эти партии могут пойти новым путем с новыми программами»⁵.

Весной 1922 г. была предпринята попытка создания такой партии: возник «Народный сговор», объединявший военных и интеллигентов. Эта очень узкая по составу (не более 50 чел.)⁶ якобы «надпартийная и межпартийная» организация стала ратовать за «искреннее сплочение всех народных сил» «в нынешний роковой для страны момент»⁷.

Но руководителям «Народного сговора», среди которых на первом месте вскоре закрепился проф. А. Цанков, и тесно связанной с ними вер-

³ «Слово», 2 VI 1922.

⁴ Материалы процесса 1954 г. против Волкова и его сообщников по Военному союзу и военному министерству требуют особо критического подхода, так как возможность искажения в ходе его событий начала и середины 20-х годов весьма велика и из-за давности времени, и из-за стремления обвиняемых обелить себя. Однако последнее в меньшей степени относится именно к политической деятельности Волкова, ибо ему было важно уйти от другого, главного из предъявленных ему обвинений — обвинения в организации и руководстве массовым уничтожением антифашистов в 1923—1925 гг.

⁵ Архив на министерството на вътрешните работи (далее — АМВР), II съд., д. 1556, т. VI, л. 119.

⁶ «История на България», т. 3. София, 1964, стр. 85.

⁷ «Слово», 2 VI 1922.

хушке Военного союза пришлось столкнуться с тем, что иных сил, на которые можно было бы опереться при перевороте, кроме старых буржуазных партий, не было. Поэтому следовало по возможности приспособить эти старые буржуазные партии к новым задачам.

Первоочередными заботами заговорщиков было составление будущего правительства, с одной стороны, и меры по созданию политической опоры нового режима, с другой. Вот как говорил об этом Волков в 1954 г.: «Для нас было важно, чтобы сила, на которую будет опираться будущее правительство, была единой. Но у нас не было выбора. В соответствии с тогдашними нашими представлениями о том, что мы должны идти вместе с буржуазными партиями, мы потребовали, чтобы они распустили по крайней мере руководящие бюро партий с тем, чтобы существовало одно единственное бюро одной единой партии, которая позже получила название „Демократический сговор“. И на этой основе приступили к подбору будущих министров будущего правительства»⁸.

Прежде всего предстояло решить вопрос о будущем премьере. Было несколько кандидатов, в том числе один из лидеров социал-демократической партии К. Пастухов⁹. Но остановились на А. Цанкове, не принадлежавшем к кругам старых политических деятелей; он возглавил «новую общественную силу» — «Народный сговор». Этот выбор Военного союза не был случайным, он базировался на стремлении опереться на «новых людей», новых и более молодых¹⁰.

Весной 1923 г. Центральное правление Военного союза сделало предложение Цанкову относительно поста премьер-министра. Цанков отказался. Только после поездки в Германию, очевидно много значившей для него, профессор дал свое согласие¹¹.

Но и после того, как вопрос о премьер-министре был решен, практические шаги по привлечению будущих министров в новый кабинет осуществлялись, за небольшим исключением, не Цанковым, а политическим секретарем Военного союза майором Н. Рачевым. Так, Н. Рачев привлек в состав будущего Совета министров Ц. Бобошевского (народник) и П. Тодорова (радикал). Он же вел переговоры с К. Пастуховым, по последний отказался. Тогда представлять партию широких социалистов в кабинете Цанкова согласился Д. Казасов. По предложению И. Волкова в состав будущего правительства включили Б. Смилова (национал-либерал) и ген. запаса И. Русева. Цанков привлек своего друга агронома Я. Моллова из «Народного сговора» и Я. Стоенчева (демократ), имевшего связи с ВМРО. В ночь самого переворота был решен вопрос о включении в министерский совет полк. Х. Калфова, адъютанта царя¹².

Обращает на себя внимание тот факт, что в кабинет были приглашены представители всех существовавших тогда партий, кроме коммунистической и БЗНС¹³, что новое правительство по формальным признакам совсем не выглядело диктаторским. Но в том-то и состояла служебная роль этого странного правительства, сформированного Военным союзом¹⁴.

⁸ АМВР, т. II, л. 189.

⁹ Й. М и т е в. Фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. и юнското антифашистко въстание. София, 1956, стр. 107, 137.

¹⁰ АМВР, т. II, л. 246.

¹¹ Там же, л. 191.

¹² Там же, л. 191—193.

¹³ Военные пытались привлечь к себе даже отколовшееся от БЗНС крыло Драгиева, для чего Рачев ездил в Ст. Загору и предлагал Драгиеву, а затем его заместителю министерский пост. Но оба они отказались «по соображениям этики» (АМВР, т. II, л. 192).

¹⁴ На судебном процессе 1954 г. на вопрос прокурора, кто назначил нового премьер-министра, И. Волков прямо ответил: «Военный союз» (АМВР, т. II, л. 198).

И это с очевидностью определяется по крайней мере такими обстоятельствами: во-первых, необходимостью учитывать внешнеполитическую реакцию на незаконный акт государственного переворота. Его прикрытием должно было служить правительство коалиции, внешне гораздо более демократическое, чем однопартийный кабинет Стамболийского, слывший диктаторским; во-вторых, необходимостью учитывать реакцию на переворот со стороны буржуазных партий, которые хотели избавиться от «земледельческого» режима, но отнюдь не желали отказываться от власти в пользу политических нуворишей¹⁵. Включение представителей всех буржуазных партий в правительство формально означало участие всех их во власти, удовлетворяло притязания каждой из них. Благодаря такому составу правительства на каждую партию распространялась и ответственность за риск, связанный с переворотом; в-третьих, представительство всех буржуазных партий в министерском совете было важно и с точки зрения будущего превращения этих партий в составную и послушную часть режима, поскольку создавать новую общественную силу как опору этого режима предполагалось в первую очередь из тех же старых буржуазных партий.

Вместе с тем, в правительство оказались вовлеченными лишь второстепенные фигуры буржуазного политического мира. Конечно, Военный союз и стремился к тому, чтобы найти министров среди «новых людей». И. Волков отмечал, что «в правительстве нет никого из прежних государственных деятелей»¹⁶. Но по правде сказать, особого выбора и не было: наиболее крупные буржуазные деятели сидели в тюрьмах, осужденные как виновники национальных катастроф, другие вынуждены были скрываться за границей.

В ночь с 8 на 9 июня 1923 г. будущие министры были созваны в дом ген. Русева. Один из них, Д. Казасов, отмечая политическую разнородность заговорщиков, пишет в своих воспоминаниях, что многие из них только тогда впервые познакомились друг с другом. До сих пор не было никаких общих совещаний, никаких общих обсуждений программы внешней и внутренней политики, социальных и экономических мероприятий¹⁷.

Да это и понятно. В замыслы военных вовсе не входило предоставлять самостоятельную роль представителям старых буржуазных партий в правительстве. Никакая широта их представительства в кабинете не могла скрыть факта, что основные командные посты в государстве отводились военным. Хотя из 10 министров военными в правительстве были только трое, именно в их руках находились нити руководства всей внутренней и внешней политикой: министерство внутренних дел возглавил ген. И. Русев, министерство иностранных дел — полк. Х. Калфов, военное министерство — ген. И. Волков. Их ставленник и доверенное лицо проф. политэкономии А. Цанков стал премьер-министром и министром просвещения. Его приятель по «Народному сговору» Я. Моллов получил министерство земледелия. Остальные пять портфелей были распределены между представителями буржуазных партий.

Руководство Военного союза стремилось стать полным и бесконтрольным хозяином положения в стране.

Вокруг Волкова формируется так называемый «политический эскадрон»: это министры правительства, имеющие военные чины, а после выборов в парламент также и депутаты Народного собрания — военные. К ним примыкают офицеры высоких званий, входящие в состав Центрального правления Военного союза. Появляется и третья группа офицеров —

¹⁵ Ср. И. М и т е в. Там же, стр. 86.

¹⁶ АМВР, т. II, л. 246.

¹⁷ Д. К а з а с о в. Видяно и преживяно. София, 1969, стр. 272.

в качестве актива Центрального правления¹⁸. Так образуется новый орган Офицерской лиги, который позже за ту большую власть, что он себе присвоил, был назван «конвентом»¹⁹.

Власть «конвента» была поистине очень велика. Г. М. Димитров называл его фактическим правительством, действовавшим закулисно, для которого официальный Совет министров был только внешней мантией²⁰. «Во всех важных случаях, — отмечал Г. Димитров, — Совет министров оказывается поставленным перед свершившимися фактами и в роли обыкновенного регистратора решений „конвента“»²¹.

Подробности функционирования «конвента», его персонального состава остаются невыясненными и по сей день²²: члены его собирались тайно и, по-видимому, не стремились как-то фиксировать свои решения. Нет сведений и о том, как долго он существовал, какие изменения претерпели его власть и влияние с годами.

Несмотря на жалобы рядовых членов Военного союза, что после переворота с ними перестали считаться, фактически роль военных в государстве выросла многократно.

Прежде всего, часть офицеров, уволенных при Стамболийском в запас, была вновь принята на военную службу. Среди них — В. Лазаров, Д. Порков и другие, многим из которых была отведена роль усмирителей вооруженной борьбы трудящихся, вспыхнувшей в ряде мест Болгарии в июне 1923 г. в ответ на переворот, а затем и градиозного героического антифашистского сентябрьского восстания рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии. В обоих случаях против повстанцев была брошена армия, развернувшая настоящие боевые действия. В сентябрьские дни в стране было объявлено военное положение и санкции военно-полевых судов распространены на гражданских лиц. Ген. В. Лазаров отдал приказ — повстанцев и их сообщников в плен не брать, а убивать на месте²³: это развязывало руки фашиствующим элементам, оставляло безнаказанными сотни убийц коммунистов и «земледельцев» — единогофронтовцев. Особую активность развернула при подавлении восстания шпиц-команда из македонских террористов, приданная армии²⁴. Да и сама армия была увеличена; в сентябрьские дни 1923 г. в нее влились офицеры запаса, переодетые солдатами²⁵. В канун восстания

¹⁸ Военно-исторически архив, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 29 (Х. Стойков, Г. Иванов, П. Хаджииванов. Офицерские конспирации в България. Ръкопис. София, 1963, стр. 209).

¹⁹ Там же.

²⁰ Г. Димитров. Кой управлява България. Съчинения, т. 7, София, 1953, стр. 291.

²¹ Там же, стр. 292.

²² В статье, датированной ноябрем 1923 г., Г. М. Димитров писал, что «так называемый „Конвент десяти“ состоит из верных людей Военной лиги, „Кубрата“ и действует по договоренности и с помощью правых автономистов Тодора Александрова» (Там же, стр. 291). Позже исследователи приравнивали к «Конвенту» центральное правление Военной лиги (см. Й. Митев. Там же, стр. 157) или ограничивались утверждением о том, что «Конвент» состоял из группы офицеров, действовавших по приказам царя (см. К. Кожухаров. Земледельский Сюз и българския фашизъм. «Исторически преглед», 1967, № 6, стр. 113). Тогдашние члены Военного союза пишут в своих воспоминаниях, что в первое время в «Конвент» входили ген. И. Волков, полк. Д. Велчев, полк. Г. Волков, ген. В. Лазаров, полк. П. Петров, офицер запаса Н. Рачев, полк. запаса В. Начев, М. Савов, ген. И. Русев, полк. С. Василев (Х. Стойков, Г. Иванов, П. Хаджииванов. Офицерские конспирации в България, стр. 209—210).

²³ АМВР, т. II, л. 28 (из показаний Д. Поркова).

²⁴ Там же.

²⁵ АМВР, т. III, л. 183.

правительство Цанкова добилось у межсоюзных контрольных органов разрешения на увеличение армии на три тысячи человек против того, что устанавливалось условиями Нейсского мира²⁶.

Проведение арестов, допросов, экзекуций стало новым амплуа для болгарских офицеров. Эта сомнительная честь выпала со временем сотрудникам 3-й секции военного министерства, реорганизованной вскоре после переворота. Во времена Стамболийского 3-я секция выполняла разведывательную службу в отношении реквизиционных органов западных держав, помогала гарнизонам укрывать оружие от конфискации. Военный министр Волков поставил перед секцией новую задачу: разведывательная деятельность против Болгарской коммунистической партии, борьба с нею²⁷. Секция была немногочисленна, имела всего с десяток офицеров, но, подчиняясь одному лишь военному министру, обладала огромной свободой действий. Секция работала в непосредственном контакте с дирекцией полиции и вскоре превратилась в одно из самых страшных инквизиторских учреждений. Сотрудники секции оплачивались из безотчетных фондов, заведенных для этой цели военным министром.

Так расширились функции армии после переворота 9 июня.

Но этим дело не ограничилось. Военные руководили сменой дипломатического корпуса²⁸, реорганизацией полиции, жандармерии, а также обеспечением их новыми кадрами, формированием органов местной администрации взамен разогнанных после переворота.

Полиция была предметом особых забот новой власти. В одной из своих программных речей в июле 1923 г. Цанков говорил, что она должна быть организована в той или иной степени на военных началах, от чего «граждане только выиграют»²⁹. Директором полиции был назначен Х. Чемширов, вскоре замененный полк. В. Начевым, активным членом Военного союза и близким другом политического секретаря союза Н. Рачева³⁰. При нем Дирекция полиции стала превращаться в «образцовое» заведение с дифференцированными политической, уголовной и административной службами³¹, а ее кадры пополнялись за счет офицеров запаса и солдат. Для повышения их профессиональной квалификации было командировано несколько человек в Вену. Там они специализировались при местной полиции. О таких командировках и на дальнейшее была достигнута договоренность с австрийским правительством, которое, кроме того, обещало прислать в Болгарию своих инструкторов³². В речи, произнесенной в парламенте спустя год после переворота, министр внутренних дел ген. Русев, хотя и в косвенной форме, признал факт глубокого обновления личного состава органов полиции³³.

²⁶ Там же, т. II, л. 185.

²⁷ АМВР, т. II, л. 27.

²⁸ Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 369, оп. 1, ед. хр. 563, 585, 588, 641 и др.

²⁹ «Реч, произнесена от министър-председателя проф. Ал. Цанков пред публичното събрание в гр. София на 8 VII 1923 г. (далее — «Реч, произнесена от министър-председателя...»), София, 1923, стр. 5.

³⁰ По мнению некоторых современников, Н. Рачеву принадлежали очень важные функции в создании нового административного аппарата. Он стал главным секретарем министерства внутренних дел, т. е. ведал кадрами этого важнейшего органа. С. Мошанов считает, что таким образом в его лице объединялись функции «внутренней и военной администрации» и что он держал в своих руках всю гражданскую администрацию страны (АМВР, т. III, л. 187; т. X, л. 120).

³¹ АМВР, т. II, л. 27; т. III, л. 137.

³² «Стенографски дневници на XXI Обикновено народно събрание (ОНС). I редовна сесия (р. с.)». София, 1924, стр. 2024.

³³ Там же.

Как же была организована под эгидой военных власть на местах? При решении этого вопроса военным, безусловно, приходилось считаться со своими ограниченными возможностями милитаризации государственного аппарата по причинам, о которых говорилось выше. В результате система административных органов оставалась традиционной, но кадровый состав их менялся кардинально. «Земледельцы» не просто смещались с административных постов, а в ряде случаев, особенно в связи с начавшимися стихийными восстаниями, физически уничтожались.

Поскольку формально к власти пришла коалиция партий, представители партий, участвовавших в правительстве, получали доступ и в органы местной власти. Достаточно было зарекомендовать себя рьяными и активными противниками «дружбашей». Но спустя короткое время положение стало меняться: как только правительственная коалиция стала давать трещину, отношение военных руководителей министерства внутренних дел к партийной принадлежности членов административного аппарата стало более строгим. Широкий социалист Х. Баралиев жаловался в Народном собрании: «Все социалисты систематически были уволены с постов, которые они заняли после 9 июня»³⁴. Но увольнялись не только социал-демократы, а и радикалы, демократы, все те, грех которых состоял в том, «что они думают не так, как люди правительственной партии»³⁵.

О партийном составе кадров административного аппарата данные разыскать не удалось: министр внутренних дел предпочитал характеризовать их с точки зрения образования. Но и в этой системе без военных не обошлось: все, не имеющие высшего образования, по утверждению ген. Русева, являются офицерами запаса с 15—20-летним стажем, они «знают, что такое власть и власть их не смущает; это не парвеню»³⁶.

Действительно, не говоря уж об окружных управителях, и в околийские начальники назначались офицеры запаса довольно высоких званий. Так, в Елховскую околию был назначен вначале подполк. запаса Г. Николов, замененный вскоре еще более высоким чином — полк. запаса Велевым. Ни один из них не был родом из Елхово³⁷.

Если окружные управители и околийские начальники и в прежние времена назначались министром внутренних дел, то самой мелкой административной единицей — общиной (городской или сельской) — управлял выборный совет. Он подчинялся окружному совету, также выборному органу. После переворота 9 июня эта форма местного самоуправления в большинстве случаев³⁸ была заменена назначаемыми трехчленными комиссиями, в просторечье трехчленками. Так же как из других органов административного аппарата, и из трехчленок постепенно были удалены многие представители буржуазных партий, проявившие оппозиционные настроения.

Сами по себе трехчленки не были нововведением. Они создавались и прежде, но лишь в исключительных случаях, когда общинный или окружной совет по каким-либо причинам не мог функционировать или не устраивал правительство и подлежал роспуску. «Земледельцы» также прибегали к использованию трехчленных комиссий, причем значительно расширили их права.

³⁴ Там же, стр. 1982.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦДИА, ф. 252, оп. 1, ед. хр. 271, л. 1 (письмо председателя бюро «Демократического сговора» с Омана Елховской околии министру от 4 VII 1926).

³⁸ В газете демократов «Знаме» сообщалось, что после 9 июня ушло в отставку более половины окружных советов («Знаме», 19 X 1925).

После 9 июня 1923 г. их деятельность была направлена в первую очередь против революционных или просто подозрительных для узурпаторов элементов. Трехчленки существовали в течение почти целого года после переворота, присвоив себе все права органов местного самоуправления и выступая активными проводниками внутренней политики нового правительства.

Новая администрация выполняла не только свои прямые функции. По признанию министра внутренних дел, летом 1923 г. окружным управителям было вменено в обязанность «разъяснить в народе программу правительства»³⁹.

Итог сказанному лучше всего подвести словами буржуазного политического деятеля С. Мошанова: «Правление после 9 июня до созыва нового парламента и до выборов находилось исключительно в руках политического руководства Военного союза... Военный союз держал в руках армию, дирекцию, полицию и администрацию. С 9 июня 1923 г. до того как началось действительное функционирование Народного собрания, власть была исключительно в руках Военного союза, а политические партии играли второстепенную роль»⁴⁰.

Итак, несмотря на все вуали, военный характер власти, установленной в результате переворота 9 июня 1923 г., не подлежит сомнению. Но этим далеко не исчерпывалось существо нового режима.

В течение месяца после переворота болгарская и международная общественность оставались в неведении относительно программы нового правления в Болгарии. Впервые с программной речью премьер-министр выступил в Софии 8 июля⁴¹, затем последовала речь 27 июля⁴².

Оба выступления Цанкова были энергичным отрицанием «земледельческого» режима. Новое правительство провозглашало себя «народным» в противоположность классовому или сословному, обещало проводить политику социального мира. Незачем делать различие между горожанами и крестьянами, говорил Цанков, главное, что они — болгары, что в их жилах течет болгарская кровь⁴³.

Не правда ли, очень знакомый лозунг, характерный для многих фашистских программ! Но в некоторых странах он получал более целенаправленную форму: социальный мир объявлялся необходимым не вообще, а во имя интересов всей нации, причем чаще всего внешнеполитических. Получив такое направление и цель, идея нации, идея общих интересов всего народа приобретала в ряде стран огромную силу.

Ничего подобного не содержали в себе июльские речи болгарского премьер-министра.

Внешнеполитические задачи, сформулированные им, были лишены и перспективы, и боевого, активного заряда⁴⁴.

³⁹ «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р. с.», стр. 2008.

⁴⁰ АМВР, т. III, л. 187; т. X, л. 120.

⁴¹ «Реч, произнесена от министър-председателя...».

⁴² «Речта на министър-председателя Ал. Цанков, произнесена в летния общински театър на 27 VII 1923 г. (по стенографски бележки)» (далее — «Речта на министър-председателя...»).

⁴³ «Речта на министър-председателя...», стр. 23.

⁴⁴ Цанков формулировал их так: мы будем уважать великие державы и мирный договор. Но мы не можем не скорбеть о частях, оторвавшихся от нашего тела. Мы будем лечить наши раны, однако, не методами войны и воиственности. Единственное, чего мы требуем, это то, чтобы наши братья, разбросанные повсюду, уважались как люди и как национальность. В этом отношении Нейисский договор даст нам достаточно средств («Реч, произнесена от министър-председателя...», стр. 8).

Понятно, что в то время ⁴⁵ нечего было и думать о выдвигении ревизионистских или реваншистских внешнеполитических лозунгов, игравших в других странах роль катализатора объединения «общественных сил». И этим в огромной степени объясняется бездейственность цанковской программы внешней политики с точки зрения сплочения всех воедино. Но не имея в руках выгодного внешнеполитического козыря, Цанков не сумел найти ему мало-мальски эффективного эквивалента внутреннего порядка. Внутриполитическая часть программных выступлений премьер-министра характеризуется нечеткостью мысли, неопределенностью посул, хотя и демонстрирует заботу о всех «классах и сословиях болгарского народа», к каждому из которых Цанков обращался специально, обещая: Крестьянам. Земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает. В основе экономической политики будут лежать интересы сельского хозяйства. Для крестьян будет организована эффективная агрономическая помощь; специальное внимание будет уделено сельскому кредиту, правительство будет поддерживать крестьянские кредитные кооперации.

Труду (так именуются рабочие. — *Р. Г.*). Меры государства против чрезмерной эксплуатации. Защита женского и детского труда. Установление определенного рабочего времени, отвечающего интересам народа и государства.

Ремесленникам. Покровительство государства. Достаточный и легко доступный кредит. Ремесленники должны знать, что они лучше защитят свои интересы, если встанут под знамя какой-либо партии, чем если они создадут свою сословную самостоятельную партию.

Промышленникам. Правительство не будет предпринимать против них никаких исключительных мер, к которым прибегало прежнее правительство. Основой политики в этом отношении будет координация действий капитала, труда и государства (тоже знакомый по фашистским программам лозунг! как и следующий!). Но капитал будет под зорким оком правительства. Однако будем надеяться, что болгарский капиталист будет хорошим болгаринном, что он будет стоять за интересы нации и государства.

Чиновникам. Повышение зарплаты.

Всем. Налоговое обложение каждого — по его силам и в соответствии с выгодами, которые он получает от государства ⁴⁶ (истолковывай, как пожелаешь!).

Итак, никто не забыт. Но достаточно ли обещанного, чтобы сплотить народ вокруг нового правительства? Компенсировали ли обещания Цанкова те экономические и политические потери, которые понесло крестьянство как класс в результате переворота 9 июня? Рабочие, имевшие с 1919 г. установленный законом 8-часовой рабочий день, также вряд ли могли чем-либо прельститься в предложенной им программе. Некоторый положительный резонанс речи Цанкова имели только среди городской мелкой буржуазии, но этого было совершенно недостаточно для того, чтобы новое правление могло рассчитывать на массовую поддержку.

Видимо, чувствуя шаткость власти, опирающейся только на военную силу, Цанков в своих программных речах делал особый упор на необхо-

⁴⁵ В 40-е годы Цанков в одной из своих речей заявил: «Этот диктат (Нейисский договор. — *Р. Г.*) как будто бы клал конец всем нашим желаниям и идеалам...». В то время мы давали себе отчет в том, что «если не считать пути, связанного с новой войной, национальное объединение Болгарии остается суетной мечтой». Никто в Болгарии не верил в ревизию мирного договора. Мы знали, что только новая война сможет радикально изменить создавшееся неестественное положение, но никто не верил, что вся эта система договоров рухнет раньше, чем через 25 лет (АМВР, УО-42929, стр. II, III, VI).

⁴⁶ «Речи на министр-председателя...», стр. 20.

димости создания новой общественной силы путем объединения политических партий вплоть до их полного слияния⁴⁷. Имеющиеся идейные различия могут быть преодолены. Не коалиция партий, подчеркивал Цанков, а их полное слияние, означающее создание новой политической силы. А затем подбор кадров, достойных принять участие в управлении⁴⁸.

Несмотря на всю куцость и рыхлость программы, изложенной Цанковым, очевидно, что существо ее составляли фашистские идеи социального мира, гармонии интересов труда и капитала, «обновления» государства посредством новой общественной силы. На основании материалов, которыми мы располагаем, трудно судить, насколько идеи эти были доморощенными, насколько заимствованными (в то время лишь у итальянских фашистов программа имела более или менее разработанный вид). Но важно, что военная власть, по существу диктатура, установленная в Болгарии в результате переворота 9 июня 1923 г., имела характерную фашистскую окраску.

В системе военно-фашистской власти Цанков функционально играл очень важную роль, будучи связующим звеном между тайным, нелегальным военным правительством и официальным кабинетом министров. Хотя кресло премьер-министра он получил из рук военных в буквальном смысле слова, он не был просто подставной фигурой, но с энергией и активностью принялся за претворение в жизнь планов, которые тогда были общими для него и военной верхушки.

Одним из главных пунктов этих планов было создание новой политической силы, как опоры военно-фашистского режима. Возглавить ее должен был опять-таки Цанков.

В случае полной удачи это означало бы одновременно ликвидацию большинства старых буржуазных партий, т. е. подчинение нефашистской, традиционной парламентарно-демократической части буржуазии военно-фашистскому руководству государства, потерю ею своей самостоятельной политической роли.

Разумеется, военно-фашистская диктатура, установленная в 1923 г. в Болгарии, лишь по форме была диктатурой военных и профессоров; ее классовым назначением было защищать интересы финансового капитала, в свое время обильно ссужавшего и «Народный съезд», и подготовку переворота, и пропаганду против «земледельческого» правительства в самой Болгарии и за границей⁴⁹. Среди тех, кто затем оказался в рядах ярых фашистов — миллионер Ат. Буров, представители ряда крупных табачных экспортных фирм. Однако не всех. Современники отмечали, что лишь 50% табачных экспортеров (а вывоз табака был в экономически отсталой Болгарии важнейшей отраслью приложения капиталов и обогащения для буржуазии) были на стороне нового правительства. Остальные 50% держались оппозиционно⁵⁰.

Задача создания новой политической силы была тем более важной, что военно-фашистское руководство не имело массовой поддержки и не рассчитывало получить ее в близком будущем.

Однако осуществить эту задачу оказалось совсем не просто. Буржуазные партии с ликованием встретили весть о свержении ненавистой

⁴⁷ «Речи на министр-председателя...», стр. 28.

⁴⁸ «Реч. произнесена от министр-председателя...», стр. 25.

⁴⁹ Я. Йодов. По някои въпроси на българския фашизъм. «Исторически преглед», 1967, № 1, стр. 90—91; Г. Стефанов. Международни влияния за фашисткия преврат на 9 юни 1923 г. «Годишник на Софийския ун-т», юридически ф-т, т. 54, кн. 2. София, 1963.

⁵⁰ См. выступление Н. Сакарова в парламенте. «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р. с.», стр. 2197.

«диктатуры мужиков». Что уж говорить о реакционных партиях народных, национал-либералов, демократов, если социал-демократы в лице их лидера Я. Сакызова позволяли себе такие публичные заявления: «Переворот полностью удался, возникшее вначале на местах сопротивление подавлено, все земледельческие лидеры арестованы. Среди населения городов и деревень царит всеобщая радость. Население оказывает полное доверие коалиционному правительству. Переворот означает разрыв с прежней политикой. Правительство ориентируется влево. Социал-демократия поддерживает новый кабинет, чтобы поддерживать и укреплять левое направление»⁵¹.

Но после переворота положение в лагере буржуазии стало сложным: военно-фашистское руководство государством стремилось ликвидировать прежние буржуазные партии, объединив их под своей эгидой в «Демократический сговор». Это не могло прийти по душе старым политическим лидерам, мечтавшим о том, чтобы вернуться к деятельности на политической арене и, конечно же, к самостоятельной деятельности. Положение осложнялось тем, что переворот 9 июня застал многих лидеров прежнего «Конституционного блока», год назад пытавшихся возглавить борьбу против «земледельцев», в тюрьме. Новое правительство распорядилось об их освобождении только в конце июня. «Мы мешали одному и другому (Стамболийскому и Цанкову.— *Р. Г.*), — писал позже руководитель демократической партии А. Малинов. Им было нужно, чтобы мы не стояли на их пути, не пересекали его. Цанков и компания желали бы выступить нашими освободителями, но именно они хотели задержать нас в тюрьме на более или менее продолжительное время»⁵².

Выйдя из тюрьмы, Малинов категорически отказался влить демократическую партию в сколачивавшийся «Демократический сговор».

Но, как отмечают современники, среди рядовых членов буржуазных партий реально существовала тяга к объединению сил⁵³. Возникла она задолго до переворота как реакция на подъем революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся. Теперь Цанков использовал и подогревал ее, произнося демагогические речи об историческом значении 9 июня, о восстановлении «подлинной демократии», о привлечении к дележу государственного пирога «всего, самого достойного».

Стремясь противостоять нажиму военно-фашистского руководства и в то же время действовать в русле настроений рядовых партийных масс, демократическая и радикальная партии во главе со своими лидерами А. Малиновым и С. Костурковым объединились в «Союз демократии». Но он просуществовал всего несколько дней⁵⁴. Да иначе и быть не могло: для устранения этого препятствия фашисты в выборе средств не стеснялись. К Малинову и Костуркову явилась делегация Военного союза, заявившая, что в случае неподчинения требованию «общественного мнения» о необходимости роспуска демократической и радикальной партий, оба деятеля будут сами нести ответственность за вытекающие из этого последствия и что их ждет, как самое малое, «выселение в Пирин»⁵⁵.

С остальными упрямыми поступали примерно так же. Другой видный деятель демократической партии Н. Мушанов, тоже не согласившийся на вступление демократической партии в «Демократический сговор»

⁵¹ «Arbeiter-Zeitung», 17 VI 1923 (телеграмма Я. Сакызова в ответ на запрос центрального органа австрийской социал-демократии).

⁵² А. М а л и н о в. Под знака на острастени и опасности политически борби. София, 1934, стр. 152.

⁵³ Д. К а з а с о в. Там же, стр. 296; А. М а л и н о в. Там же, стр. 154.

⁵⁴ А. М а л и н о в. Там же, стр. 154.

⁵⁵ Там же, стр. 153-154; Д. К а з а с о в. Там же, стр. 296.

получил от лидера ВМРО Т. Александрова письмо с требованием явиться к последнему. «Это было своего рода повесткой явиться на суд»⁵⁶. Всем была известна безнаказанность действий этой террористической организации. Во время встречи Т. Александров сказал, что по сведениям, которыми располагает ВМРО, в стране готовится восстание, и это было одним из аргументов для того, чтобы заставить Н. Мушанова вступить с демократической партией в «Демократический сговор»⁵⁷.

В провинции процесс слияния партий в «Демократический сговор», очевидно, происходил также с трудностями и не без нажима. Некоторое представление об этом дает, например, письмо, полученное министром иностранных дел Х. Калфовым из Бургаса от некоего Д. Патева, по видимому, близкого ему по делам военной службы. Письмо датировано 15 июля 1923 г.: «Партии здесь продолжают вести переговоры и бездействовать... Я испортил себе все нервы с тех пор, как вернулся сюда убеждать, но без небольшого насилия это дело не осуществится. Причина зла — их безумные лидеры в Софии, и нужно предпринять меры против них. Сожалею о том, что и вы там не держитесь строго, а это опасно: не забывайте о времени Керенского. Тут считают, что как только „солются“, и они должны будут предъявить претензии на власть. Не знаю! Действительность совсем разочаровала меня. С этими провалившимися политиками я бы действовал совсем иначе. Небольшую надежду сохраняю в отношении их молодежных групп, они готовы детронировать своих старых шефов и провозгласить слияние, но посмотрим, каковы будут они завтра-послезавтра»⁵⁸.

Как бы то ни было, большинство несогласных отступило: в августе 1923 г. протокол о создании «Демократического сговора» был подписан. Сливались демократическая, народно-прогрессивная, радикальная партии и возглавляемый Цанковым «Народный сговор». За пределами объединения оставались национал-либералы и социал-демократы, которые должны были присоединиться к сговору на другом этапе, и самые массовые партии: БЗНС и БКП.

В руководство «Демократического сговора» вошло 24 человека, по 6 человек от каждой партии. Анализируя личный состав этого руководства, Д. Казасов замечает в своих воспоминаниях, что призыв А. Цанкова к обновлению партийного руководства фактически повис в воздухе: «Из 24-х членов руководства „Демократического сговора“ только пять человек, а именно А. Цанков, К. Георгиев, Х. Калфов, ген. Вазов и Н. Рачев, не входили в состав прежнего руководства слившихся партий. Буржуазные партии группировались под новым названием, но при прежних своих руководствах и составах»⁵⁹. Другие современники отмечали, что «Демократический сговор» составлен на скорую руку, что он еще не является той «окончательной формой новой партии, которой предназначено объединить силы буржуазии»⁶⁰. Неслучайно к моменту создания новой партии не было подготовлено никакого проекта ее программы, это становилось делом будущего. Конституирование «Демократического сговора» было своеобразным толчком для усиления процесса брожения в лагере буржуазии, приведшего вскоре к проявлению как центростремительных тенденций к сплочению части народняков, демократов,

⁵⁶ Из свидетельских показаний Ст. Мошанова на процессе 1954 г. (Н. Мушанов приходился свидетелю дядей). АМВР, т. III, л. 185.

⁵⁷ Там же, л. 185—186.

⁵⁸ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 219, л. 1—2.

⁵⁹ Д. К а з а с о в. Там же, стр. 297.

⁶⁰ «Декларация национал-либерала Н. Генадиева от 12 IX 1923 г.» ЦДИА, ф. 401, оп. 1, ед. хр. 104, л. 4.

радикалов и других вокруг военно-фашистского руководства «Демократического сговора», так и центробежных тенденций откола от него других частей буржуазии и перехода ее в оппозицию. Следующим важным рубежом в этом отношении становились выборы в парламент.

Даже по отрывочным сведениям, которыми мы располагаем, можно судить об ожесточенном характере борьбы между военно-фашистским руководством и когортой старых политических деятелей, развернувшейся в месяцы перед выборами. Первым нужно было обеспечить себе определенный состав парламента, превратить его в послушный механизм нового режима. Вторые, в связи с роспуском главных политических партий буржуазии и необходимостью в составе «Демократического сговора» подчиниться той же военно-фашистской верхушке, единственно в парламенте видели возможность более или менее самостоятельной политической деятельности.

В предвыборные месяцы в буржуазных партиях вспыхнула борьба между «старыми» и «молодыми». Цанков делал определенные авансы «молодым». Стремясь отколоть их от традиционного руководства, он провозглашал, что именно молодежь, «крепкие и жизнеспособные подрастающие поколения нации» должны стать «базой общественной опоры правления»⁶¹. Борьба между «старыми» и «молодыми» приобретала открытые формы. Д. Казасов пишет в своих воспоминаниях: «Молодые утверждали, что в верхах партийных олигархий находятся обветшавшие и потерявшие стойкость (деятели.— Р. Г.), неспособные обслуживать возросшие и усложнившиеся потребности государственной жизни... Молодые утверждали, что стремятся устранить старых, чтобы обеспечить таким образом единство и политическую сплоченность Демократического сговора»⁶².

Ожидая благоприятного для себя исхода этой борьбы, Цанков, как явствует из его шифрованной телеграммы Калфову в Женеву, отправленной 28 сентября, даже отложил выборы. Причина — «противлюсь кандидатурам некоторых из старых»⁶³. Но этого он так и не сумел добиться: благодаря своему опыту и гибкости «старые» победили. Усилия удалить их с политической сцены провалились, и они заняли свои традиционные места в списках кандидатов⁶⁴.

В их адреса посыпались угрозы и предупреждения. Министр иностранных дел полк. Х. Калфов в предвыборной речи в Габрово говорил: «Слияние произведено безвозвратно. С каждым днем оно будет все более полным и глубоким, но не наоборот. Если кто-нибудь воображает, что в будущем парламенте создались бы благоприятные условия для разрушения этого спасительного слияния, созданного с таким трудом и усилиями, то он жестоко ошибается»⁶⁵.

Положение осложнялось переходом национал-либералов после сентябрьского кризиса кабинета в открытую оппозицию. Кризис вспыхнул в результате споров между национал-либералами и социал-демократами из-за министерских кресел. Военно-фашистская верхушка выступила тогда в целом в поддержку широких. Цанков, сообщая Калфову в Женеву о том, как развивается кризис, писал 15 сентября 1923 г.: «Я решительно против гомогенного кабинета. Нужно отдать кому-то предпочтение. Прошу тебя, сообщи мне твое мнение. Мое мнение, что после начала борьбы с коммунистами и дружбашами нам не надо упускать широких

⁶¹ АМВР, УО-42929, б/л.

⁶² Д. К а з а с о в. Там же, стр. 320.

⁶³ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 630, л. 6.

⁶⁴ Д. К а з а с о в. Там же, стр. 320.

⁶⁵ ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 392, л. 1—2.

социалистов»⁶⁶. В итоге, представитель национал-либералов в правительстве Б. Смилов вынужден был оставить министерский портфель, а национал-либеральная партия перешла в оппозицию. На выборах она стала выступать самостоятельно, в то время как широкие социалисты образовали избирательную коалицию вместе с «Демократическим сговором».

Предвыборная полемика носила острый характер. В листовках, подписанных коалицией «Демократического сговора» и широких, национал-либералы обвинялись не только в том, что довели страну до национальных погромов, но и в том, что они якобы «являются союзниками дружбачины и коммунизма»⁶⁷. 30 октября был убит македонскими террористами лидер одного из течений национал-либеральной партии д-р Н. Геннадиев. Истинные мотивы этого убийства остаются неясными, но оно само по себе характеризует обстановку, складывавшуюся в Болгарии накануне выборов для той части буржуазии, которая проявляла несогласие с военно-фашистским руководством страны.

Напряжение в стране усиливалось в связи с тем, что трудовой народ, несмотря на кровавый разгром сентябрьского восстания, несмотря на продолжавшиеся после его подавления жестокие репрессии, не проявлял признаков смирения. Более того, БКП и левая часть БЗНС не без успеха стремились закрепить в общей избирательной платформе союз рабочих и крестьян, рожденный во время сентябрьских боев. Поистине, выборы 18 ноября 1923 г. могли принести много неожиданного для военно-фашистской власти.

Вот почему министр внутренних дел ген. Русев метался по стране, посещая один округ за другим и давая «личные инструкции окружным управителям об обеспечении свободы предвыборной кампании»⁶⁸. В характере этих инструкций можно не сомневаться: Русев исходил из того, что, по его собственным словам, тем-то и определяется роль министерства внутренних дел, что именно оно «проводит выборы, чтобы создать более сильную партию, чтобы усилиться»⁶⁹.

По-видимому, с задачей своей генерал вполне справился. Одно из свидетельств этого — реплика «своего» же стовориста И. Симеонова в Народном собрании, который, прерывая высказывания Русева о выборах 18 ноября, под смех присутствующих заявил: «Господин министр! За выборы мы вам можем поставить высший балл»⁷⁰.

О том, что представляла собой насаждавшаяся мишистром внутренних дел свобода предвыборной агитации и самих выборов современники рассказывают так: за два дня до выборов был объявлен полицейский час и запрещены все собрания⁷¹. Трехчленные комиссии отказывались выдать удостоверения кандидатам от оппозиции. В 37 околиях «земледельцам» не позволили зарегистрировать свои кандидатские списки. Кроме того, большая часть земледельческих кандидатов была арестована накануне выборов⁷².

Г. Димитров писал в конце ноября 1923 г.: после переворота 9 июня правительство фактически поставило БЗНС вне закона, запретило его печатать, конфисковало имущество, бросило в тюрьмы его деятелей, некоторых из них физически уничтожило. Одновременно были предприняты преследования коммунистов, а 12 сентября партии был нанесен сильный

⁶⁶ Там же, ед. хр. 640, л. 1—2.

⁶⁷ Там же, ед. хр. 410, л. 2—4.

⁶⁸ «Демократический сговор», 24 X 1923.

⁶⁹ «Степнографски дневници на XXI ОНС, I р. с.», стр. 2007.

⁷⁰ Там же, стр. 2008.

⁷¹ Там же, стр. 2014.

⁷² Там же, стр. 1989—1990.

удар повсеместными арестами. В дни сентябрьского восстания и после него было убито по меньшей мере 5 тыс. коммунистов и земледельцев, 3 тыс. других были вынуждены бежать за границу, в леса и горы Болгарии, не меньше 15 тыс. были арестованы и подвергнуты нечеловеческим пыткам. Насилия и жестокости продолжались в течение более месяца после сентябрьского восстания и проводились еще в начале ноября. Даже военное положение в важных округах страны было снято и то лишь формально — всего за несколько дней до выборов ⁷³.

БКП и БЗНС не имели абсолютно никакой возможности для устной и печатной агитации, для собраний, для предвыборной деятельности. «Распространители же коммунистических и земледельческих бюллетеней вынуждены были повсюду из-за преследований, арестов, избиений раздавать их тайно избирателям, преодолевая тысячи трудностей и рискуя» ⁷⁴.

Неуверенное в успехе выборов правительство проводило их по той же мажоритарной системе «земледельцев», принятие которой немногим больше полугода тому назад вызвало настоящий вой среди буржуазных политических деятелей всех партий и всех мастей. Теперь военно-фашистское руководство сочло за благо опереться в этом отношении на наследие Стамболийского, ибо возвращение к пропорциональной системе таило слишком много риска.

На выборах 18 ноября 1923 г. коалиция «Демократического стовора» и партии широких социалистов собрала 639,8 тыс. голосов или 58,3% от числа всех голосовавших. Не забудем, что в коалицию входили по существу все буржуазные партии, кроме национал-либералов. За бюллетени правительственной коалиции голосовали, кроме того, почти все чиновники ⁷⁵ (к тому времени они уже получили 50% повышение зарплаты ⁷⁶) и значительные группы городской мелкой буржуазии ⁷⁷ — ремесленники, мелкие торговцы, обремененные тяжелыми налогами, которые «поверили, что переворот несет им „освобождение“ ...» ⁷⁸.

Национал-либералы — партия слабая и неавторитетная, получили незначительное число голосов.

За коалицию БЗНС и БКП там, где удалось осуществить единый избирательный фронт рабочих и крестьян, проголосовало свыше 81 тыс. человек (7,4% от общего числа голосовавших). Там, где в силу тех или иных причин единого фронта добиться не удалось, за самостоятельные списки БЗНС было отдано более 132 тыс. голосов (12,1%), а за самостоятельные списки коммунистов — еще 8,4 тыс. (0,8%) ⁷⁹. Кроме того, недействительными было признано 92,7 тыс. бюллетеней (8,5%), которые

⁷³ Г. Д и м и т р о в. Изборите. Съч., т. 7, стр. 306—309.

⁷⁴ Там же, стр. 312.

⁷⁵ «Ратник на свобода», 19 I 1924.

⁷⁶ «Стенографски дневници на XXI ОНС, I р. с.», стр. 2104.

⁷⁷ В преддверии выборов правительство действовало не только кнутом, но и пряником: был предоставлен кредит сельскохозяйственным кооперациям на сумму 200 млн левов, ремесленникам — на сумму 50 млн, 80 млн левов было дано крестьянам, хозяйство которых пострадало от града, 50 млн. левов инвалидам; в интересах экспортеров зерна были снижены экспортные пошлины на зерно и муку (см. черновик предвыборной речи Х. Калфова. ЦДИА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 393, л. 7). На основе специальных министерских распоряжений железнодорожники и работники почты и телеграфа получили целый ряд льгот. Среди них такие, как оплата сверхурочного и ночного труда, удвоение километражного вознаграждения и вознаграждения за маневренные работы, ежемесячные персональные надбавки, бесплатный проезд для железнодорожников и их семей, бесплатная спецодежда, выплата пособия в случае увечья и т. п. (см. Д. К а з а с о в. Там же, стр. 319).

⁷⁸ В. К о л л а р о в. Социальные основы цанковского режима. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 8, стр. 73.

⁷⁹ «Статистика на изборитеза народни представители за XXI ОНС» (далее — «Статистика на изборите...»), София, 1928, стр. 16.

в основном можно считать принадлежащими блоку БЗНС и БКП. В итоге БЗНС и БКП получили не менее 300 тыс. голосов.

Г. Димитров так оценивал результаты выборов: «...узурпаторское фашистско-буржуазно-социалистическое правительство потерпело на выборах моральное и политическое поражение, хотя и получило, как и следовало ожидать, большинство депутатских мандатов»⁸⁰. В другой статье Г. Димитров отмечал, что правительственная и буржуазная пресса встретила результаты выборов с нескрываемым страхом и явным разочарованием⁸¹.

Благодаря мажоритарной системе 58,3% полученных голосов превратились для правительственной коалиции в 81% всех депутатских мест в парламенте или в 200 мандатов народных представителей (171 мандат предоставлялся «Демократическому сговору» и 29 социал-демократам)⁸². БКП и БЗНС было предоставлено около 40 мест.

Очевидно, что именно депутаты «Демократического сговора» определяли лицо парламента нового созыва, резко отличавшегося от предыдущего «земледельческого».

Приведем некоторые данные, характеризующие депутатов от «Демократического сговора». 144 из них жили в городе; 122 были избраны в состав Народного собрания впервые («новая поросль», «новая сила»). Хотя Цанков много говорил о молодежи, о своем намерении опереться на нее, эта «новая поросль» в парламенте в основном уже миновала век юности: по конституции право быть избранным предоставлялось лишь гражданам, достигшим 30-летнего возраста. В результате самую молодую возрастную группу в парламенте составили 30—35-летние. В парламентской группе «Демократического сговора» их было всего лишь 12,3%, а основным ее костяком явились люди в возрасте 35—50 лет (63,1%), причем почти половину из них составили 40—45-летние⁸³.

Сговористы хвастались, что их парламент — самый образованный за всю историю Болгарии. Это было недалеко от истины (около 70% депутатов «Демократического сговора» имели высшее образование, почти на три четверти — юридическое), хотя образованный еще не значит цивилизованный.

Данные о профессии 171 депутата интересно привести целиком: 22 назвали своей профессией земледелие, 5 — мукомолье, 6 — различные виды торговли, 100 — свободные занятия (в том числе 76 — адвокаты, ходатаи, переписчики заявлений, 17 — литераторы, журналисты), 13 были пенсионерами, 9 — внештатными профессорами⁸⁴.

Разумеется, эти данные недостаточны для полной характеристики нового состава парламента. В них, в частности, совершенно не упоминаются военные, а они заняли места на депутатских скамьях⁸⁵. Невозможно судить по этим данным и о том, какие круги буржуазии были лучше представлены, какие хуже и т. п. Но о значительном представительстве интеллигенции они свидетельствуют достаточно красноречиво. По-видимому, усилия Цанкова и его сторонников заполнить парламент «своими» людьми в определенной степени увенчались успехом. Но успех этот не был полным: помимо желательных фашистскому руководству персон в парламент в немалом количестве попали и нежелательные,

⁸⁰ Г. Д и м и т р о в. Изборите. Съч., т. 7, стр. 312.

⁸¹ Г. Д и м и т р о в. Какво показаха изборите? Съч., т. 7, стр. 315.

⁸² «Статистика на изборите ...», стр. 92.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 94.

⁸⁵ И. Волков, например, во время процесса 1954 г. признавал, что все члены ЦУ ВС стали депутатами Народного собрания (АМВР, т. II, л. 258).

в том числе и по кандидатским спискам «Демократического сговора». Если отнести к поколению «старых» политических деятелей депутатов, которые уже не в первый раз избирались в Народное собрание, то в одной только парламентской группе «Демократического сговора» их было 49, т. е. около трети всех ее членов. Довольно много для парламентской фракции партии, избравшей «новый» путь, хотя очевидно, что не всех «старых» следует относить к явным или тайным противникам фашистского руководства, так же как не все «молодые» были его сторонниками.

Результаты выборов в парламент были победными для военно-фашистского руководства только с формальной точки зрения, ибо сам «Демократический сговор» был еще лишь лоскутным соединением нескольких партий. Это в полной мере проявилось в первые же дни работы нового парламента, когда нужно было определить, кто будет председателем Народного собрания, кто возглавит различные его комиссии и органы. Газета «Демократический сговор» писала тогда в передовой статье под тревожным названием «Первые облака» (предчувствия не обманули сговористов, первые облака не стали последними!): диффузия частей, составляющих «Демократический сговор», еще не является полной и потому при распределении мест в Народном собрании и руководящих постов в парламенте учитывалось «партийное происхождение» депутатов⁸⁶. Характерно, что выступая в парламенте, депутаты, рядом с фамилией которых стенографист делал пометку «Демократический сговор», продолжали называть себя радикалами, демократами и т. п., т. е. в своем сознании они сохраняли прежнюю партийную принадлежность. В целом «Демократический сговор», как и его фракция в Народном собрании, были в то время весьма рыхлой опорой военно-фашистской власти.

Кроме того, в парламенте заняли места многие «старые» буржуазные политические деятели. Вынужденные под нажимом согласиться с роспуском главных партий буржуазии и включением их в «Демократический сговор», они стремились использовать Народное собрание «в качестве своей базы (в борьбе.— Р. Г.) против банковско-спекулятивного конвента»⁸⁷. Как подчеркивал Г. М. Димитров, мелкобуржуазные партии правящей коалиции хотели опереться на собственную инициативу парламента, чтобы получить большую свободу действий и большее участие во власти⁸⁸. Народному собранию, избранному в результате 5-месячного пребывания военно-фашистской верхушки у власти, была уготована судьба превратиться в важное поле сражения за и против «новых» фашистских методов руководства государством. Особенно активно и с большим мужеством вела эту борьбу немногочисленная горстка депутатов, избранных по спискам рабоче-крестьянского фронта. Но нельзя недооценивать в этом отношении и роли демократической, нефашистской части буржуазии, хотя действовала она иными, присущими ей методами.

Наконец, результаты выборов отразили всю непримиримость противоречий между «новыми» руководителями Болгарии и массами трудового народа, противоречий, несколько не смягчившихся за прошедшие пять месяцев, но, наоборот, углубившихся из-за террористической политики фашистских властей. Кровавое подавление сентябрьского восстания стало той, по меткому выражению Г. Димитрова, сентябрьской бороз-

⁸⁶ «Демократический сговор», 12 XII 1923. Ср. с Д. Казасовым, который пишет, что накануне выборов «каждая из составляющих его («Демократический сговор».— Р. Г.) частей стремилась получить максимально возможное число кандидатских мест» (Д. К а з а с о в. Там же, стр. 320).

⁸⁷ Г. Д и м и т р о в. Зад кулисите. Сьч., т. 7, стр. 333.

⁸⁸ Там же, стр. 332.

дой, которая окончательно разделила правящую фашистскую верхушку и народные массы Болгарии.

Но все же военно-фашистской власти за 5-месячный срок ее существования удалось решить хотя бы частично задачу привлечения на свою сторону политических партий буржуазии, добиться их сплочения и под эгидой фашистского лидера создать определенную общественно-политическую опору власти: в «Демократическом сговоре» существовали, как уже отмечалось, не только центробежные, но и центростремительные тенденции. Для военно-фашистского режима рассматриваемого периода были характерны также известная сплоченность и единомыслие военных и гражданских кругов фашистской верхушки, существовавших, правда, до поры до времени, но сыгравших свою роль в известной консолидации режима.

А. Е. МОСКАЛЕНКО

Н. П. ГРАЦИАНСКИЙ КАК ИСТОРИК-СЛАВИСТ

Виднейший советский медиевист Николай Павлович Грацианский (1886—1945) в последние годы своей жизни, как известно, уделял основное внимание истории западных, преимущественно полабско-прибалтийских славян. В особенности интересовала его борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. В 1936—1946 гг. вышло 14 исследований и научно-популярных работ Николая Павловича, посвященных указанной тематике. Кроме того, истории славянских народов отведено несколько десятков страниц в опубликованном на правах рукописи двухтомном курсе лекций «Средние века» (М., изд-во МГПИ, 1939). Наконец, в вышедшей под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина «Хрестоматии по истории средних веков», т. 2, ч. I (М., 1938), оставшейся до сих пор лучшей среди книг такого рода, уделено значительное внимание немецкой агрессии на востоке и гуситским войнам.

В статьях В. И. Пичета и И. Н. Бороздина, появившихся вскоре после смерти Грацианского¹, уже был дан обзор его работ по истории славян. Оба автора единодушны в своих выводах. Пичета характеризует Грацианского как «замечательного исследователя исторических судеб славянских народов», который «обогастил историю славянства рядом ценных работ»², а Бороздин заключает свою статью следующими словами: «Преждевременная кончина прервала блестяще развернувшуюся работу Н. П. Грацианского по истории славянства, но и то, что сделано, является ценным вкладом в сокровищницу исторической науки»³. Столь же положительно оценивал работы Грацианского о славянах и В. Ф. Семенов⁴.

К сожалению, несмотря на высокую оценку работ Грацианского по истории славян, они не были переизданы. Если статьи Николая Павловича по западноевропейскому средневековью перепечатаны в специальном сборнике⁵, то его исследования по истории славян стали малодоступны для широкого читателя. В последнее время краткую, но весьма положительную оценку славянских штудий Грацианского дал В. Д. Коро-

¹ В. И. Пичета. Н. П. Грацианский и его труды по истории славянских народов. «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 96—99; И. Н. Бороздин. Н. П. Грацианский как историк славян. Тр. Ашхабад. гос. пед. ин-та, вып. 1. 1947, стр. 3—24.

² В. И. Пичета. Там же, стр. 99 и 96.

³ И. Н. Бороздин. Там же, стр. 21.

⁴ В. Ф. Семенов. Грацианский как историк. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXXVII. М., 1946, стр. 17 и сл.

⁵ Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. Сб. статей. М., 1960.

люк. Он правильно подчеркнул, что в нашей науке Николай Павлович явился «инициатором изучения прошлого полабско-прибалтийского славянства с позиций марксистско-ленинской методологии»⁶ и успешно исследовал ряд важнейших проблем его истории⁷.

Интерес к немецкой агрессии в Прибалтике возник у Грацианского еще когда он был студентом Казанского университета. В Центральном архиве Татарской АССР хранится представление В. К. Пискорского от 28 мая 1910 г., в котором содержится его просьба оставить Грацианского на историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию. «Считаю долгом,— пишет Пискорский,— обратить внимание на питомца Казанского университета Н. П. Грацианского, как блестяще окончившего курс и засвидетельствовавшего своими университетскими штудиями выдающиеся познания и способность к дальнейшей научной деятельности по избранной им специальности — история средних веков». На документе сделана приписка рукой профессора русской истории Д. А. Корсакова: «Всецело присоединяюсь к настоящему представлению..., так как Н. П. Грацианский представил мне образцово составленный реферат... — Свидетельство летописи Генриха Латыша об утверждении немцев-крестоносцев на Балтийском побережье»⁸. По собственному опыту могут свидетельствовать: никогда не забывается то, чем ты серьезно занимался в студенческие годы. Несомненно помнил свой реферат и Николай Павлович; более того, как недавно выяснилось, у него сохранялся и сам его текст, обнаруженный Натальей Николаевной Грацианской среди бумаг отца⁹.

Реферат называется «Очерк истории завоевания Прибалтийского края меченосцами» (закончен в 1909 г.). Он содержит 60 страниц большого формата, исписанных довольно убогим, хорошо понятным почерком. Рукопись заслуживает специального разбора и опубликования. Здесь я лишь коротко изложу ее содержание и приведу отдельные выдержки. Во введении дается общая оценка завоеваниям немецких рыцарей в Прибалтике. «В первой половине XIII столетия,— пишет Грацианский,— русскому славянству пришлось выдержать отчаянную борьбу с двумя опасными неприятелями; с Востока на него хлынули дикие орды татар, с Запада ему угрожали полчища рыцарей-крестоносцев... Рыцарское завоевание, не отличавшееся жестокостями и кровопролитием от татарского, по своему характеру и результатам было гораздо опаснее последнего. Если дикий татарин стремился только к тому, чтобы обложить покоренные народы известною данью, то цивилизованный немецкий крестоносец этим не удовольствовался. Являясь проповедником веры христовой непросвещенным язычникам, он стремился стереть самую национальность покоренного народа... Непокорные обращались в христианство силою меча, лишались своих прав и имущества, делались рабами победителя» (стр. 1—2). В конце введения охарактеризованы основные источники: «Хроника Ливонии» Генриха Латыша, а также летописи Вартберга (XIV в.) и Рюсса (XVI в.). Изложение основного

⁶ В. Д. К о р о л ю к. К вопросу о феодальной государственности у полабско-прибалтийских славян. Сб. «Германо-славянские отношения». М., «Наука», 1967, стр. 3.

⁷ Известный скептицизм в отношении работ Грацианского по истории славян звучит у А. И. Данилова. См. Н. П. Грацианский как историк-медиевист. В кн. Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья, стр. 19; В. Б. Вилинбахов также недооценивал значение статей Грацианского о полабских славянах. «Советское славяноведение», 1966, № 4, стр. 107.

⁸ ЦГА Татарской АССР, ф. 977, д. 2155, л. 1.

⁹ Приношу ей глубокую благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с рукописью.

материала начинается с описания положения прибалтийских народов, их внутреннего быта и хозяйства в XII в., после чего идет рассказ об истории проникновения немецких рыцарей в Прибалтику, начиная с 1158 г., организации Ордена меченосцев и о его кровавых деяниях. «Было бы большим заблуждением думать, что крестоносное войско шло в Ливонию из-за религиозного фанатизма. Немецкий крестоносный рыцарь-завоеватель — это тот же типичный конквистадор Мексики и Перу, который три столетия спустя с немалым успехом сражался под знаменами Кортеса и Пизарро. Как в первом, так и во втором случае распространение христианской веры было только очень удобным предлогом. Настоящие мотивы завоевания — жажда легкой добычи» (стр. 31—32). Особое внимание Грацианский обращал на положение покоренного населения и его борьбу с завоевателями, а также на международное положение в Восточной Прибалтике (отношения ордена с Русью, Литвой, Данией). Изложение доводится до года объединения Ордена меченосцев с Тевтонским орденом (1238). Очень верно оценил работу Корсаков, написав на титульном листе: «Признаю настоящую работу в е с ь м а х о р о ш е ю (подчеркнуто автором.— А. М.), т. е. более, чем весьма удовлетворительной (5 +). Видно умение и опытность в пользовании первоисточниками. Весьма желательно, чтобы автор продолжал свои изучения по вопросу исторического *Drang nach Osten* немцев, так как внедрение рыцарей меча на Балтийском побережье есть только один эпизод из этого вопроса. 11 IV 1909». Пожелание профессора было претворено в жизнь лишь много лет спустя.

В 30-е годы в обстановке возрождения идей немецкого «натиска на восток» у нас в стране возникла необходимость в научном прочтении этой позорной страницы европейской истории и разоблачении бредовых теорий немецких фашистов. Глубокий, искренний патриот своей Родины, Николай Павлович не мог оставаться в стороне от проблем, волновавших тогда все советское общество, тем более что особую политическую остроту приобрели как раз те сюжеты, которыми он когда-то занимался.

Лейтмотив истории немецкого *Drang nach Osten* явственно прозвучал уже в общем курсе истории средних веков, который Грацианский читал в московских педагогических институтах имени В. И. Ленина и имени К. Либкнехта (этот курс впервые застенографирован, вероятно, в 1935/36 учебном году). Судя по сохранившимся у меня записям лекций 1937/38 учебного года (в институте имени К. Либкнехта), история немецкого «натиска на восток» и борьбы полабских славян с германскими феодалами излагались Николаем Павловичем устно даже в несколько большем объеме, чем это нашло отражение в напечатанном курсе лекций (1939 г.).

Хорошо помню, как после одной из лекций, в которой давался краткий обзор истории балканских стран и Венгрии в X—XV вв. (в печатный курс этот материал не вошел), я спросил у Николая Павловича, не собирается ли он расширять часть своего курса, посвященного Венгрии. «Нет, — ответил он, — история Венгрии меня особенно не интересует. А вот до истории славян и Скандинавии я еще доберусь». Это было в марте 1938 г., а уже осенью в тематике научного студенческого кружка, которым руководил Грацианский (секретарем был вначале И. Горштейн, а затем — автор этих строк), появились темы, связанные с историей немецкой агрессии в славянских странах и Прибалтике. (Например, «Завоевание немецкими рыцарями Ливонии в изображении Генриха Латвийского», «Немецкая агрессия в Прибалтике и Ледовое побоище по данным русских летописей», «Гуситские войны» и т. п.). Вскоре мы услышали доклад и самого Николая Павловича «Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII —

XV веках». Этот доклад был напечатан под тем же названием¹⁰ и явился первой публикацией Грацианского по истории немецкого «натиска на восток». Следует отметить, что ни Пичета, ни Бороздин не разбирают в указанных выше обзорах этой работы, хотя именно она положила начало славянским штудиям Грацианского.

Эта работа написана строго научно, в стиле лучших исследований Грацианского и, вместе с тем, политически остро. Думаю, что на эту последнюю сторону статьи оказали влияние «Хронологические выписки» К. Маркса, отрывки из которых были опубликованы за два года до выхода в свет статьи Николая Павловича¹¹.

Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. рассматривается Грацианским как один из этапов «натиска на восток», закончившийся Грюнвальдским поражением. Тщательно изучив источники, в первую очередь хронику Генриха Латвийского, русские летописи и прусские анналы и хроники (в особенности хронику Дусбурга), автор прослеживает проникновение немецких агрессоров в Ливонию, Эстонию, Пруссию, коротко, но выразительно рисует борьбу русского народа против шведов и немецких «псов-рыцарей». Далее Грацианский довольно подробно, и притом впервые в советской литературе, останавливается на борьбе с Тевтонским орденом князя Святополка Поморского¹² и характеризует причины его поражения. Главную из них Николай Павлович усматривает в отсутствии единства среди соседних славянских князей. Осветив затем проникновение ордена в Восточное Поморье и Литву и охарактеризовав внутреннее состояние орденового государства в период его наивысшего расцвета (вторая половина XIV в.), Грацианский переходит к рассказу о Грюнвальдской битве и ее последствиях.

В настоящее время, после ряда новых работ по истории Грюнвальдской битвы¹³, можно не соглашаться с оценкой Грацианским, скажем, роли Ягайло во время битвы или с характеристикой его личности; можно сомневаться, что смоленские полки решили исход в с е й битвы, а не одного из ее этапов¹⁴; можно внести и некоторые мелкие уточнения в самый ход битвы. Однако нельзя не признать, что Николай Павлович дал наиболее точное и яркое, хотя и сжатое, описание одного из выдающихся событий в истории средневековой Европы. Именно здесь с особой

¹⁰ «Историк-марксист», 1938, № 6. Доклад в институте имени К. Либкнехта собрал многочисленную аудиторию и был выслушан с огромным вниманием. Надо сказать, что Николай Павлович делал доклады так же ярко и четко, как и читал лекции. Нас, его учеников, удивляла его память. Тексты докладов, которые нам приходилось слышать (сам я, кроме доклада, о котором идет речь, слышал еще два: «Французские историки XIX в.» и «Поэзия вагантов»), были написаны полностью, четким почерком набело, без всяких поправок. Совершенно не глядя в текст и даже не имея его перед собой, Николай Павлович дословно его произносил с характерным для него прищипыванием, но с большой экспрессией и выразительностью.

¹¹ См. «Большевик», 1936, № 24. Исследование Грацианского в известной мере является реальным комментарием к материалам Маркса.

¹² Подробный очерк о Святополке Поморском был написан в начале XX столетия М. В. Бречкевичем («Святополк князь Поморский». В сб. «Учено-литературное об-во при Юрьевском университете», т. V. Юрьев, 1902). Грацианский хорошо знал эту статью, но он предпочитал самостоятельное изучение хроник (в частности «Хроники Прусской земли»), на основе которых и описал события.

¹³ См. в особенности: В. Д. К о р о л ю к. Историческое значение Грюнвальдской битвы. Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 32, 1961; S. M. K u c z y ł s k i. Wielka wojna z zakonem krzyżackim w latach 1409—1411. Warszawa, 1960.

¹⁴ Следует отметить, что, включая свое описание Грюнвальдской битвы в книгу «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века» (М., Гос. уч.-педаг. изд-во, 1943), Грацианский устранил свои некоторые неправильные формулировки вроде, например, такой: «Победа при Грюнвальде... была решена русским войском» («Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 111. См. также стр. 105).

силой проявилось умение Николая Павловича искусным цитированием источников придать своему рассказу особый колорит эпохи¹⁵.

Вторая работа Грацианского, связанная с немецким «натиском на восток», была направлена против фашистской историографии¹⁶. Это великолепное исследование, соединяющее строгую научность и острую полемичность, разобрано в обзорах Пичеты и Бороздина, но я остановлюсь на нем подробнее. Если первая статья Грацианского была посвящена последнему этапу немецкого «натиска на восток» в эпоху развитого средневековья, то вторая относится к начальному периоду — завоеваниям немецкими рыцарями земель полабских и поморских славян, а также Пруссии. В ней доказывается несостоятельность различных теорий, оправдывающих эти захваты на востоке. Она состоит из десяти небольших разделов, в полторы-две страницы каждый. В первом из них рассматриваются «права» немцев на заальбские земли, в связи с тем, что «германцы будто бы были исконными насельниками этой территории» (стр. 136). Вывод Грацианского гласит: «Ничем не доказано и нельзя доказать, что германцы были здесь первыми насельниками, как нельзя доказать и того, что первыми насельниками здесь были славяне. Но дело вовсе даже и не в этом. Права первых насельников на ту или иную территорию — права более чем сомнительные» (стр. 137). Во втором разделе разбирается так называемая теория германских остатков, в третьем — рассуждения о якобы расовом превосходстве немцев над славянами, в четвертом — «теория» о высокой культурности первых и некультурности вторых. В пятом разделе речь идет о «национальном» характере восточной колонизации. Здесь надо подчеркнуть, что Николай Павлович широко использует данные Д. Н. Егорова¹⁷ — историка, незаслуженно у нас забытого или, точнее, не совсем правильно оцененного. Грацианский, основываясь на выводах Егорова, называет теорию «национального» характера восточной колонизации «давным-давно устаревшей» (стр. 142). В шестом разделе трактуется вопрос о судьбах туземного населения между Эльбой и Одером и делается следующий вывод: «В настоящее время можно считать бесспорно доказанным, что не только пруссы, но и славяне уцелели в очень большом количестве и вовсе не были искоренены немцами» (стр. 146). В седьмом разделе оценивается деятельность Тевтонского ордена в Пруссии, в восьмом — роль папства в восточной колонизации. Девятый раздел посвящен разбору и оценке деятельности Генриха Льва и, наконец, в десятом — сопоставляется восточная и итальянская политика немецких императоров.

Позволю себе привести выдержки из заключительной части исследования Николая Павловича: «...в прошлом немцы много уделяли внимания вопросам восточной колонизации и в общих и в специальных работах. Много в данном случае написано было серьезного и заслуживающего всяческого внимания, но много и такого, что продиктовано тупым самонимением, националистически-шовинистическими и империалистическими устремлениями. Фашисты усвоили из старой литературы то, что было

¹⁵ Изложение хода Грюнвальдской битвы и ее последствий, а также предшествовавших битве событий находим у Я. Я. З у т с а. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена («Исторический журнал», 1941, кн. 9) и Ю. Ж ю г ж д ы. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII—XV веках («Исторический журнал», 1943, кн. 8—9). Однако лишь в указанной выше статье В. Д. Королюка дается новая трактовка некоторых вопросов истории Грюнвальдского боя. Особенно интересными представляются рассуждения автора о верховном командовании (См. Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 32, стр. 82—83).

¹⁶ Н. П. Г р а ц и а н с к и й. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии. В сб. «Против фашистской фальсификации истории». М.—Л., 1939.

¹⁷ См. Д. Н. Е г о р о в. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I—II. М., 1915.

в ней наиболее человеконенавистнического, окрасив все это нелепой расовой теорией и поставив свои измышления на службу захватническим вожделям германского фашизма на востоке... Совершенно антинаучная фашистская история немецкой колонизации пытается, во-первых, доказать „исторические права“ немцев на восточные земли, во-вторых, представить Drang nach Osten в качестве планомерного „общенационального“ движения немецких культуртрегеров в области, занятые людьми низшей якобы породы, „некультурными варварами“, и, наконец, в-третьих, превознести деятельность таких заведомых грабителей, как орденские „братья“ и Генрих Лев, изображая их разбой в виде заслуживающей всякого подражания „творческой деятельности“ „героев немецкого народа“. Все эти сплошь антинаучные измышления проникнуты боевым характером и пускаются в ход как средство подготовки новой германской агрессии на востоке, для новых кровопролитных войн в целях отторжения ряда территорий от Советского Союза, порабощения Чехословакии и т. д. В этих кровавых войнах новейший германский империализм надеется найти выход из того безнадежного тупика, в который завело Германию пятилетнее господство фашизма» (стр. 154—155).

Оценивая разобранное исследование Грацианского, Бороздин справедливо писал: «Эта блестяще написанная статья, нанесящая сокрушительный удар фашистской историографии, явилась как бы введением к целому ряду работ русского ученого, посвященных прошлому славяно-германских отношений»¹⁸.

Что проблема истории полабско-прибалтийских славян интересовала Грацианского и раньше, можно установить по его курсу лекций¹⁹. Страницы, посвященные полабским и поморским славянам, написаны, как, впрочем, и большая часть курса, на основе самостоятельного изучения источников. Работа над этой темой велась Николаем Павловичем непрерывно накануне Великой Отечественной войны. Но особенно она захватила его во время самой войны. В подтверждение приведу выдержки из письма Николая Павловича от 27 июня 1942 г., полученного мною на фронте из Москвы²⁰. «Я виноват перед Вами — долго Вам не писал. Под конец года много всяких занятий, заседаний и т. д. А народу здесь мало и вызывать в Москву пока не разрешают. Много приходится затрачивать времени на подготовку разных статей, сборников. Академия наук издает сборник по истории борьбы славян с немецкой агрессией, и я должен там написать две главы²¹. Университет издает антифашистский сборник, и я опять должен написать там статью²². А к 15 августа требуют книгу о борьбе заэльбских славян с немецкой агрессией в средние века²³. Мой доклад обобщающего характера на ту же тему хотят печатать в „Историческом журнале“²⁴ и в специальном сборнике»²⁵. Как видим, в на-

¹⁸ И. Н. Бороздин. Там же, стр. 9.

¹⁹ Н. П. Грацианский. Средние века, ч. 2, стр. 95—96, 110 и сл.

²⁰ Письмо хранится в моем личном архиве.

²¹ «Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии». Под ред. З. Р. Неудлы. М., 1944. Грацианским написаны две статьи: «Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века» (стр. 48—60) и «Новое наступление немецких захватчиков на славянские государства с XIII по XV в.» (стр. 67—80).

²² Н. П. Грацианский. Фашистская фальсификация немецкой агрессии за Эльбу. В сб. «Преступления фашистов против исторической науки». Уч. зап. МГУ, вып. 81, 1945, стр. 116—135.

²³ Тема расширилась. См. Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. Пособие для преподавателей. М., 1943.

²⁴ Н. П. Грацианский. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. «Исторический журнал», 1942, кн. 8.

²⁵ Не известно, о каком сборнике идет речь.

чале войны Николай Павлович интенсивно работал прежде всего над историей полабских славян. На эту тему он вел и спецсеминар в университете. «Он идет очень хорошо, хотя студентов мало,— писал Николай Павлович далее.— Вот кончайте скорее с войной, приезжайте и занимайтесь славянами или славяно-германскими отношениями в средние века. Тут работы масса. Что касается меня лично, то я с наслаждением ушел бы в эту работу, но не дают на ней сосредоточиться».

В статье Грацианского «Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв.» специально уделяется внимание общественному строю полабских и поморских славян, выясняется уровень их материальной и духовной культуры. Коротко, в тезисной форме говорится также о зарождении у них феодальных отношений и о завоевании их немецкими феодалами. Во второй части статьи рассматриваются методы борьбы немецких феодалов со славянами и насильственная христианизация последних.

В 1943 г. выходит в свет упомянутое выше пособие для преподавателей «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века». Как рассказывал мне Николай Павлович, он представил работу значительно большего объема. Но потом, из-за экономии бумаги, ему пришлось сократить сам текст, убрать научный аппарат и даже оглавление поместить на обложке, так как сокращать дальше было некуда.

Бороздин, имея в виду и книгу Грацианского, писал, что его работы по истории славян, «представляющие лучшие образцы популяризации высокого стиля, основаны на пристальном изучении первоисточников и исчерпывающем знании литературы»²⁶.

Дело же, по-моему, заключается в следующем. Николай Павлович писал свои труды обычно настолько ярким, образным языком, его изложение было настолько логичным, что стоило убрать научный аппарат, и у читателя создавалось впечатление о специально популярном характере работы. Вот почему, мне кажется, гораздо более прав Пичета, когда в рецензии охарактеризовал книгу Грацианского как «образцовое, хотя и небольшое по размерам и следованное (подчеркнуто мною.— А. М.)»²⁷. Книга Грацианского является именно исследованием, а не научно-популярной работой, хотя бы и «высокого стиля». Она разделена на две части. В первой из них охвачены, в сущности, все основные вопросы истории полабских и поморских славян и их борьбы с немецкой агрессией. Эта часть разбита на семь небольших глав. В первой автор рассматривает вопрос о территории заэльбских племен в IX в. (Грацианским составлена карта, помещенная на стр. 5)²⁸ и славяно-франкские отношения до распада империи Карла Великого. Вопреки распространенному мнению Грацианский не считает войны Карла Великого с заэльбскими славянами началом пресловутого *Drang nach Osten*. Эту точку зрения он будет потом отстаивать в специальной статье «Карл Великий и славяне», речь о которой пойдет ниже. Во второй главе рассматриваются славяно-германские отношения с 843 г. до смерти Оттона I (972). Именно ко времени правления первых двух представителей саксонской династии — Генриха Птицелова (919—936) и Оттона I Грацианский относит начало «натиска на восток». «Вы знаете,— обращается

²⁶ М. Н. Бороздин. Там же, стр. 9.

²⁷ «Исторический журнал», 1944, кн. 10—11, стр. 137.

²⁸ Позднейшие археологические исследования в основном подтверждают схему, начерченную Грацианским на основе письменных источников. См. I. B r a n k a č k. Studien zur Wirtschaft und Socialstruktur der Westslaven zwischen Elbe—Saale und Oder aus der Zeit von 9 bis zum 12 Jahrhundert. Bautzen, 1964, S. 59 sg.; I. H e r r m a n n. Siedlung, Wirtschaft und gesselchaftliche Verhältnisse der slavischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968.

Оттон в письме к саксонским князьям, — как часто нарушают они (славянское племя редариев, или ратарей. — А. М.) клятву, сколько учинили обид. Никак поэтому не заключайте с ними мира. Ополчитесь на них всеми своими силами и истреблением их положите конец этому делу. Мы сами пойдем на них, если это будет необходимо» (стр. 15) ²⁹. В этих словах, по-видимому, впервые сформулирована сущность политики *Drang nach Osten*.

Третья глава охватывает последние два десятилетия X и первые четыре десятилетия XI в. В ней рассказано о восстаниях заэльбских славян против господства немецких феодалов и о начале Ободритского государства, которому посвящена одна из интереснейших глав первой части книги — четвертая. После смерти Грацианского появился как у нас, так и за рубежом ряд интересных работ о государстве ободритов ³⁰. В некоторых из них вопрос ставится несколько иначе, чем в свое время у Грацианского ³¹. Тем не менее написанное Николаем Павловичем и до сих пор представляет не только историографический интерес, ибо он был столь же основателем, сколь и осторожен в своих выводах и часто любил повторять слова Фюстель де Куланже о том, что дням синтеза должны предшествовать годы анализа.

В пятой главе рассмотрены хозяйство, политический строй, религия, нравы полабских и поморских славян накануне их завоевания немецкими феодалами. Это важнейшая глава книги. Хотя Грацианский оперирует лишь скудными данными письменных источников, его наблюдения до сих пор сохраняют важное значение, тем более что раскопки послевоенных лет в ГДР в основном подтверждают выводы Николая Павловича о высокой для своего времени культуре заэльбских славян ³².

Шестая глава посвящена крестовому походу против славян в 1147 г. и седьмая — концу независимости славян за Эльбой, немецкой колонизации и судьбам местного населения.

Во второй части книги Грацианский излагает историю борьбы с немецкой агрессией в Прибалтике. Если первая часть написана Грацианским почти целиком заново, то вторая является перепечаткой с незначительными изменениями текста статьи 1938 г. «Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв.».

Небольшая, до предела сжатая книга Грацианского — результат длительного изучения источников и литературы вопроса, остается до сих пор лучшим на русском языке и притом оригинальным изложением истории немецкого «натиска на восток» в средние века.

После выхода в свет этой книги Грацианский продолжал исследовать отдельные вопросы, лишь кратко изложенные в ней.

²⁹ *Res gestae Saxonice*, III, 70.

³⁰ См. В. Д. Королюк. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабско-прибалтийских славян. Сб. «Славяно-германские отношения», М., «Наука», 1964.

³¹ Особенно интересна, по моему мнению, последняя работа Королюка, посвященная специально данному вопросу. См. В. Д. Королюк. Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031—1066). «*Slavia Occidentalis*», t. 22, Poznań, 1962. К слову сказать, первая работа этого автора на ту же тему — «Государство Готшалка (XI в.)» («Славянский сборник», М., 1947) вышла из спецсеминара Николая Павловича.

³² См. сводку результатов исследований историков ГДР: В. С. Савчук. Некоторые вопросы экономического развития полабских славян в работах историков ГДР. Дипломная работа. Воронеж, 1969. Рукопись хранится на кафедре славяноведения ВГУ. Грацианский, к сожалению, не использовал имевшихся уже в то время археологических материалов. Впервые это сделал ученик Николая Павловича Б. И. Рыськин — «Полабские славяне и борьба их с немецкой агрессией в XII веке». Канд. дисс. М., 1945. Рукопись. Хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

В 1945 г. появляется одна из лучших статей Николая Павловича — исследование о Карле Великом и его взаимоотношениях с соседними славянскими племенами³³. Один из лучших знатоков эпохи франкской монархии в советской медиэвистике, Грацианский убедительно доказал, что политика Карла Великого по отношению к славянам была отличной от политики *Drang nach Osten*, начатой в X в. при королях Саксонской династии.

Следующим исследованием Грацианского, посвященным полабским славянам, была статья о крестовом походе 1147 г. в славянские земли, вышедшая уже посмертно³⁴. В ней развиваются положения, кратко изложенные в книге.

Последними выступлениями Грацианского, связанными с тематикой немецкого «натиска на восток», были публичные лекции³⁵, прочитанные им в Москве, Риге и Кенигсберге. Это и есть как раз образцы популяризации высокого стиля.

Но проблемами *Drang nach Osten* не исчерпывались интересы Грацианского в области истории зарубежных славянских народов. Он внимательно изучал, например, историю Чехии и был большим ее знатоком. С большим одобрением отзывался Николай Павлович о работах С. А. Венгерова, А. Н. Ясинского и в особенности о главах, посвященных Чехии, в «Кембриджской средневековой истории». О его глубоком знании истории Чехии говорит соответствующая глава во второй части курса лекций. Особенно интересен там раздел о гуситских войнах³⁶. Ранней истории Чехии Грацианский посвятил и две специальные статьи³⁷. Небольшое исследование о государстве Само принадлежит к числу лучших миниатюр Николая Павловича, хотя, может быть, о некоторых вопросах можно и спорить (характер княжества Само, его территория и др.), но еще М. Н. Покровский говорил, что если о чем-нибудь долго спорят, то виноваты не только спорщики, но и сам предмет спора. Ведь трудно решить все вопросы истории княжества Само, если о нем имеется всего один письменный источник. Археологические же материалы пока ничего определенного не дают.

Что касается статьи о деятельности Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве, то я пока затрудняюсь определить ее место в огромной литературе предмета. Но и она основана на самостоятельном изучении источников, и в этом заключается ее бесспорная ценность.

Интерес Грацианского к истории княжества Само, Великоморавской державы, к гуситским войнам не случаен. Здесь речь идет о проблемах, тесно связанных со славяно-германскими отношениями. Именно они интересовали Грацианского в первую очередь и были той красной нитью, которая проходит через все его работы по истории славян.

Когда читаешь рассмотренные выше исследования Николая Павловича, то привлекает внимание небольшое, можно сказать, минимальное количество ссылок на литературу вопроса. Николай Павлович ссылается поч-

³³ Н. П. Грацианский. Карл Великий и славяне. «Исторический журнал», 1945, № 3.

³⁴ Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. «Вопросы истории», 1946, № 2—3.

³⁵ Н. П. Грацианский. Пруссия и пруссаки. М., 1945; е го же. Кенигсберг. М., 1945.

³⁶ В 1938 г. в МГПИ имени К. Либкнехта я делал на студенческом кружке доклад о гуситских войнах, трактуя их как исключительно крестьянское движение. Николай Павлович заметил, что, подчеркивая развитие классовой борьбы, никак нельзя забывать о национальном и религиозном моментах, которые, между прочим, и сейчас недооцениваются.

³⁷ Н. П. Грацианский. Славянское царство Само. (К критике известий «Хроники Фредегара»). «Исторический журнал», 1943, № 5—6; е го же. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. «Вопросы истории», 1945, № 1.

ти исключительно на источники. Этим статьи последнего периода его жизни, и притом не только по славянской тематике, отличаются от его ранних работ. Однако для специалиста, читающего его работы, совершенно ясно, что он весьма внимательно относился к своим предшественникам.

Исследования Грацианского по истории славян написаны в лучших традициях русской и советской медиевистики. Его волновали те же вопросы, что и весь советский народ, и это придало его работам по истории славян особую политическую остроту и эмоциональность при сохранении лучших черт научного творчества ученого.

Николай Павлович Грацианский был прежде всего историком-аналитиком, глубоким знатоком средневековых хроник и документов, прецедирующим их с необычайно тонким искусством. О его славянских штудиях можно сказать то же самое, что в свое время писал другой выдающийся советский медиевист — А. И. Неусыхин об исследованиях Николая Павловича по истории Западной Европы: «...большинство из них сохраняет не только свою научную ценность, но и свежесть и новизну мысли, несмотря на то, что после их опубликования появилось немало работ на соответствующие темы и в нашей и в зарубежной литературе»³⁸.

Лучшие статьи Николая Павловича по истории славян безусловно заслуживают переиздания.

³⁸ Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья, стр. 47.

В. Д. КОРОЛЮК

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИЗВЕСТИЙ О ВОЛОХАХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В опубликованной в четвертом за 1971 г. номере «Советского славяноведения» статье «Волохи и славяне „Повести временных лет“¹» автор этих строк сделал попытку оценить летописные статьи о славяно-волошских отношениях как источнике по истории Среднего Подунавья в IX в. При этом был произведен ряд наблюдений, свидетельствующих о том, что для русского летописца известия о волохах, основанные, по-видимому, на устной традиции центральноевропейского, возможно даже славянского» происхождения, оказались важным звеном, с помощью которого он сумел связать судьбы славян и Руси с древним Римом и, тем самым, найти дополнительный аргумент для того, чтобы истолковать появление христианства у славян, в том числе восточных, как результат миссионерской деятельности первоапостолов.

Очевидно при этом, что если в источнике «Повести временных лет», так называемом «Сказании о преложении книг», теория о первоначальной проповеди христианства у славян апостолом Павлом (или Петром — в других источниках, связанных с великоморавской традицией) имела определенно оборонительный, направленный против враждебной деятельности немецкого епископата характер, то в самой «Повести временных лет», составленной около 1113 г.², смысл этой теории, разумеется, существенно изменился. Она приобрела ярко окрашенный антивизантийский характер.

В упомянутой выше нашей статье был проанализирован и ход мыслей летописца, позволивший ему ввести славян в круг воздействия древнеримской империи. Средством для этого ему послужила, с одной стороны, умозрительная схема о паннонской прародине славян, а с другой — контаминация двух этнических понятий: волохи — древние римляне, в свое время завоевавшие Паннонию и Иллирик, и волохи — местное восточно-романское население среднего Подунавья, известное летописцу из устных источников. В результате такой контаминации русский летописец получил право думать, что славяне некогда попали под власть Римской империи и, временно оказавшись в ее составе, стали христианами.

¹ Ср. В. Д. Королюк. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.

² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Петроград, 1916, стр. I—XII; см. статью Д. С. Лихачева «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк), стр. 12, в кн. Повесть временных лет (далее ПВЛ), ч. II, М.—Л., 1950.

«Повесть временных лет», как известно, несет на себе следы неоднократных редакций. Поэтому не без значения для последующих источниковедческих исследований ее могут оказаться некоторые наблюдения, относящиеся к истории формирования летописных статей о волохах.

Ядром летописных известий о волохах — римлянах, якобы побудивших в дальнейшем основную часть славян к переселению, и о вторжении венгров, изгнавших волохов — на этот раз восточных романцев (здесь отмеченная выше контаминация в летописи), была, без всякого сомнения, летописная статья 898 г.³, использовавшая «Сказание о предложении книг». В этом вполне убеждает сравнение этой статьи с короткой заметкой о нашествии волохов — римлян в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет»⁴. Эта заметка является всего лишь кратким пересказом соответствующего текста статьи 898 г., зависит от нее. Следует отметить также, что в ней не чувствуется прямой контаминации названных выше двух этнических понятий. Сам по себе этот текст введения дает право толковать волохов только как древних римлян.

Полная согласованность летописной статьи 898 г., в которой, очевидно, произошел первоначально синтез кирилло-мефодиевской традиции с фольклорным источником о волохах — восточных романцах, имевший своим следствием контаминацию понятий древние римляне — восточные романцы IX в., с текстом о волошском завоевании славян историко-этнографического введения к «Повести временных лет» позволяет предполагать, что автором обоих текстов в их окончательном виде мог быть один и тот же автор или редактор.

Иначе обстоит дело с упоминанием Волошской земли и волхвы при перечислении народов, живших на побережье Варяжского (Балтийского) моря⁵. Это упоминание нет оснований прямо связывать с летописной статьей 898 г. Оно могло иметь вполне независимое происхождение, тем более, что анализ соответствующего летописного текста⁶ дает третье, самостоятельное содержание термина волох — житель Италии, современный русскому летописцу начала XII в. итальянец.

Остается коснуться последнего, связанного с историей формирования анализируемых летописных текстов вопроса — вопроса о времени их возникновения. Думается, что известным ориентиром здесь мог бы послужить анализ реальных политических отношений Руси и Византии. В частности, речь могла бы идти о резком обострении русско-византийских отношений, завершившемся вооруженным конфликтом 1116 г.⁶. Кажется очень соблазнительным сопоставить этот конфликт с явно антивизантийской тенденцией летописной статьи 898 г. и зависящего от него текста в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», тем более, что как раз около этого времени «Повесть» подверглась дополнительному редактированию⁷. Впрочем, антивизантийская направленность была характерна, как подчеркивалось в историографии, уже и для составителя свода 1113 г.⁸. И с этим нельзя не считаться при окончательном решении поставленного вопроса.

³ ПВЛ, ч. I, стр. 21—23.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ В. Т. П а ш у т о. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 186—187.

⁷ Д. С. Л и х а ч е в. «Повесть временных лет», стр. 125—126.

⁸ Там же, стр. 113—114.

В. БРИТАНИШСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ РОМАНТИКИ О ПОЛЬСКОМ БАРОККО

Вопрос об отношении романтиков к XVII в., к польскому барокко, поставил в своих статьях 20—30-х годов Ю. Кшижановский, диссертация которого («„Освобожденный Иерусалим“ Тассо — Кохановского и польские романтики», 1924) прослеживала судьбы одного из популярнейших произведений поэзии польского барокко в период романтизма. В статье 1925 г. Ю. Кшижановский предлагал задуматься «над тем, что сказали бы наши романтики о литературе XVII в., если бы они, разумеется, ее знали»¹, и утверждал, «что „Хотинская война“² пришлась бы по душе Словацкому и что „Польская псалмодия“³ восхитила бы Мицкевича не меньше, чем Пасек или произведения Яна Кохановского». В более поздней статье того же автора читаем: «... ощущение литературного своеобразия культуры барокко датируется лишь недавним временем, примерно началом нашего столетия, романтики же, интуитивно ощущая свое с ней родство, не могли отдать себе в этом родстве отчета»³.

Осторожность Ю. Кшижановского при постановке в то время этого вопроса вполне объяснима. Во-первых, представления о содержании и объеме польского барокко были в 20—30-х годах нашего столетия еще в стадии становления. Во-вторых, те документы, в которых взгляды польских романтиков на эпоху барокко выражены с наибольшей — с максимальной возможной для романтиков! — систематичностью, оставались до самого последнего времени (а во многом и остаются) недостаточно изученными. Речь идет прежде всего о варшавских лекциях К. Бродзиньского и парижских лекциях А. Мицкевича⁴.

* * *

Были ли Бродзиньский-поэт романтиком (или «последним классиком», сентименталистом, предромантиком, наконец, «предтечей всех направлений польской поэзии XIX века», как назвал его В. Д. Спасович) — вопрос сложный и спорный. Зато в принадлежности к польскому романтизму Бродзиньского-теоретика еще никто, кажется, не сомневался. Его

¹ J. K r z y ż a n o w s k i. *Od średniowiecza do baroku*. Warszawa, 1938, s. 142.

² Здесь имеется в виду поэма В. Потоцкого (1670), опубликованная в 1850 г.

³ J. K r z y ż a n o w s k i. *Ibid.*, s. 12.

⁴ Первая монография о лекциях Бродзиньского вышла в 1962 г.: R. S k r e t. *Kazimierz Brodziński jako historyk literatury*. PWN, 1962. Из написанного ранее о его лекциях наибольший интерес в связи с предметом данной статьи представляют высказывания А. Белциковского (1874). Монографии о лекциях Мицкевича пока что нет. Из работ, посвященных отдельным вопросам, хотелось бы выделить: J. K r z y ż a n o w s k i. *Literatura ludowa w prelekcjach paryskich*. «Pamiętnik Literacki», 1956; A. W a l i c k i. *Prelekcje paryskie Mickiewicza a słowianofilstwo rosyjskie*. «Przegląd Humanistyczny», 1964, № 1.

статья «О классицизме и романтизме, а также о духе польской поэзии» (в первой публикации — «Замечания по поводу духа польской поэзии»; 1818) открывала собой период романтизма в Польше, и в ней, в частности, речь шла о наследстве старопольской культуры, особенно XVII в., применительно к проблемам теории и творческой практики романтизма.

К моменту выступления Бродзиньского отчаяние, вызванное гибелью польской государственности, уже сменилось усилиями увековечить «историю предков», которая оставалась единственной гарантией национального бытия поляков и грядущего воскресения Польши. Симптомом этих настроений и стимулом их развития была, в частности, «История польской литературы» (1814) Ф. Бентковского. Эта история — в основном, собственно, библиография — старопольской литературы вызвала буквально взрыв антикварного увлечения старопечатной польской книгой. Но сантименты и комплименты концентрировались не на всей старопольской литературе, а лишь на «золотом зигмунтовском веке» (XVI — начало XVII в.). Что же касается последующего периода (XVII — начало XVIII в.), то он представлен Бентковским как эпоха непросвещенности и дурного вкуса, причем такой взгляд был в то время весьма распространенным. Чтобы реабилитировать XVII век, нужно было ввести в обиход новые критерии — вместо или хотя бы кроме «просвещенности» и «вкуса». Это и сделал Бродзиньский.

В статье «О классицизме и романтизме» присутствует сразу несколько систем критериев. «Земледельческий народ позже, чем торговый, приходит к просвещению, но долгие все сохраняет чистоту обычаев, простоту и любовь к отчизне»⁵. Отсюда идиллии Шимоновича и Зиморовича⁶ объявляются идеалом польской национальной поэзии. «Просвещение», как мы видим, еще осталось, но симпатии Бродзиньского явно здесь на стороне иных добродетелей. Что касается «вкуса», то именно в этой своей первой статье молодой Бродзиньский, увлеченный новыми идеями, требования классического вкуса готов отвергнуть вовсе: «Кто, не понимая духа народа..., захочет судить о его поэзии согласно вкусу, полученному при воспитании, согласно искусству классической поэзии, тот никогда не найдет ключа к ее тайнам, все прекрасное будет для него чужим, простота — плоской, образы — дикими, сравнения — своевольными, мысли — непонятными...»⁷ Такой критик, по словам Бродзиньского, все непонятное ему или назовет «детским», или объяснит «испорченным вкусом».

Кроме «духа народа» фигурирует в первой статье Бродзиньского и «дух рыцарства». Вслед за своими немецкими предшественниками — прежде всего Ф. Шлегелем — Бродзиньский трактует романтизм как одну из двух, наряду с классицизмом, изначально и постоянно существующих форм литературы, культуры и до некоторой степени самой истории. Выделяются эпохи наиболее «романтические». Для Западной Европы — это средние века. Для польской же истории, по мнению Бродзиньского, такой «романтической» эпохой были «зигмунтовские века», время правления всех Зигмунтов, включая Зигмунта III, — 1506—1632 гг. Но при описании «романтической» эпохи Бродзиньский упоминает и Казимежа Великого (XIV в.) и поход Яна Собеского на защиту Вены (1683).

Дело в том, что к периодизации, к уточнению границ романтики отпосились равнодушно и небрежно, интересуясь не объемом, а только содержанием эпохи. Вот почему позже, в своих лекциях, Бродзиньский

⁵ K. B r o d z i ń s k i. Pisma estetyczno-krytyczne, t. I. Ossolineum, 1964, s. 40.

⁶ Лучшую книгу Бартомея Зиморовича «Новые русские идиллии» (1669) Бродзиньский, как и все другие, до 1839 г., приписывал его брату Шимону.

⁷ K. B r o d z i ń s k i. Ibid., s. 14.

принял периодизацию Ф. Бентковского, сохранил 1622 г. как границу «зигмунтовского века» и следующего периода, хотя конкретное содержание его лекций такому проведению границы не совсем соответствует. Вот почему та же граница, 1622 г., уцелела и в лекциях Мицкевича, хотя это прямо противоречит его концепции польской истории и литературы XVII в. Исследователю романтиков приходится самому проводить за них границы, исходя из названного романтиками «содержания».

Другое существенное обстоятельство — нерасчлененность всех «жанров» истории (политической истории, «истории нравов», истории литературы) в той синтетической картине, которую рисуют романтики. Это, с одной стороны, весьма осложняет попытки анализа их историко-литературных представлений, с другой стороны, значительно расширяет материал, на который можно при анализе опираться.

Идиллии Шимоновича и «Роксоланки» Шимона Зиморовича любезны были сердцу Бродзиньского-сентименталиста, Бродзиньского — поклонника Руссо. Но уже идиллии Бартомея Зиморовича, в которых описание бурных событий XVI в. ломало рамки жанра, мог принять лишь Бродзиньский-романтик. Творчество этих поэтов Бродзиньский рассматривает в тесной связи с важнейшими для романтиков проблемами, подчеркивает их фольклорность, а также их связь с окраинными в составе польского государства украинскими землями. Впоследствии то же самое будет подчеркивать Мицкевич.

Текст лекций Бродзиньского в Варшавском университете датируется весьма неопределенно: 1822—1829 гг. Приблизительна и датировка его статей 20-х годов: по моменту публикации или представления в Общество друзей науки. Примириться с этим позволяет лишь то обстоятельство, что в течение 20-х годов в эволюции Бродзиньского не было, как известно, резких переломов. Довольно резким, впрочем, было изменение его отношения к романтизму где-то в промежутке между 1818 и 1822 гг. Его раздражает, по-видимому, что романтизм в Европе становится модой. Не во всем устраивают его и польские романтики, появление которых он предвидел, а в какой-то мере и «накликал». Как все пророки и предтечи, Бродзиньский представлял себе свершение своего пророчества несколько иначе. Этот «глава романтической школы», как почтительно называет его Мицкевич в 1829 г., в действительности превращался порой в 20-е годы из пропагандиста романтизма в постороннего наблюдателя, даже критика. В это время усиливаются у Бродзиньского пережитки просветительства и появляются тенденции, которые можно назвать предпозитивистскими. Весьма характерно, что в полном соответствии с этим стиль его лекций, дискурсивных и суховатых, отличается от поэтической прозы его статьи 1818 г. Но не менее характерно и то, что, говоря о «романтическом» XVII в. и его сугубо «неклассической» поэзии, увлекающийся Бродзиньский впадает в пафос ораторов XVII в., заражается «безумием» тогдашних поэтов. Бродзиньский 20-х годов — «безнадежный» эклектик: вдруг повторит чужие мнения об «испорченном вкусе» XVII в. и тут же рядом выскажет новое, свое собственное — об «испорченности» XVIII века (в статье «О критике»). Романтическая линия, идущая от первой статьи 1818 г. к речи 1831 г. «О народности поляков», ни на мгновение не прерывалась.

Раздел о «IV эпохе» польской литературы (1622—1750 гг.) начинается в лекциях Бродзиньского признанием, что «с отвращением и со слезами приходится пройти эту грустную эпоху, коснувшись только некоторых писателей, которые, как скалы, высятся над этим всеобщим потоком порчи вкуса» (стр. 137)⁸. Далее доказывается, что «потоп» действительно был

⁸ Здесь и далее лекции Бродзиньского цит. по: K. B r o d z i Ń s k i. Pisma, t. 4. Poznań, 1872.

«всемирный»: опираясь на немецких и французских авторов, Бродзинский дает краткую, но совершенно убийственную характеристику западноевропейских литератур в XVII в. (стр. 138—139). Надо признать, что особенности барокко подмечены довольно точно, список их довольно полный, вот только трактуются все эти особенности как «пороки». У итальянцев — «напыщенность вместо возвышенности, антитезы вместо красноречия, игра слов вместо остроты ума»; у испанцев — «преувеличение», «изысканность», «жажда необыкновенного», «особенно же злоупотребление духом и таинствами христианской религии» (т. е. мистицизм); французы — «много дурного восприняли у испанцев» и т. д. При этом Бродзинский высказывает походя — в той же мрачной тональности — ряд глубоких замечаний, как частных (о «барочных элементах» у Корнеля и Расина), так и общих (о кризисе ренессансного рационализма, о том, что эпоха барокко была н о в о й эпохой: «... Вообще всюду в этом столетии ж а ж д а н о в и з н ы столкнула людей с естественного пути... Кажется, что люди, уставшие от истины и здравого разума, умышленно искали пустой видимости и фальши», стр. 139).

Далее звучит — редкая для Бродзинского по своей остроте — инвектива в адрес Польши, «которая и прежде дурному и доброму влиянию чужого вкуса поддавалась, сама никогда мыслить не осмеливалась», и вот в XVII в. «дурной вкус восприняла и так заботливо на своей земле вырастила, что европейский дурной вкус этого столетия трон свой у нас основал».

Не довольствуясь, впрочем, внешним влиянием, Бродзинский добавляет внутренние причины: «оподление или политическое безумие приводят к падению или странностям вкуса», — поэтому, как только в политической жизни Польши «анархия заняла место прежнего порядка и простота нравов исчезла, сразу же и музы покинули храм Аполлона, оставив его неистовым вакханкам»⁹.

И вот плоды такой литературы: «все это без исключения плоды умственной болезни, а особенно болезнь дает себя чувствовать в ораторском искусстве» (стр. 143).

Наконец, отрицательно высказавшись о праве вето, о деятельности иезуитов, о начавшихся преследованиях некатоликов, Бродзинский — вполне последовательно — указывает, к чему все это привело Польшу «в итоге», в первой половине XVIII в.: «... целый север (Европы. Бродзинский имеет в виду Швецию, Россию и Пруссию. — В. Б.) огромными шагами двинулся к просвещению, к могуществу, избавился от всяких остатков старого феодализма и варварства, единственно Польша не хотела двигаться вместе с ними...» (стр. 142—143).

Казалось бы, что еще после этого мог Бродзинский сказать доброго о Польше XVII в., о ее литературе. Но спасает — и эпоху, и ее историка — эклектизм Бродзинского, его своеобразный плюрализм, пользование одновременно разными системами оценки. Благодаря этому и в XVII в. мы находим «моралистов, политиков и стихотворцев, достойных нашего внимания и памяти. Не будем же пугаться формы, а поищем содержания в их произведениях» (стр. 146).

Прежде всего из Содомы и Гоморры польского барокко Бродзинский хочет спасти нескольких праведников, отличавшихся «рассудком и вкусом» (стр. 146). Это моралисты и политические писатели М. Фредро, С. Любомирский¹⁰ и С. Лещинский — только их из этой эпохи можно

⁹ «Политическое безумие» и «неистовые вакханки» уже предвосхищают и стиль и содержание будущей его статьи «Об экзальтации и энтузиазме» (1830).

¹⁰ В «Письмах о польской литературе» Бродзинского афоризм С. Любомирского и М. Фредро целиком посвящено третьему письму.

поместить в ряду наших классических писателей». (Поистине, имели основания и те, кто считал Бродзиньского «последним классиком»!) Правда, и эти праведники — не без греха. Так, поэзия С. Любомирского, в отличие от прозы, «мало приносит чести его таланту», за исключением поэмы «Освобожденный Товий» (стр. 148). К лирике В. Коховского Бродзиньский отнесся сравнительно благосклонно (стр. 239 — «видно, что если бы он жил в более счастливые времена, то мог бы быть одним из украшений этого жанра»), зато В. Коховскому-историку Бродзиньский назначил «только среднее место» (стр. 157).

«Во главе стихотворцев четвертой эпохи» (которых он знал далеко не всех и далеко не по всем их произведениям) Бродзиньский ставит Я. Гавиньского и С. Твардовского. Им посвящено 60 (причем С. Твардовскому — 50) страниц из 80, приходящихся в тексте лекций на долю всех поэтов этого времени. При обсуждении творчества этих двух поэтов Бродзиньский высказал столько — подкрепленных текстами — похвал поэзии польского барокко, что они перевешивают набор голословных обвинений из общего очерка эпохи. Куда делся критерий «рассудка и вкуса!» Достоинства Я. Гавиньского — «воображение» и «благородное чувство», а по поводу одного его стихотворения, отмеченного «высшим полетом», Бродзиньский даже восславляет пророчествование как высшую форму поэзии.

Лекции о Твардовском представляют собой, по существу, целую монографию о нем. «Самуэль Твардовский из поэтов нашей старой литературы более всех, после Кохановского, заслуживает внимания» (стр. 177). Бродзиньский считает нужным разобрать на лекциях в с е его произведения. Не так это просто ему дается. «Во всей нашей литературе я не нашел поэта, более трудного для оценки, чем Твардовский» (стр. 178). Бродзиньский еще не знал магического слова «барокко», оправдывающего в глазах современных исследователей любые противоречия, «странности» и «несообразности». Бродзиньский мог исходить лишь из самих текстов и тем не менее многие трудности преодолел. «Я не знаю у нас поэта, который бы одновременно имел столько вдохновения и так мало вкуса... С точки зрения вкуса я никому не советую его читать...» Понять Твардовского может только тот, кто «чувствует истинную поэзию» (стр. 178). Этот последний — «ненаучный» и сугубо романтический — критерий помогает Бродзиньскому пойти не по ложному пути разделения пшеницы и плевел у С. Твардовского, а по пути осмысления этой поэзии в единстве ее противоречий. Огромную роль сыграл здесь историзм мышления Бродзиньского. Содержание и стиль С. Твардовского отвечают содержанию и стилю самой эпохи; стремясь подчеркнуть параллелизм развития истории и литературы, Бродзиньский пытается даже показать, что «странности» и контрасты поэзии XVII в. отвечали «странностям» и контрастам самой истории, когда Польша «странным ходом судеб то становилась огромнейшим государством Европы, то подвергалась угрозам полной гибели» (стр. 179). Вот некоторые черты «стиля эпохи»: «...Большие походы, великие герои, великолепие магнатов, войны со столькими народами, пышности общественных обрядов..., сеймов, элекций, коронаций, похорон монархов, которые так же, как перо Твардовского, отличались огромной пышностью...» (стр. 178). Отсюда — и стиль поэта, который отмечен «уже не простотой Кохановских, но преувеличениями Лукана» (стр. 180). И тот самый Бродзиньский, который вообще-то считал Я. Кохановского идеалом, так увлечен здесь поэтикой С. Твардовского, поэтикой барокко, что выступает в защиту этого «неклассического» стиля, опираясь — для убедительности — на «классические» аргументы: «... его поэтическую силу тот, наверно, сумеет почувствовать, кто достаточно знаком с поэтическим языком римлян»

(стр. 180). Каких римлян — не того же ли Лукана? — не уточняется. Больше того, Бродзинский утверждает здесь превосходство поэзии XVII в. над поэзией XVIII в.: «Красицкий, хотя и чистым писал стилем, но гораздо менее поэтическим, никогда он не вдохновит поляка таким чувством, как Твардовский» (стр. 180)¹¹.

Именно на полях рассуждений об исторических поэмах С. Твардовского Бродзинский несколько раз возвращается к мысли о XVII веке как эпохе в некотором смысле «главной» для новой, национальной польской поэзии. Обращаясь к потенциальным поэтам из числа своих слушателей, профессор выражает пожелание, чтобы «истинный талант, проникшись этим веком», «подарил польский народ героической поэмой» (стр. 179). Дело в том, что в лекциях Бродзинского история польской литературы прошлого все время тесно переплетается с программой польской литературы будущего.

Как об особой заслуге Твардовского речь идет о внимании поэта к современности, к окружавшей его действительности. Многочисленные подражатели римлянам и грекам не сумели однако же, в отличие от древних, проникнуться чувством современности. Твардовский в этом смысле — исключение, Бродзинский даже сравнивает его с Байроном, который «этой отваге обязан большей частью своей славы». Сравнение С. Твардовского с Байроном повторяется вскоре еще раз в связи с описаниями у обоих поэтов восточных стран, ландшафтов, характеров и нравов. Сравнением этим, на первый взгляд неожиданным, Бродзинский подчеркнул роль Востока, «ориента» как для поэзии XVII в., так и для романтиков. Не случайно в те же годы на С. Твардовского ссылался Мицкевич, защищая восточную лексику своих «Крымских сонетов».

Но иногда барочный реализм С. Твардовского превышал меру Бродзинского: «его поэзия — это богатая одежда, то сверкающая драгоценными камнями, то испачканная калом» (стр. 184; ср. характеристику В. Потоцкого, которому в лекциях уделено всего 14 строк: «... чрезмерно переполнил свои произведения низкими выражениями»).

Поэтому с некоторым все же облегчением переходит Бродзинский к поэме С. Твардовского «Дафна, в лавровое дерево превращенная», которую считает вершиной его «стихотворного искусства». «... План этой поэмы весьма удачный и со вкусом. В этом веке, когда вкус у нас совсем уже начал портиться, Твардовский проявил вкус, какого лишь просвещенные времена Афин или Франции могли достигать» (стр. 214). Характерно, что, переходя к этой поэме, где в самом деле можно видеть ростки польского классицизма (или скорее — рококо в поэзии), Бродзинский начинает хвалить Твардовского за то, что Твардовский — «классик», забывая, что десятью страницами раньше, говоря о других поэмах Твардовского, громил французских классиков Фонтенеля и Лагарпа, призывая освободиться из-под власти их «правил» (стр. 204). В то же время Бродзинский видит в «Дафне» и достоинства совсем другого рода: «С м е л ы е и возвышенные образы, язык, как будто похищенный у римлян, полный живописи, краткости и напевности»¹² (стр. 215).

Памятуя о том, что отнюдь не периодизация была пафосом Бродзинского-историка, не будем считать 1622 г. магическим числом, нарушим границу эпох и вспомним некоторых поэтов барокко, отнесенных Бродзинь-

¹¹ В другом месте Бродзинский указывает, что И. Красицкий в своей «Хотинской войне» С. Твардовскому «многим обязан».

¹² Ср. главу о «живописи» С. Твардовского в монографии: (R. F i s c h e r. Samuel Twardowski jako poeta barokowy. Kraków, 1931—и замечания Р. Полляка в разных работах о «живописи» и «музыке» С. Твардовского. Кстати, и психологизм С. Твардовского был впервые отмечен в лекциях (стр. 197).

ским к «III эпохе», к «золотому веку». Тем более, что в «III эпоху» попали у него Зиморовичи, писавшие после 1622 г. Тем более, что у поэтов конца XVI — начала XVII в. Бродзинский отмечает черты, которые мы бы сейчас назвали барочными.

В поэзии К. Мясковского он видит «высокий полет» и «вдохновение». Правда, «христианскую поэзию он украшает греческой мифологией... и целый Олимп не считает исчезнувшим перед лицом истинного Бога...», но «мы простим это Мясковскому, если языческие божества считать будем не иначе, как олицетворением стихий, страстей и даров природы» (стр. 39). Здесь Бродзинский вплотную подошел к пониманию аллегоризма как одной из характерных черт поэтики барокко.

С. Гроховского Бродзинский ценит за то, что он «дышит милой и трогательной простотой, которая уже на закате лет его так мало начала цениться» (стр. 46). Оказывается, вкус начал меняться уже к концу «III эпохи». Бродзинский подтверждает это несколько далее, стр. 68: уже «начиная от Я. Завицкого и Я. Рыбиньского стиль поэзии отступал от естественности Кохановского». К тем же временам, к концу XVI в., относится и очевидное для современных исследователей обращение польских поэтов раннего барокко к польской средневековой поэзии. И это разглядел Бродзинский: оценить поэзию С. Гроховского сумеет, по его мнению, лишь тот, «кто знаком с духом христианской набожности средних веков».

«Объединенного» Шимона — Бартломея Зиморовича Бродзинский считает единственным среди старопольских поэтов, в котором виден «истинный вкус, присущий славянским народам» (стр. 92). Со стороны Бродзинского это самая высокая из возможных похвал. Бродзинского не смущает, что в барочной поэзии Бартломея Зиморовича «мы видим, как во сне, все сразу: боги и нимфы долин Фессалии, северные леса, христианские обряды и милые черты славянского многобожия» (стр. 91). «Сладкая меланхолия» Зиморовича, которая уносит читателя «в волшебный край поэзии», приводит Бродзинскому на память... Оссиана. Сравнение это, для нас, пожалуй, еще более «далековатое», чем параллель Твардовский — Байрон, в 20-е годы прошлого столетия заставляло слушателей с большим вниманием приглядеться к «романтическому» XVII веку.

Многие акценты в лекциях объясняются тем, что это именно лекции, что Бродзинский был педагогом и воспитателем юношества, за судьбы которого чувствовал ответственность. Незадолго до восстания, когда это юношество — в стенах университета и вне их — уже было охвачено «безумием», несущим его, по мнению Бродзинского, к явной гибели, Бродзинский публикует статью «Об экзальтации и энтузиазме» (1830). В ней «романтический» польский XVII век помянут недобрым словом: «... романтический вкус явился в Польше лишь в XVII веке; век этот в народе, которому свойственны беззаветность, благородный энтузиазм, более всего породил горячих и пылких голов, слепого безумия свобод, надменности и пышности, в которые выродились чувство вольности, благородное рыцарство и гостеприимство»¹³.

«Ноябрьская ночь» 1830 г. потрясла Бродзинского и все в нем перевернула. Он преклонился перед восставшим народом, признал его высшую правоту. В речи «О народности поляков», в «Послании к братьям-изгнанникам» Бродзинский предстает романтиком до мозга костей, куда более крайним, чем в статье 1818 г. История Польши изображается здесь предельно обобщенно, хронологическое и логическое уступают место аллегорическому; «польская идея» соединяет, как сказано в речи, «XVI

¹³ K. B r o d z i ń s k i. Pisma estetyczno-krytyczne, t. I. Ossolineum, 1964 s. 188.

столетие наше с XIX». В этой общей картине прошлого — XVII веку и его идейному наследию принадлежит едва ли не главное место: не случайно рыцарско-религиозный идеал поляка представляют в речи Бродзиньского С. Чарнецкий, Я. Собеский, барские конфедераты. «Защита Вены была последней битвой чисто христианского рыцарства...»

Интонации поэтической прозы последних произведений Бродзиньского, содержание и самый стиль мышления имели сильное и устойчивое влияние на позднего Мицкевича, для которого, впрочем, и раньше Бродзиньский был одним из немногих авторитетов. В первой же из парижских лекций, 21 декабря 1840 г., Мицкевич продолжает мысли своего соотечественника и прямо цитирует его знаменитую речь («... один и тот же источник вдохновения сделал Коперника философом, а польский народ „Коперником мира идей“»).

В этой первой лекции Мицкевич рисовал перед слушателями «картину всех славянских земель», как бы глядя на европейский континент с птичьего полета. С той же — весьма высокой и открывающей огромный кругозор — «точки зрения» поэт-профессор и дальше в течение курса обозревал историю славянских народов и их литератур, сравнивая их между собой и с литературами Западной Европы. Ученик Лелевеля, продолжатель традиций Бродзиньского-историка, Мицкевич пользуется сравнительно-историческим методом часто и охотно. И прежде чем показать «умственный, нравственный и политический упадок Польши» в XVII и начале XVIII в., Мицкевич также выходит за рамки польской истории, рассматривая «польское королевство как часть Европы». Потому что «не только в Польше наступил этот упадок: он был всеобщим»¹⁴.

Надо сказать, что в лекциях Мицкевича Европа XVII в. выглядит еще мрачнее, чем в лекциях Бродзиньского. Если Бродзиньский ограничивается литературами, отмечая в них «порчу вкуса», то для Мицкевича упадок Европы в эту эпоху касается не только литературы, но и самых основ умственной и нравственной жизни, «источники» которой, по выражению Мицкевича, «в ту эпоху, казалось, высохли или, по меньшей мере, помутнились» (IX, 224).

В Европе XVII в. и политика стала «лишь какой-то системой материализма» (IX, 230). Под «материализмом» Мицкевич здесь понимал господство интереса и чистогана в общественной и политической жизни, которое особенно обнаженным стало в современной Мицкевичу буржуазной Франции 40-х годов XIX в., на которое действительно ведет свое начало от времен первоначального накопления, т. е. XVII века. Безнравственными идеологиями новой безнравственной буржуазной эпохи были для Мицкевича не только Гиббон и Вольтер (о которых он высказывается в таком духе в этой же лекции), но уже «меркантильные» европейские политики XVII в.

Если обратиться к соответствующим страницам работы Лелевеля «Историческая параллель Испании и Польши в XVI, XVII, XVIII веках»¹⁵, сходство характеристик Европы XVII в. — очевидное. Но если пафосом Лелевеля в 1820 г. было показать общность судеб Польши и остальной Европы, Европы, которая в 1820 г. Лелевелю казалась предреволюционной, то пафос Мицкевича в 1841 г. — показать особые черты польской истории и отсюда — поляков, единственных, по Мицкевичу, носителей нравственного начала, которого лишены как русское самодержавие, так и буржуазный Запад.

¹⁴ A. Mickiewics. Dzieła, t. IX. Warszawa, 1955, s. 224. Далее везде цитируется по тому же изданию.

¹⁵ J. Lelwel. Dzieła, t. 8. PWN, 1961, s. 232, 239, 244, 252 in.

Не удивительно поэтому, что в изображении Польши XVII в. Мицкевич крайне противоречив. С одной стороны, Польша — часть Европы, в ней — тот же упадок, тот же страх перед вольномыслием и мышлением вообще («Иезуиты, победив протестантов, желали подавить всякие богословские и философские дискуссии», X, стр. 21). С другой стороны, Мицкевич хочет показать, «как Польша, не только забытая, но с неумолимой необходимостью уничтожаемая системой, господствующей ныне в Европе, противопоставляет этому напору со всех сторон идею, добытую из недр своей народности» (IX, стр. 235). Мицкевич подчеркивает трагизм ее ситуации: наступлению буржуазной идеологии в Европе XVII—XVIII вв. «она противопоставляет традиции, ставит плотины ... и пытается сохранить свое бытие, не дающее себя примирить с новыми стремлениями» (IX, стр. 230), и, оказавшись в политической и «духовной» изоляции, сама эту изоляцию усугубляет, чувствуя «потребность сосредоточиться в себе», борясь за существование «собственных принципов». Отсюда интерес Мицкевича к трагической судьбе Барской конфедерации. Отсюда идеализация им польской дворянской демократии, принципа выборности королей и даже пресловутого права вето.

Столь же противоречиво в лекциях изображение польской литературы XVII в. С одной стороны, «поляки ведут историю упадка своей литературы с 1622 года». С другой стороны, при конкретном рассмотрении писателей и произведений оказывается, что новый период польской литературы — период не только упадка, и начинается он не в 1622 г., а раньше.

Принято считать, что в парижских лекциях подробно характеризуются два польских писателя XVII в.: Пасек и Кордецкий. Между тем их не два, а три, причем третьему, а вернее, первому из них, Петру Скарге, посвящена тоже целая лекция и едва ли не самая блестящая из прочитанных Мицкевичем.

Называя Скаргу писателем XVII в., мы имеем в виду не то обстоятельство, что 64-летний Скарга сумел перевалить рубеж следующего столетия, прожил еще 12 лет в XVII в., успел произнести еще много речей, например о победах над шведами. Дело даже не в том, что похоронен был Скарга в только что перед тем (1609 г.) построенном соборе св. Петра в Кракове, представляющем собой один из первых памятников архитектуры барокко в Польше. Правда, для историков литературы барокко, привыкших опираться на историю искусства, уже эта деталь могла бы служить аргументом. Однако более убедительный аргумент — деятельность, в том числе литературная, самого Скарги.

XVII век в Польше начался раньше 1600 г., где-то между 1580 и 1590 г. Мицкевич отчетливо ощущал границу между временем Кохановского и временем Скарги. В развернутом сравнении Кохановского со Стефаном Баторием (сравнении «ненаучном», но не лишенном содержания) Мицкевич подчеркивает (лекция 18 VI 1841), что оба этих «смелых, но рассудительных новатора», пытавшихся «сделать европейским» «один — Речь Посполитую, другой — славянское искусство», «не имели наследников после смерти». Подчеркнута завершенность времени Кохановского и Стефана Батория. Это видно и дальше, в том месте лекции, где Мицкевич переходит от Кохановского к Шимоновичу: «Кохановский и все писатели, о которых мы до сих пор говорили, принадлежат собственно Польше», тогда как в произведениях Шимоновича «мы видим связь с поэзией Украины, с народной поэзией южной Руси». Украина заставляет Мицкевича вспомнить Литву: «С другой стороны, Литва ... станет ареной действия ... крупнейшего из всех польских писателей и ораторов, Петра Скарги». Связь мазовшанина Скарги с Литвой, где он провел всего несколько лет, малоубедительна, но у Мицкевича «украинская школа» романтиков ассо-

цировалась с «литовской школой», а «провинциальный» характер польского романтизма помогал ему угадать роль «провинции» («кресов») для польского барокко. Знаменательно, что Скарга поставлен здесь рядом с Шимоновичем, который уже тоже «не шел по стопам Кохановского», тоже подготавливал новое направление¹⁶.

Завершая лекцию о Скарге, Мицкевич утверждает, что «годы между Скаргой и вестфальским трактатом, эти годы, полные политических и военных событий, воплощают, если так можно выразиться, в действие идею, которую мы выразили, нравственную идею, которую мы уже определили; в то же время они не представляют ни одного выдающегося литературного события» (IX, стр. 221). В Польше 1612—1648 гг. не было, разумеется, литературного вакуума, но многие произведения польских писателей этого времени были Мицкевичу неизвестны. В какой-то мере судить о вероятном отношении Мицкевича к поэзии нового направления можно по его высказываниям о Шимоновиче. Обращаясь к парижской аудитории, Мицкевич сравнивает поэтику Шимоновича — кое в чем уже барочную — с поэтикой французского романтизма: «Поэтика Шимоновича, его стихотворные формы во многом сходны с современным французским стихосложением. Он не боится переносов, не всегда заботится о богатстве рифм, он прежде всего драматичен. Позднее французское стихосложение прошлого века (т. е. классицизма), взявши верх в польской литературе, привело к тому, что люди, не искушенные в поэзии, уже не умели оценить достоинств стихосложения этого великого поэта» (IX, 186).

«Нравственную идею», родоначальником которой был, по Мицкевичу, Скарга (ср. Виндакевич: «Скарга научил поляков патриотизму», стр. 24), далее в лекциях представляет Кордецкий. Его записки для Мицкевича — больше чем «литературное событие». Кордецкий показан как писатель, как деятель, как образец польского национального характера, «первообраз» позднейших польских героев: «простота, скромность и вдохновение» (X, стр. 59). «Вдохновение»¹⁷ вообще играет большую роль в концепции Польши XVII в. у Мицкевича. «Благородную» и «вдохновенную» польскую дворянскую демократию XVII в. Мицкевич противопоставляет современной ему бездушной и торгашеской западноевропейской буржуазной демократии. Но в то же время «вдохновенным» характером привлекли Мицкевича и проповеди Скарги, громившего произвол, сословный эгоизм, политическую близорукость польских крепостников. Мицкевич приводит в лекциях обширные фрагменты Скарги «о неслыханном гневе, под которым стонал народ» (IX, стр. 255).

Утописту Мицкевичу близок Скарга с его, в значительной мере, «утопическим» патриотизмом, Скарга, всегда обращающийся «к той и д е а л ь

¹⁶ С. Виндакевич в монографии 1897 г. о Скарге (S. W i n d a k i e w i c z. Piotr Skarga. Kraków, 1925, s. 207—212) подробно обосновал свое мнение о принадлежности Скарги к «новому направлению», т. е. к барокко. Ренессансист Виндакевич к этому «новому направлению» — и соответственно к Скарге, который «несколько затенил волшебную зарю польского Возрождения», — относился без особой симпатии. Тем более значимы слова Виндакевича о том, что «его (т. е. Скарги) уверенная и мощная рука обладала такой силой, что повернула на оси польскую литературу», что «без Скарги мы наверняка не имели бы „Псалмодии“», что, «порывая с направлением Кохановского» Скарга имел для этого «глубокие побуждения, которых сам не воплотил в великие произведения искусства — но которые воплотили другие» (стр. 212).

Среди современных исследователей завершенность времени Кохановского, отсутствие «школы Кохановского» уже в следующем после него поколении польских поэтов подчеркивает Ян Блоньский (J. B ł o Ń s k i. Mikołaj Sęp Szarzyński a początki polskiego baroku. Kraków, 1967, s. 248, 253). Поэтам раннего барокко М. Семпу-Шажиньскому и С. Грабовецкому он дает в партнеры «прозаика Скаргу».

¹⁷ К сожалению, польское слово *zapał* не переводится ни одним из отдельно взятых русских эквивалентов (*запал, воодушевление, вдохновение, энтузиазм* и др.).

н о й отчизне, образ которой у него перед глазами» (IX, стр. 220). Но поэт Мицкевич обращает главное внимание на литературную форму проповедей Скарги. Он предпочитает Скаргу не только более академичным Боссуэ и Массильону, но также буржуазным политическим ораторам 40-х годов XIX в., которые слишком приспосабливаются к «требованиям просвещенной публики, боятся оскорбить ее вкус» (IX, стр. 220).

В связи с творчеством Скарги Мицкевич ставит проблему разговорного языка («Для выражения самых высоких истин он пользуется разговорным языком, образами, почерпнутыми из природы, из польской жизни» — IX, стр. 209). Эта тема связывает лекцию о Скарге, предпоследнюю лекцию первого курса, с первой лекцией второго курса, посвященной Пасеку. Риторике польских политических ораторов XVII в., не поднимавшихся до естественности Скарги, Мицкевич противопоставляет разговорный язык: «... Однако под этим слоем, покрывшим страну, под пылью риторики, проникшей в соборы и залы суда, всегда жила чистая и сильная речь, разговорный язык, который развивался и ждал только подходящего момента, чтобы расцвести» (X, стр. 22). И здесь, как подтверждение расцвета польского языка в XVII в., появляются «Записки» Пасека.

Впервые опубликованные за год перед тем, т 1840 г., «Записки» вызвали, как известно, сомнение в их подлинности у целого ряда польских историков (включая, например, М. Вишневецкого), привыкших с предубеждением относиться к XVII в. «Синтетический» подход Мицкевича к истории помог ему увидеть истину. «Стиль этот, — пишет он о стиле Пасека, — утрачен, он исчез в м е с т е с элекционных сеймами. Чтобы так писать, нужно жить той жизнью, беспокойной, полной приключений; нужно даже носить тогдашний костюм...» (X, стр. 39). Своеобразие культуры XVII в., единство и взаимосвязь всех ее элементов (язык, быт, костюм) Мицкевич ощущал лучше, чем современные ему профессиональные историки¹⁸. Безошибочным оказался и вкус Мицкевича, сразу увидевшего в «Записках» не только «исторический памятник» (дополняющий, как писал его издатель Э. Рачинский, наши сведения о временах правления Яна Казимежа, Михала Кобыты и Яна III), но прежде всего «произведение искусства». Мицкевича восхищают естественность Пасека, его «подробности», «исторический колорит» его «романа», как он называет эту книгу. Пасек, по мнению Мицкевича, «предугадал жанр исторического романа».

После Пасека и Кордецкого, отразивших «повседневную» и «героическую» стороны польской истории XVII в., Мицкевич почти полностью опускает большой период развития польской литературы, «поскольку в течение всего этого периода вплоть до возрождения при Станиславе Августе нет в ней ни одного произведения всеобщей важности или хотя бы только национального значения» (X, стр. 70). «Потому что поэзия — это создание целого народа». А польские деятели и писатели того времени, даже лучшие из них, С. Г. Любомирский и Я. Собеский, утратив, по мнению Мицкевича, «ощущение национального инстинкта, проникшись чужими понятиями, не оказывали уже влияния на всю нацию» (стр. 71). Характерно, что Мицкевич здесь «отвергает» именно Любомирского, почти единственного писателя XVII в., которого польские просветители XVIII в. считали «своим». Точно так же упомянутый мимоходом «польский вельможа Морштын», известный Мицкевичу лишь как переводчик «Сиды», вряд ли был бы у Мицкевича в чести, если бы даже Мицкевич знал его лирику. Перевод Морштына, правда, «может считаться образцовым; он свидетельствует, что польский язык ... уже тогда легко мог усвоить манеру и стиль века Людовика XIV. Однако переводы того времени не имели ни-

¹⁸ Ср. выше — Бродзинский о «стиле» XVII в. и стиле поэзии С. Твардовского.

каких последствий, не оказали никакого влияния, ибо не было ничего общего между полуфранцузской и полуиспанской историей Сида и польскими традициями» (X, стр. 34). Умея заметить ростки классицизма в польской культуре XVII в., Мицкевич считает и классицизм, и Просвещение «неорганичными» для Польши. Термин «возрождение» применительно к эпохе Станислава Августа — это дань Мицкевича предшественникам, отношение же самого Мицкевича — иное: в этой эпохе «мало славянского и даже мало национального».

С подчеркнутой полемичностью Мицкевич выше всей письменной литературы польского Просвещения ставит «пророчество» ксендза Марека, предрекавшего Польше, что она погибнет, но, как Феникс, восстанет из пепла. «Эти несколько строк содержат в себе зародыш всей современной польской литературы». Ксендз Марек, по мнению Мицкевича, поднял «польскую идею» на том месте, где ее оставил Петр Скарга. Мицкевич подчеркивает отсутствие «школярской формы» в этих стихах: «Видно, что человек этот никогда не учился искусству стихосложения» (X, стр. 198; ср. противопоставление *Naturpoesie* и *Kunstpoesie* у немецких романтиков). Тут же вспоминает Мицкевич и анонимную поэзию барских конфедератов: «Сохранилось от этих времен еще несколько песен меньшей литературной ценности, но поднимающихся выше всего, что позже в области лирики было опубликовано» (X, стр. 199). Цитируя одну из песен конфедератов, Мицкевич называет ее «чисто рыцарской». Эту поэзию он также относит к предыстории польского романтизма: «... как лирическое дуновение пронеслась она через всю страну, но еще в течение долгого времени она не найдет присущей ей формы...». В истории польской литературы XVIII в. Мицкевич-романтик меняет пропорции, выделяя «другую линию» польской литературы этого времени, ее подспудные, «антипросвещенческие» и «антиклассические» элементы. Чем бы ни объяснять симпатию Мицкевича к барским конфедератам (засвидетельствованную его драмой о них), действительная историческая важность их поэзии как звена, соединяющего позднее польское барокко и ранний польский романтизм, несомненна.

Как мы видим, «интуитивное ощущение родства» с эпохой барокко перерастало у Бродзиньского и Мицкевича в сознательное и систематическое представление об особом характере и содержании этой эпохи, о ее возникновении, развитии и «последействии». Помогала здесь романтикам избирательность их восприятия, их повышенная чуткость ко всему тому в истории, что было обойдено и замолчано классицизмом и Просвещением, ко всему, что могло, по мнению романтиков, «опровергнуть» «доктрины» и «схоластику» рационалистов XVIII в. Помогала здесь также романтикам очень характерная для их историзма внимательность не только к «результатам» в истории, но (едва ли не в большей степени) к росткам и зародышам, к тенденциям и потенциям, ко всему, что «могло бы быть». Это последнее утверждение можно подкрепить многими цитатами из Бродзиньского, начиная с его статьи 1818 г., и из Мицкевича. Таким подходом романтиков компенсировалась между прочим относительная скудость материала, которым они располагали для суждений о литературе польского барокко. Очень многое было неизвестно Бродзиньскому, а Мицкевич находился к тому же далеко на Западе, в Париже, и был оторван от польских библиотек и частных собраний.

Л. Г. НЕВСКАЯ

О ЛЕКСИЧЕСКОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЛИТОВСКОГО И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ АПЕЛЛЯТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В статье описывается фрагмент лексических систем (географическая апеллятивная терминология) литовского, белорусского и польского языков, находящихся в состоянии контактирования в говоре деревни Мильтеи¹. Рассматриваются следующие семантические поля: возвышенность, берег, равнина (низина), болото, яма, лес, река.

Географическая терминология конкретного говора представляет собой не строго замкнутую систему, которая распадается на ряд фрагментов (семантических полей), соответствующих описываемому объекту. Однако на всем языковом пространстве эта лексическая группа объединяется в систему, цельность которой создается пронизывающими ее семантическими переходами.

Для выявления наиболее полного инвентаря лексем и создания картины, адекватной действительному их распределению, работа была построена следующим образом. На основе анализа предварительно выделенного инвентаря географических апеллятивов на всем литовско-латышском языковом пространстве (около 1200 лексем, включая словообразовательные варианты) была составлена анкета объемом более 150 вопросов. Каждый вопрос по существу содержит в себе указание на минимальный смылоразличительный элемент (семантический дифференциальный признак), по которому хотя бы в одном говоре наблюдается противопоставление двух лексем. Извлеченные в результате противопоставления частично сходных по значению слов, эти семантические дифференциальные признаки являются также метаязыком при дальнейшем конструировании семантических микрополей². Опрос по такой анкете, связанный с проверкой

¹ Деревня Мильтеи Островецкого района Гродненской области БССР находится на юго-восточной окраине бывшей Гервятской парафии и в настоящее время является литовским островом в славянском (белорусском) окружении. Языковая ситуация говора определяется взаимодействием трех языков: литовского, белорусского и польского. Фонологический статус данного говора описан в кандидатской диссертации Т. М. Судник «К характеристике фонологических систем диалектов литовско-славянского пограничья» (Москва, 1970).

² О правилах построения микрополей см. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 36—37.

наличия в говоре и установлением значения каждой из 1200 лексем общего списка³, позволяет выделить конкретный говор в качестве сепаратного фрагмента языкового континуума.

Лексемный инвентарь географических терминов литовского говора деревни Мильтеи — немногим более 60 единиц, что составляет около 5% общего литовско-латышского инвентаря.

Семантическая картина (конфигурация микрополей) конкретного говора представляет собой сильно редуцированный вариант падиалектной модели, так как в конкретном говоре целый ряд признаков оказывается нерелевантным и лишь некоторые семантические противопоставления манифестируются отдельными лексемами (ср. 150 вопросов анкеты и 60 зафиксированных в описываемом говоре «ответов»).

Применение единообразного способа описания с помощью семантических дифференциальных признаков к каждому из трех контактирующих языков данного говора, конструирование микрополей и распределение на них лексического материала является условием того, что каждая диалектная система предстает в обозримой форме, пригодной для типологического сопоставления.

В процессе системного описания лексического материала выявляется примечательная закономерность: преобладающими оказываются не прирвативные, а эквиолентные оппозиции.

Ввиду нейтрализации многих оппозиций в конкретном говоре практически очень часто микрополе предстает как элементарная микроструктура, состоящая из немаркированного члена («общее название», по принятой здесь терминологии) и одного маркированного. Поэтому материал ниже будет представлен, главным образом, не в виде «дерева», где приходилось бы каждый раз констатировать неманифестированность посредством особой лексемы элемента с отсутствием признака и замену его немаркированным «общим названием», а в виде таблицы, где в левой графе указаны признаки, которые манифестируются новой по сравнению с «общим», немаркированным, названием лексемой. Каждая таблица представляет совокупную картину нескольких микрополей, выделенных при описании географического объекта.

1. «Возвышенность»

Для семантического поля «возвышенность» оказывается релевантным следующий максимальный набор признаков: I. Размер (небольшой); II. Признак местоположения с двумя эквиолентно противопоставленными значениями: 1) 'возвышение на лугу' — 2) 'возвышение на болоте' и 3) 'сухое возвышенное место'. III. 1) единичность (гора) — 2) совокупность; IV. Составляющий материал — признак, порождающий понятие «возвышение из камней». Для подключенного сюда же микрополя «ком земли» релевантен признак 'замерзший' (см. табл. 1).

Сравнение семантических структур литовского, белорусского и польского микрополей показывает их неоднородность. Так, для литовского и белорусского говоров оказывается нерелевантным признак 'совокупность гор', а в польском микрополе не находят специфического — с помощью одной лексемы — выражения такие значения как 'куча камней' и 'замерзший ком', а также происходит нейтрализация оппозиции 'возвышение на лугу' — 'возвышение на болоте'. Таким образом, не подтверждается а priori ожидаемое в контактной ситуации появление одного плана содержания при разных планах выражения.

³ Славянский материал собирался только по анкете, что не исключает возможного пропуска некоторого числа лексем.

Таблица 1

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название	aukštumá		gužýzna
I	kauprė	прыгóрак вугóр	pšygúrek úgor
II 1 2 3	kúpina kur(')õnas sausumá	kúp'ina kurγán sušyn'á	} kúrγan
III 1 2	kálnas	γará	gúra gužýsko
IV	krósnis ¹ aktmėninas	krúšn'a	
Ком земли — замерзший	grùptas grúodas	γrupt(ý) γrúda	} γrúda

Примечание: 1. В литовском говоре описываемого диалекта представлено также другое значение этого слова — «печь», что отражает сохранившийся в условиях контактной ситуации древнейший синкретизм этих значений.

Таблица 2

Языки	ТМС	ТМП	$\frac{\text{ТМП}}{\text{ТМС}} \cdot \%$
Литовский и белорусский	14	5 kur(')õnas — kurγán kùp'ina — kúp'ina krósnis — krúšn'a grùptas — γrupt(ý) grúodas — γrúda	35,7
Литовский и польский	12	2 kur(')õnas — kúrγan grúodas — γrúda	16,6
Белорусский и польский	11	5 γará — gúra прыгóрак — pšygúrek вугóр — úgor kurγán — kúrγan γrúda — γruda	45,4

Чтобы более отчетливо показать сходство и различие рассматриваемых систем трех сосуществующих говоров д. Мильтеи, выделим ядерный лексический инвентарь (теоретико-множественное произведение — ТПМ), представляющий собой повторяющиеся в каждой системе единицы, и максимальный инвентарь (теоретико-множественную сумму — ТМС), включающий неповторяющиеся, специфические лексемы литовского, белорусского и польского говоров.

Ядерный инвентарь представлен двумя единицами: [*kur*(^o)*õnas*, *kurȳan*, *kūrȳan*] и (*grūodas*, *ȳrūda*, *ȳrūda*). Литовский язык присоединяет к ядерному инвентарю семь единиц: *aukštumá*, *sausumá*, *kauprė*, *krõsnis*, *akmæn̄nas*, *grūptas*, *kūpina*, белорусский — шесть единиц: *sušyn'á*, *prygórak*, *kūp'ina*, *vuȳor*, *krūšn'a*, *ȳrupt(ȳ)*, польский — пять единиц: *guźýzna*, *gúra*, *guźýsko*, *pšyguřek*, *úgor*. ТМС инвентаря лексем семантического поля «возвышенность» равна 19 единицам, ТМП составляет от нее 10,5%. Парное сравнение языков представлено в табл. 2.

2. «Берег»

Вслед за микрополем «возвышенность» целесообразно рассмотреть микрополе «берег», так как в языковом сознании носителей описываемых говоров существует непротивопоставленность семем 'гора' и 'берег'. Для данного микрополя релевантен признак формы с тремя значениями: 1) 'высокий и крутой', 2) 'оползающий', 3) 'подмытый водой'.

Таблица 3

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название ¹	<i>krāštas</i> ²	<i>b'ėraȳ</i>	<i>bžeg</i>
1	} <i>skalà</i>	<i>abrȳu</i>	<i>gúra</i> ³
2		<i>skála</i>	<i>skála</i>
3		<i>vadamȳi</i>	

Примечания: 1. Для семантической характеристики этих терминов взаимодействующих говоров существенно, что все они имеют также значение 'край' и употребляются для обозначения опушки леса, край ткани, верхней части посуды, края грядки и т. д. Это явление, отмеченное также в русском и украинском языках (см. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. М., 1969, стр. 91), возможно, следует рассматривать как результат балтийского субстрата. Оно распространено на всем балтийском языковом пространстве и охватывает обе балтийские лексемы, обозначающие берег: лит. *kraštas*—лтш. *krašts*, лит. *kraštas*—лтш. *krasts* (см. LKZ, VI, s. 441—443; М.—Е. II, s. 259, 260). Однако в производных образованиях эта закономерность нарушается; ср. отмеченное для литовского говора д. Мильтеи противопоставление по признаку 'местонахождение' лексем *pakraštė* 'пространство вдоль всякого «берега», края (край леса, берега и т. п.)' — *pakrīaušė* 'пространство вдоль берега реки'.

2. В литовском говоре д. Мильтеи отмечен микропоним *bregas* 'место около реки, где зимой складывают лес, который весной сплавляют'; для носителей языка это — «старое слово» (*senas žodis*).

3. Описываемый говор, таким образом, примыкает к архангельско-псковско-новгородскому диалектному пространству, на котором значение 'высокий берег реки' манифестируется лексемой *gora* (см. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология стр. 94; там же указаны и другие ареалы этого явления).

Таблица 4

Языки	ТМС	ТПМ	$\frac{ТПМ}{ТМС}$, %
Литовский и белорусский	5	1 skalà — skalá	20
Литовский и польский	4	1 skalà — skála	25
Белорусский и польский	5	2 skalá — skála b'éraγ — bžeg	40

ТМС микрополя «берег» равна семи единицам. ТПМ этого микрополя представлено одной единицей — *skala*, что составляет 14,3%. Литовский язык присоединяет к ядерному инвентарю одну единицу — *krāštas*, польский — две: *bžeg*, *gúra*, белорусский — три: *b'éraγ*, *abrýγ*, *vadamýi*, представляя, таким образом, самый развернутый тип.

Сравнение структур семантических полей, представленных в табл. 3, показывает, что максимальным набором признаков формируется поле белорусского говора, в котором не только наблюдается противопоставление двух значений признака «форма» — «крутой берег» и «оползающий берег» (это свойственно также и польскому языку), но и релевантен признак «берег, подмытый водой», манифестируемый лексемой *vadamýi*. Наиболее редуцированная структура представлена литовским микрополем, где нейтрализуется оппозиция «крутой берег» — «оползающий берег», и лексема *skála* синкретически представляет оба эти значения.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 4

3. «Равнина»

Семантическое микрополе «равнина» конструируется с помощью следующих семантических признаков: I. Признак низинного расположения; II. Признак наличия (1) и отсутствия (2) растительности, акцентирующий хозяйственный аспект и порождающий понятия «луг» и «место, где ничего не растет» (см. табл. 5).

Сравнение структуры семантических полей показывает их абсолютную идентичность.

Соотношение лексических систем следующее: ядерный инвентарь на лексемном уровне равен нулю, на уровне корневых морфем — единице: (*púšč'a*, *púšča*, *puš'č'izna*, *pústoš*), что составляет 10% от ТМС, равной соответственно 10 или 12 единицам. Литовский язык присоединяет к ядерному четыре единицы, белорусский и польский языки — по три единицы.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 6.

4. «Болото»

Для семантического микрополя «болото» оказываются релевантными следующие признаки: I. Степень заболоченности с двумя значениями: 1) сильная — 2) слабая; II. Признак местоположения, внутри которого эквивалентно противопоставлены значения 1) «болото на лугу» и 2) «болото в лесу»; III. Признак глубины (большой), порождающий понятие «бездонное болото»; IV. Специфические признаки, порождающие понятия 1) «зыбкое болото» и 2) «ржавое болото» (см. табл. 7).

Таблица 5

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название	l'igumà	raun'ína	rojn'ína
I	lóbás ¹ žæmumá	dal'iná	dol'ína
II 1 2 ³	p̃ieva pūšč'a	s'enažac' púšča	lópka ² pústoš pūš'č'ízna

Примечания: 1. Из двух синонимов *lóbás* является более употребительным и сильным по словообразовательным потенциям; ср. отмеченную в говоре оппозицию: *š'illinė žžmė* 'сухая земля, сухое место' (от *šilas* 'сосновый бор по сухой почве') — *lóbinė žžmė* 'низменное, влажное место'.

2. Семантическое своеобразие польск. *lópka* в описываемом говоре состоит в том, что в нем синкретически совмещены значения 'луг' и 'трава с этого дуга': *tam lópka n'eras'c'e, l'ažyc' z'irvanóm* (о плохом луге).

3. Указанные в таблице лексемы могут подменяться лексемами в литовском — словосочетанием), имеющими более широкое значение с экспрессивным оттенком: бел. *čal'izna*, польск. *gol'izna*, лит. *pūstas dąžktas* (ср. польск. *v l'és'e, v domú, v magaz'in'e n'ic n'ieina, čol'izna*).

Таблица 6

Языки	ТМС	ТМП	$\frac{ТМП}{ТМС}$, %
Литовский и белорусский	8	1 pūšč'a — púšča	12,5
Литовский и польский	9	1 pūšč'a — pústoš	11,1
Белорусский и польский	6	3 raun'ína — rojn'ína dal'iná — dol'ína púšča — pústoš	50

Из анализа семантической структуры микрополя «болото» в трех языках, находящихся во взаимодействии, ясно видно, что экстралингвистическая детерминация отстает перед сугубо языковыми фактами, и одна и та же ландшафтная картина разными языками описывается по-разному. Сравнение семантических структур показывает, что наиболее полным набором признаков описывается белорусское микрополе; в литовском отсутствует противопоставление 'болото в лесу' и 'болото на лугу' (второй признак манифестируется немаркированной лексемой *balà*); в польском языке редуцированы оба значения признака 'степень заболоченности', а значение 'ржавое болото' манифестируется словосочетанием.

Таблица 7

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название	balà	balóta	blóto
I 1 2	klamp̃inas šlap̃inē	γráz'n'a makryn'á ¹	
II 1 2	rājstas	baɣna rójst(a)	baɣno rójst(a)
III	bædúgnē bædugnínē	b'azdón'e	bezden'íca
IV 1 2	kunē rūž'imas	kuná rūž'imas	tšensav'ísco
Окно в болоте	krin'ič'à	kryn'íca ²	kryn'íca
Дорога через болото	γréblas	γrébl'a	γrébl'a

Примечания: 1. Лит. *šlap̃inē* и бел. *makryn'á* являются примером часто встречающихся в контактной ситуации семантического калькирования и обобщения словообразовательных средств.

2. Приблизительно в этом же ареале зафиксировано иное значение лексемы *kryn'íca* — 'топкое болото', 'непроходимое болото' (см. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, стр. 218).

Таблица 8

Языки	ТМС	ТМП	$\frac{ТМП}{ТМС}, \%$
Литовский и белорусский	15	5 rājstas — rójst kunē — kuná rūž'imas — rūž'imas krin'ič'à — kryn'íca grébl'as — γrébl'a	33,3
Литовский и польский	11	3 rājstas — rójst krin'ič'à — kryn'íca grébl'as — grebl'a	27,3
Белорусский и польский	12	5 balóta — blóto rójst(a) kryn'íca γrébl'a — grébl'a baɣna — báɣno	41,7

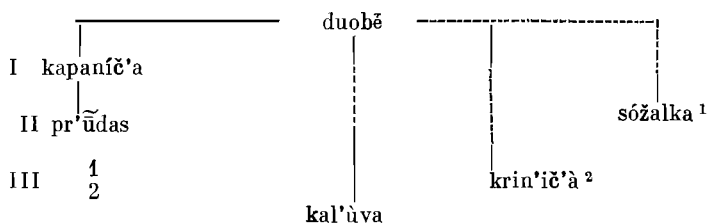
При сравнении лексических систем выделяется ядерный инвентарь, равный трем единицам: (*rāįstas, róįst*), (*krin'ič'a, kryn'ica*), (*γrēblas, γrēb-l'a*), что составляет 14,3% от ТМС, которая равна 21 единице.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 8.

5. «Яма»

Распределение лексем в микрополе «углубление в земле, яма» каждого из трех языков представим в виде «дерева». Для данного микрополя релевантны следующие семантические дифференциальные признаки: I. Естественный — искусственный характер; II. Наполненность водой; III. Признак местонахождения с двумя значениями: 1) 'в дне реки' — 2) 'на дороге'. Существенна также иерархия этих признаков.

Литовское микрополе можно представить в виде следующего «дерева»:

Примечания к схеме: 1. Для этой лексемы во всех трех говорах (см. бел. *sážalka* и польск. *sażółka*) характерен оттенок значения 'яма, наполненная водой, оставшейся после половодья'.

2. Замечательный семантический параллелизм наблюдается между этой литовской лексемой и словен. *krnica*, одно из значений которой определяется Р. Бадьюрой как 'яма в воде'. См. Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология, стр. 219.

Пунктирная линия, пересекающая фрагмент поля определенного значения, символизирует, что данное значение не манифестируется особой лексемой. Значение каждой лексемы можно представить в виде суммы сем. Так, например, значение слова *pr'ũdas* — (II + I + 0), т. е. 'наполненная водой искусственного происхождения яма'; *krin'ič'à* — (III₁ + I + 0), т. е. 'находящаяся в дне реки (естественного происхождения) яма (из которой бьет ключ)' и т. п.

Конфигурация белорусского поля по сравнению с литовским осложнена включенным в I фрагмент поля субфрагмента Ia со значением 'искусственная яма вдоль дороги', а во II фрагменте произошла нейтрализация по признаку происхождения (искусственного и естественного).

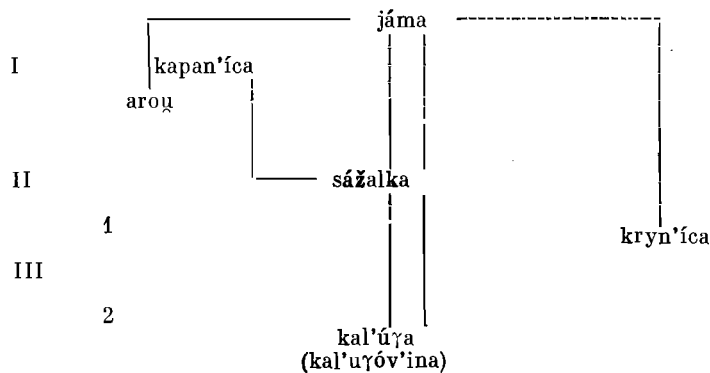
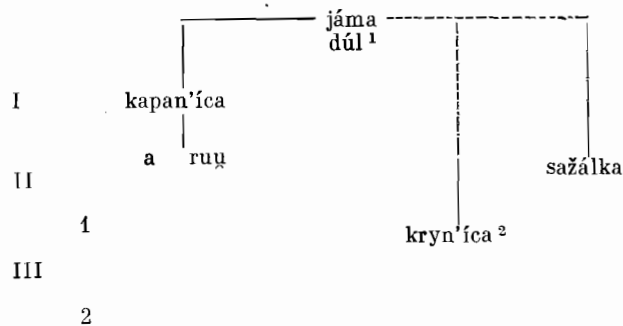

Таблица 9

Языки	ТМС	ТМП	ТМП / ТМС, %
Литовский и белорусский	9	4 kapan'ič'a — kapan'ica sóžalka — sažalka krin'ič'à — kryn'ica kal'úva — kal'úva ¹	44,4
Литовский и польский	8	3 kapan'ič'a — kapan'ica sóžalka — sažalka krin'ic'à — kryn'ica	37,5
Белорусский и польский	6	5 jáma kapan'ica róu — róu sážalka — sažalka kryn'ica	83,3

Примечание: 1. Учитывая постоянную в данном го-
воре мену *v ~ ŷ* при передаче славянских слов (ср. *bavotas*
'богатый' и т. п.), лит. *kal'úva* и бел. *kal'úva* должны иден-
тифицироваться как одна лексема.

В польском поле, как и в белорусском, представлен в усложненном ви-
де I фрагмент, но произошла редукция III фрагмента: не манифестируется
элемент со значением '(искусственного происхождения) яма на дороге'.
Схема имеет следующий вид:

Примечания к схеме: 1. Обе лексемы выступают как абсолют-
ные синонимы. Употребление той или иной из них зависит от степени
адаптации польского языка говорящим: человек, поверхностно знаю-
щий польский язык, скажет *jáma* (ср. белорусский), а знающий этот
язык более глубоко скажет *dul*.

2. Польское *kryn'ica* совмещает в себе как значение, определяемое
его местом в семантическом микрополе, т. е. 'яма в дне реки (из кото-
рой бьет ключ)', так и 'ключ, родник', что в литовском и белорусском
языках выражается особой лексемой (соответственно *šal't'inis* и *šal't'in'*).

В данном микрополе наблюдается следующее соотношение лексем.
Ядерный инвентарь составляют три единицы: (*kapan'ič'a*, *kapan'ica*),
(*sóžalka*, *sážalka*, *sažalka*), (*krin'ic'à*, *kryn'ica*).

Таблица 10

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название	mædz'as ¹	l'ies	l'as
I	1 2	šilas ²	śasón'ik śasón'ik śaj
II	1 2	báras kúdra ⁴	bor kúdra — ³
III	1 2	tankinė pl'ac'us	śuščár pl'acóv'ina śuščar — ⁵
Поляна — поросшая травой — разрабатываемая (засеваемая)	wýspa laukælis	wýspa pal'ána	wýspa pol'ána ⁶
Вырубленное место — специального назначения	pāseka ⁷ l'in'ija	pas''eka l'in'ija	pas''éka l'in'ja
Выжженное место	išdægimas	výřarišča ⁸	

Примечания: 1. Употребление в описываемом говоре именно этой лексемы (в противоположность лексеме *mīškas*, распространенной в большинстве литовских говоров), является замечательным примером сохранения архаической лексики в условиях контактирующего говора. [Об этом и других подобных примерах см. Е. Й. Гринаведкене. Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров. «Балто-славянский сборник» (в печати)]. Видимо, Гervяты являются крайним восточным пунктом, где регистрируется это слово: информанты с иронией констатируют используемые в близлежащих деревнях в этом значении лексемы *girios* и *gojus*. Ареал распространения слова *mėdžias* на небольшой части западной и восточной территории дзуков (Эйшишкес, Дубичай, Швянчėнис, Лазуны, Гervяты, Адутишкис) указан А. Видугирисом. См. А. Vidugiris. Pastabos apie tarmės leksiką. Сб. «Dieveniskės». Vilnius, 1968, s. 191—192.

2. В этом значении отмечается как периферийное явление лексемы *pišinas*, поддерживаемая, видимо, как словообразовательный аналог белорусского и польского *śosón'ik*.

3. В польском говоре лексема *bor* представлена только как микротопоним — название молодой смешанной поросли на возвышении, выросшей на месте сведенного соснового леса; видимо, для топонимической модели польского говора такой тип наименования закономерен; ср. отмеченный здесь же микротопоним *dubrówka* 'молодой смешанный лес'.

4. Этот термин, с одной стороны, противопоставляется отмеченному выше термину *baras* по признаку местоположения, а с другой, манифестирует дополнительный признак 'густой, частый лес'. Примечательна в данном отношении попытка народноэтимологического осмысления этого слова через связь со славянским *кудрявой*.

5. В польском говоре существует только словосочетание *řzadki las*.

6. В лексикализации этимологически уменьшительной формы *laukėme* в специальном значении 'поляна среди леса' (ср. лит. литер. *laukėme*), видимо, можно видеть влияние славянского отношения *pole* — *pol'ana*.

7. Записана также лит. лексема *iskirtimas*.

8. Лит. *išdægimas* и бел. *výřarišča* являются примером семантического калькирования.

Литовский язык прибавляет к ядерному три единицы: *duobė, pr'ūdas, kal'ūva*; белорусский — также три единицы: *jáma, róžy, kal'ūva*; польский — две единицы, представляя тем самым наименее развернутый тип: *dul, rúžy*. ТМС лексем данного микрополя равна девяти единицам, ТМП составляет 33,3%.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 9.

6. «Лес»

Семантическое микрополе «лес» описываемого говора конструируется следующими семантическими дифференциальными признаками: I. Характер пород (посредством отдельной лексики манифестируется только признак 'хвойный лес' с двумя значениями: 1) 'сосновый' и 2) 'еловый'; II. Местоположение — также с двумя значениями: 1) 'на высоком песчаном месте' и 2) 'на болоте'; III. Признак густоты: 1) 'частый' — 2) 'редкий'. Как части леса рассматриваются микрополя «поляна», «вырубка», «выжженное место» (см. табл. 10).

Семантические структуры микрополя «лес» описываемых трех говоров аналогичны за следующими исключениями: 1) языковое сознание носителей польского говора противопоставляет лексему *sosónik* 'сосновый лес' лексеме *yaž* 'еловый лес', чуждой литовской лексической системе (см. выше примечание 1 к табл. 10 о лит. *gojus*); 2) в польском микрополе редуцирован фрагмент со значением 'местоположение'.

Ядерный инвентарь, выделенный при сопоставлении лексических систем трех описываемых говоров, на уровне сугубо словарного соответствия равен трем единицам (*wýspa, l'in'ija, paseka*). Литовский язык присоединяет к ядерному инвентарю девять единиц: *mædž'as, šilas, báras, kúdra, tankinė, pl'æc'us, laukėlis, iškirtimas, isdægimas*; белорусский — восемь единиц: *l'ies, sosón'ik, bor, kúdra, žuščar, pl'acov'ina, pal'ána, výžarišča*; польский — пять единиц, представляя, тем самым, наиболее усеченную

Таблица 11

Языки	ТМС	ТМП	ТМП / ТМС, %
Литовский и белорусский	18	5 báras — bor kúdra — kúdra l'inija wýspa paseka	28
Литовский и польский	17	3 wýspa l'in'ija paseka	17,6
Белорусский и польский	12	7 l'ies — l'as l'inija sosón'ik pal'ána — pol'ána žuščar ~ žuščar pás''eka — pas''éka wýspa	50,7

Признаки	Языки		
	литовский	белорусский	польский
Общее название	ašmėnà ¹	ré(č)ka	žéka
Ручей	rùč'us	ručéj	rúčaj
Русло — корыто — излучина	vagà išsisukimas ² užlėnkimas ³	barazná (-dá) zakrutóv'ina	zákrent
Залив	l'únas	zatóka	zatóka
Отмель, брод	brástas	brod	brud
Глубокое место	buktá	búkta	búkta
Течение — быстрое — тихое	bystrumà	bystryń'á c'ihavóž'	bystšýna
Водоворот	atvójus	atvój v'ir ⁴	v'ir

Примечания: 1. Нарцательное употребление этой лексемы подтверждается целым рядом контекстов: *príe ašmėnòž kvaterúže máno sėsuo* (из рассказа информантки о сестре, живущей в Вильнюсе на берегу реки Вильняле); *pėrvaž'ávo pėr ašmėnà* (из рассказа информанта о том, как он, навещая в госпитале своего раненного на фронте сына, переезжал через Волгу) и др.; словосочетаниями: *vidúž ašmėnòs* 'о среднем течении реки'; производными образованиями типа *sėpašmėnà* 'старца'. Небезынтересно и то обстоятельство, что название ручья, на всей территории Литвы являющееся лексикализацией уменьшительной формы от *upė* 'река' — *upelis*, в данном говоре заимствовано из славянского. По словам информантов, лексема *upė* в говоре не употребляется, но известна как литературное слово.

Дополнительным материалом для типологии топонимического образования географических апеллятивов (в частности, речной терминологии) может служить широко распространенная на славянском языковом пространстве лексема *dunaj*, проникшая в литовский и отмечаемая на литовско-белорусско-польском пограничье (Вилкавишкис, Юрбаркас, Лаздий, Утянос) — *dunójus* 'большая вода' (LKŽ, II, 860); в латышском — *dunavas* 'небольшой ручей', 'никогда не замерзающий родник' (М. — Е., I, 518), а также отмеченные К. Мошинским *morava* 'большая река, большая вода' и *wisla* 'разлив вод весной, река вообще' и приведенные Ю. Карпенко румынские видовые названия проточной воды — *nistru*, *prut* (Ю. А. Кухаренко. Топонимы и географические термины. «Вопросы географии». Сб. 81, М., 1970, стр. 40).

2. В литовском говоре отмечен также окказиональный славизм *zavarátas*.

3. В данном случае примечателен выбор литовской лексемы сложного морфологического состава как наиболее точно соответствующей славянским. Слово *kilpa* — междialeктный синоним лексемы *užlenkimas* на значительной части территории Литвы — в описываемом говоре имеет значение 'веревочная петля'.

4. Наличие внутридialeктных синонимов в контактирующем говоре — следствие динамического характера взаимодействия языков, когда идиолектные формы трудно отличить от общеупотребительных. В данном случае разные названия получены от разных информантов: первое — от информанта с литовским языком в качестве основного, второе — от информанта с польским.

систему: *l'as, sosón'ik, γaj, γúščár, pol'ána*. ТМС инвентаря лексем равна 26 единицам. Ядерный инвентарь составляет 7,7%.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 11.

7. «Река»

Семантическое поле «река» представляет собой свободный конгломерат микрополей частей (и свойств) реки: русло, течение, брод, залив и т. д. (см. табл. 12).

Сравнение семантических структур трех говоров показывает их идентичность за одним исключением: в белорусском говоре в микрополе «течение реки» наблюдается противопоставление по признаку 'скорость течения' и в отличие от литовского и польского говоров отдельной лексемой манифестирован признак 'медленное течение (у берега)'.

Анализ лексических систем говоров позволяет выделить ТМП, равное двум единицам на уровне точного словарного совпадения (*rùč'us, ručéj, rúčaj*) и (*buktá, búkta*) или трем единицам, если идентифицировать в качестве одной единицы словообразовательную кальку, представленную литовским *bystrumá*, и соответствующие белорусскую и польскую формы: *bystryń'á, bystšýna*. ТМС равна 23 единицам. ТМП составляет, таким образом, 13%. Литовский язык присоединяет к ядерному семь единиц: *ašmænà, vagà, išsisukimas, užlæžkimas, l'únas, brástas, atvójus*; белорусский — восемь единиц: *reká, barazná, zakrutóv'ina, zatóka, brod, c'ihavóz', atvój, v'ir*, представляя тем самым наиболее развернутый тип; польский — пять единиц: *žéka, zákrent, zatóka, brud, v'ir*, являясь самым редуцированным типом.

Попарное сравнение языков представлено в табл. 13.

При итоговом анализе систем географических терминов трех языков, находящихся во взаимодействии, обнаруживается, что максимальный на-

Таблица 13

Языки	ТМС	ТМП	$\frac{\text{ТМП}}{\text{ТМС}}, \%$
Литовский и белорусский	17	4 rùč'us — ručéj buktá — búkta bystrumà — bystryń'á atvójus — atvój	23,5
Литовский и польский	14	3 rùč'us — rúčaj buktá — búkta bystrumà — bystšýna	21,4
Белорусский и польский	12	7 reká — žéka ručéj — rúčaj zatóka brod — brud búkta bystryń'á — bystšýna v'ir	50,8

бор лексем — ТМС — составляет 115 единиц. Процентное отношение ТМШ к ТМС, определяющее степень взаимопроникновения языков («глубину контакта») колеблется в разных микрополях в пределах от 7,7% (в семантическом поле «лес») до 33,3% (в микрополе «углубление в грунте, яма»). Ядерный инвентарь составляют главным образом этимологически славянские лексемы (13 единиц), две его единицы (лит. *grūdodas* — бел., польск. *grūda*, лит., польск., бел. *skála*) можно признать балто-славянскими и лишь одна единица — балтийского происхождения (лит. *rāistas*, бел., польск. *róist(a)*).

Степень литовско-белорусского языкового взаимодействия (см. таблицы 2, 4, 6, 8, 9, 11, 13) определяется следующими показателями: показатель «глубины контакта» колеблется от 44,4% (в микрополе «углубление в грунте») до 12,5% (в микрополе «равнина»); в ТМШ инвентаря литовских и белорусских географических терминов, состоящее главным образом из этимологических славянских лексем, входит из балтийских, кроме указанных в общем ядерном инвентаре, также лексема *kūdra* и балто-славянская лексема *kunĕ, kuná*.

Особенностью литовско-польского взаимодействия можно считать то обстоятельство, что в ТМШ инвентаря лексем этих языков входят только единицы из общего ядерного инвентаря; показатель «глубины контакта» колеблется от 37,5% (в микрополе «углубление в грунте») до 10,7% (в микрополе «лес»).

Ожидаемым результатом взаимодействия белорусского и польского языков было бы создание общего инвентаря лексем или максимальное приближение к этому состоянию. Однако семантические принципы — нейтрализация некоторых оппозиций в одном из языков при наличии их в другом, редукция фрагментов микрополя в одном из языков по сравнению с другим и т. п. — исказили тенденцию выравнивания белорусской и польской систем. Показатель «глубины контакта» колеблется в пределах от 83,3% (в микрополе «углубление в грунте») до 40% (в микрополе «берег»).

Анализ лексических единиц, составляющих ядерный инвентарь, образовавшийся в результате взаимодействия литовского, белорусского и польского языков, позволяет сделать некоторые выводы о механизме лексической интерференции. Словарный состав одного языка проникает в другой следующими способами.

1. Заимствование лексемы без морфологической адаптации. Так, литовским языком была усвоена лексема *wyspa*, а белорусским *ruż'imas*. Случаи, аналогичные последнему, отмечаются редко, так как происходит ассимиляция заимствования, определяемая правилами соответствия морфологических элементов разных языков. Например, заимствованные из литовского языка белорусские лексемы отмечены в форме *šal't'in', róist(a)* (ср. лит. *šaltinis, raistas*), а славизмы, усвоенные литовским, предстают в форме *ručius, grėblas* и т. п. Правилами фонетических соответствий обусловлен четкий механизм адаптации иноязычных слов: ср. лит. *krinič'á, kapanič'a* при бел.-польск. *kryn'ica, kapari'ica*, бел.-польск. *roist(a)* при лит. *raistas* и, наоборот, лит. *kur(')onas* при бел.-польск. *kurčan*. В том случае, когда такие правила «не работают», а заимствованное слово хорошо ассимилировалось, билингв может интерпретировать исконное слово как заимствованное (см. отмеченный в примечании 4 к табл. 10 случай с лексемой *kudra*).

2. Разнообразные способы калькирования — от семантического до словообразовательного регулярно отмечались в тексте.

Самый существенный результат с е м а н т и ч е с к о й интерференции состоит в том, что усвоение заимствованного слова приводит к услож-

нению структуры микрополя (см. таблицы 1, 10, а также схемы микрополя «яма») и к закреплению за исконным словом наиболее общего значения. Следует отметить, что в описываемом случае «общие названия» микрополя оказались непроницаемыми для интерференции, и в качестве главных лексем микрополя каждый раз использовались исконные слова. Приношу глубокую благодарность А. Йонайтите, М. И. Лекомцевой, Т. М. Судник, С. М. Толстой, Н. И. Толстому, В. Н. Топорову, прочитавшим рукопись статьи и сделавшим ценные замечания.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

LKZ — Lietuvių kalbos žodynas, t. I—VIII. Vilnius, 1941 — 1966.

M.—E.—K. M ü h l e n b a c h, J. E n d z e l i n. Latviešu valodas vārdnīca, t. I—IV. Rīgā, 1923—1932.

Г. Д. ПОКРОВСКАЯ

СТАНИСЛАВСКИЙ В ЮГОСЛАВИИ

Впервые имя К. С. Станиславского появилось в Югославии на страницах загребской газеты «*Narodne novine*» от 24 ноября 1902 г. В газете была помещена статья под названием «Современная русская сцена», принадлежавшая, очевидно, перу театроведа Николы Андрича и содержащая информацию о деятельности МХТ (так тогда называли МХАТ) и его основателях — В. И. Немировиче-Данченко и К. С. Станиславском. Приводились также краткие биографические данные о них. Впоследствии появлялись краткие заметки о работе МХТ и Станиславском, преимущественно информации, основным источником которых служил русский иллюстрированный журнал «Театр и искусство», хранившийся в театре Загреба с самых первых лет XX в. и вплоть до начала первой мировой войны¹.

В 1906 г., во время триумфальных гастролей МХТ в Берлине, туда прибыли на спектакли хорватские режиссеры Йосип Бах и Иво Раич. Впечатление было столь сильным, что Бах и Раич навсегда уверовали в художественное совершенство метода и стиля «художественников». Бах привез в Загреб записи большинства мизансцен — чуть ли не весь режиссерский план мхатовской постановки «На дне» Горького. Раич, детально познакомившись с методами работы МХТ, возвратясь в Загреб, начал применять их в своей режиссерской практике, начиная с изучения ролей за столом, их психологического разбора и кончая стремлением создать сценическую атмосферу, полностью соответствующую духу произведения. Вера Раича в истинность творческих принципов МХТ была одной из причин того, что в своей дальнейшей театральной деятельности он никогда не увлекался формалистско-экспрессионистскими экспериментами на сцене, оставаясь сторонником реалистического искусства и считая мхатовцев своими учителями².

Ко времени, предшествующему началу первой мировой войны, литературно-театральная общественность Югославии была уже хорошо осведомлена о деятельности МХТ и его художественном руководителе — Станиславском, «человеке, который в области театрального искусства пошел новыми путями и который, обогатив и углубив уже существовавшие традиции русского сценического реализма, сумел осуществить постановку на сценах тех произведений Толстого, Чехова, Горького, которыми он удивил театрально богатую Россию, и изумил недоверчивый и самоуверенный европейский Запад»³.

В декабре 1920 г. в Белград на гастроли прибыла группа артистов МХАТ во главе с В. И. Качаловым. Описывая их выступления, югославский критик Милан Дединач вспоминает, что югославские актеры и режиссеры, уходя со спектаклей взволнованными и потрясенными, не могли понять, как «художественникам» удавалось каждому в отдельности и всем вместе, играя из дня в день один и тот же спектакль, постоянно развивать чувство правды на сцене: «Мы не знали «системы» Станиславского. Но мы

¹ S. B a t u š i č. Stanislavski u Zagrebu. Zagreb, 1948, s. 79.

² Ibid., s. 10—12.

³ Ibid., s. 12—13.

страстно ощущали, что то, как они делают, это и есть правдивое и верное в театральном искусстве, огромное и творческое, единственное, что имеет художественный и жизненный смысл, а главное — все, что мы видели до этого, нам сразу же показалось некой бессмысленной игрой, пустым мастерством большей или меньшей величины»⁴.

18 декабря та же группа артистов МХАТ начала гастроль в Загребе, продлившаяся до марта 1921 г. Было дано 23 триумфально прошедших представления. Особенно успешным было последнее выступление («На дне» Горького), после которого артисты, прощаясь со зрителями и деятелями загребского театра, обещали приехать вновь, в полном составе и со Станиславским во главе⁵.

Во время знаменитого европейско-американского гастрольного турне МХАТ в 1922—1923 гг. в ответ на неоднократные приглашения загребского театра, будучи в Париже, Станиславский дал согласие приехать из Чехословакии на три дня гастролей в Загреб. «Весть о новом приезде «художественников» прошла через все заграничные газеты. Уже за три дня до их приезда управа была осаждаема просьбами резервировать билеты. Интерес был громадным, а средоточием этого интереса был тот факт, что в Загребе и на его сцене появится великий Станиславский. Имя Станиславского в эти дни было наиболее часто произносимым именем в Загребе»⁶.

18 ноября 1922 г. МХАТ в полном составе и во главе со Станиславским прибыл в Загреб. «... Весь город вышел нас встречать, — писал Станиславский. — Каждый принес цветы. Огромная толпа наполнила вокзал, площадь и ближайшую улицу... нас встретили очень торжественно. Во-первых, вся дирекция и главные деятели театра с директором во главе. Артист и режиссер Раич, бывший директор, много сделавший для его процветания. Очень талантливый режиссер Гавелла. Представители оперы, балета и разных культурных обществ и кружков»⁷.

Станиславского заинтересовал Загреб, он был рад тому, что «в свободное время мог осматривать оригинальный город». Приятно было убедиться в том, что «в центре всей жизни города стоит культ театра. В нем соединяется все: и опера, и драма, и балет. Целый большой штат певцов, хора, оркестра для оперы, большая труппа для драмы и молодой, только что возникший балет под руководством наших московских знакомых — сестры и братьев Фроман. В этом замечательном по своей атмосфере театре выполнено то, о чем мы не смеем и мечтать. Подлинный синтез всех искусств». И далее — о хорватском актере: «Сегодня — драматический артист, завтра он выступает в качестве певца в одной из характерных партий в опере... Послезавтра он является мимом в балете, исполняя одну из главных ролей. То же происходит и с хористами. Сегодня он поет в опере, завтра танцует в балете, а послезавтра участвует в народных сценах драмы. Хорваты способны к сцене. Они ловки, темпераментны, как итальянцы, искренни, как славяне. Свою сценическую культуру они заимствовали у венцев, которые известны своей артистичностью. Все вместе создает преинтересный театр. <...> Им удастся достигнуть весьма трудных режиссерско-артистических удач... Я с восхищением специалиста отмечаю это»⁸.

Гастроли МХАТ в Югославии явились весьма значительным событием в театральной жизни страны. И вместо обещанных 5 спектаклей было дано 15⁹.

Во время пребывания МХАТ в Загребе Станиславский был очень занят, но он находил время для встреч с театральными деятелями во время репетиций, после спектаклей и в перерывах между ними. Станиславский встречался с Гавеллой, Раичем, Батушичем, посещал больного директора театра Бенешича, который не мог присутствовать на гастрольных спектаклях. Все они долго вспоминали эти встречи, а Раич в продолжение долгих лет повторял на репетициях, особенно молодым актерам, высказывания Станиславского.

⁴ М. Д е д и н а ц. Позоришне хронике. Београд, 1950, стр. 148.

⁵ S. V a t i š i ć. Ibid., s. 19—20.

⁶ Ibid., s. 28—29.

⁷ К. С. С т а н и с л а в с к и й. Собр. соч., т. 6, М., стр. 133.

⁸ Там же, стр. 136.

⁹ «История Югославии», т. II, М., стр. 304.

В Загреб приезжали представители белградского театра. Они беседовали со Станиславским, интересуясь его работой, занятиями с актерами, расспрашивали о методах и возможностях совершенствования мастерства. Известно, что Станиславский беседовал с театральным критиком Пермачевичем, рассказывал ему о своих творческих принципах — искусстве представления, переживания и др.¹⁰ Интервью Пермачевича со Станиславским было опубликовано в загребской газете «Rijeci» от 18 ноября 1922 г. В статье были подробно изложены творческие принципы Станиславского¹¹.

19 ноября, по окончании триумфально прошедших гастролей, труппа МХАТ послала приветственное письмо загребскому театру:

Загреб, 19-го ноября 1922 года
Национальному театру в Загребе

С тех пор, как группа наших артистов, бывшая два года тому назад в Загребе, рассказала о том приеме, который им здесь оказали, мы привыкли считать Ваш Театр близким нам, а Загреб — родным нам городом. Теперь судьба счастливо привела весь Московский Художественный театр в прекрасную столицу Хорватов, и мы убедились, что наши товарищи не ошиблись в своей любви и привязанности к Вам. Вы все так чутко и тонко поняли наше искусство, проявили по отношению к нам столько безграничного внимания, столько самой искренней ласки, что память о нашей встрече навсегда останется в наших сердцах самой дорогой и радостной.

Горячо, от всей души благодарим Вас за Ваше признание и любовь и, расставаясь с Вами, мы верим, что говорим друг другу не «прощайте», а «до свидания»¹².

Письмо было зачитано Качаловым после последнего спектакля, вслед за речью Станиславского, и вручено режиссеру Гавелле. «Этот адрес, написанный на русском языке, позже был вставлен в рамку и долгие годы находился в интендантской нашего театра на почетном месте как один из самых надрагоценнейших и дорогих реликвий дней гастролей великих русских артистов в нашей среде. За время гитлеровско-фашистской оккупации его не стало. Вероятно, его уничтожили слуги оккупатора в своей слепой и глупой ненависти ко всему русскому и славянскому»¹³.

В тот же день, 19 ноября, директор загребского театра прислал письмо Станиславскому:

Национальный театр, Загреб
Милостивый государь,
глубокоуважаемый Константин Сергеевич,
позвольте мне от имени загребского Национального театра самым сердечным образом поблагодарить Вас и Ваших друзей по Художественному театру за большую честь и несказанное эстетическое удовольствие, оказанное как городу Загребу и Народному театру, так и лучшей части его общественности незабываемым визитом Художественного театра на нашей сцене. Прошу Вас, милостивый государь, а равным образом и Ваших друзей, принять за все это нашу искреннюю благодарность и большое хорватское спасибо от нас как Ваших славянских братьев, родственность которых помогла им почувствовать и понять всю величину красоты и гордости славянского художественного творчества.

Бесконечно жалея о том, что досадная болезнь мешает мне все это сказать Вам и Вашим друзьям лично, пожать Вам дружески руки, позвольте мне насто-

¹⁰ Н. Н. С и б и р я к о в. Станиславский и зарубежный театр. «Искусство», 1967, стр. 61.

¹¹ S. B a t u š i ć. Ibid., s. 103—109.

¹² Музей МХАТ. Архив гастролей.

¹³ S. B a t u š i ć. Ibid., s. 113—114.

ящим образом пожелать Вам всего лучшего на Вашем светлом пути, на котором будут Вас следить с неослабевающим вниманием наши сердца. Еще раз — душевный привет всем Вашим, а Вам до земли кланяется и дружески жмет руки
Юлий Бенешич¹⁴.

В тот же день Станиславский ответил Бенешичу следующим письмом:

Загреб 19 ноября 1922 г.
Глубокоуважаемый и дорогой
г. Интендант,

не нахожу слов, чтобы выразить Вам от лица всего Московского Художественного Театра и от себя лично самую глубокую, сердечную признательность за Ваше доброе внимание и ласковое письмо.

Дни, проведенные в Загребе, и работы в Вашем чудесном Театре останутся навсегда самыми радостными в нашей памяти. Мы бесконечно счастливы, что судьба привела нас в прекрасный Загреб, где мы видели по отношению к нам так много самой искренней любви, и нам хочется верить, что отныне связь между нами будет долгой и прочной, связь не только наша личная, но и между нашими Театрами, дружески слитыми вместе общей любовью к искусству. Нам очень грустно, что болезнь Ваша лишила нас возможности видеть Вас все последние дни в Театре. Желаем Вам скорейшего выздоровления и всего, всего хорошего.

Низко Вам кланяемся и просим принять Вас общий дружеский привет.

Сердечно благодарный и искренне уважающий Вас К. Станиславский¹⁵.

К письму была приложена фотография Станиславского с дружеским посвящением.

21 ноября труппа МХАТ, которую загребчане проводили с большой торжественностью и сердечностью, отбыла из Загреба на дальнейшие гастроли по маршруту Прага — Берлин — Париж. И вот в Париж, в Театр на Елисейских Полях, пришла телеграмма из Загреба: «Сердечно поздравляем демонстрацией славянского драматического искусства в столице мировой культуры. Народный театр Бенешич»¹⁶.

Из Парижа последовал следующий телеграфный ответ: «Искренне благодарим. В счастливые дни триумфа русского искусства вспоминаем друзей и славянских братьев дорогих загребчан. Станиславский, Подгорный, Леонидов, Бертенсон»¹⁷.

В октябре 1928 г. МХАТ отмечал свое 30-летие. 26 октября в Народный театр пришло приглашение на юбилейные торжества МХАТа в Москве. В тот же день Народный театр Загреба прислал поздравление МХАТу¹⁸.

12 ноября 1928 г. МХАТ благодарит Народный театр следующим письмом: «Московский Художественный Театр глубоко тронут вашим поздравлением по случаю своего тридцатилетия. Ваше упоминание о результатах, которых Московский Художественный Театр добился в прошлом, как и вера в его будущее, дадут ему силы и энергию в его дальнейшей деятельности. К. Станиславский, В. Немирович-Данченко»¹⁹.

Единственным делегатом от Югославии, кто присутствовал на юбилее, был доктор Бранко Гавелла, в то время — директор и режиссер белградской драмы. Прекрасно и разносторонне образованный, смелый экспериментатор, Гавелла был неизменным сторонником и пропагандистом системы Станиславского. У себя на родине он постоянно утверждал положительное влияние системы Станиславского и советского театра

¹⁴ Музей МХАТ. Архив КС, № 20 16.

¹⁵ S. B a t u š i ć. Ibid., 118—120.

¹⁶ Ibid., s. 121.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid., s. 126.

¹⁹ Ibid., s. 126—127.

в целом на театр Югославии²⁰. Будучи в 1928 г. в СССР, он выступал в Москве с докладом о культурной жизни Югославии и говорил об огромном влиянии советского театра на театры своей родины²¹.

Станиславский в письме к директору Большого театра от 28 марта 1930 г. рекомендовал Бранко Гавеллу в театр в качестве режиссера, попутно давая ему весьма лестную характеристику: «Есть в Югославии... способный и опытный режиссер Гавелла. Недавно он просился к нам в театр... Я видел одну или две его постановки и нахожу их талантливыми. Все наши актеры, которые были в Загребе, где он тогда служил, видели больше меня, и все от него в восторге... Быть может он (Гавелла) Вам будет полезен. У него хорошая и смелая фантазия. Он что-то вроде революционера считается в своем отечестве. Там ему не дают хода, он бунтует. Поэтому ... его считают на родине б е с п о к о й н ы м человеком...»²².

Но несмотря на триумфально прошедшие гастроли МХАТ в Загребе и, казалось бы, установившиеся внешние контакты, настоящие творческие связи советского театра с театром буржуазной Югославии укреплены не были.

Широкое распространение творческих принципов Станиславского и их серьезное и глубокое изучение стало возможным только после 1945 г. В это время на сербском языке вышла под названием «Система» книга Станиславского «Работа актера над собой». Преподавание самой системы вошло в учебный план заградской Государственной театральной школы и Драматической студии Хорватского народного театра. В этот же период систему Станиславского стали широко использовать многие югославские режиссеры и актеры, о чем свидетельствует ряд работ югославских театроведов и критиков.

В 1948 г. вышла в свет упоминаемая мною выше книга историка югославского театра Славко Батушича «Станиславский в Загребе». Автор подробно прослеживает распространение идей Станиславского в театральном искусстве Югославии, говорит о благотворном влиянии его системы на хорватский театр даже в тот период, когда эта система не была еще сформулирована в капитальных трудах Станиславского (его мысли о внутренней художественной дисциплине как первооснове творчества, о реализме, о том, что нет «больших» и «малых» ролей и т. д.).

В 1949 г. вышла книга театрального критика Марьяна Матковича «Драматургические очерки»²³, в которой [автор, анализируя творчество отдельных, наиболее известных югославских актеров и режиссеров и, в частности, Дубравко Дуйшина и Тито Строцци, многократно говорит о работах и системе Станиславского, оказавшей на них существенное влияние. О традициях Станиславского в Югославии писал Милан Дединац²⁴, Августин Стипчевич²⁵; творчество русского режиссера рассмотрено в книге Братко Крефта²⁶. И по сей день идеи Станиславского живут в югославском театре.

²⁰ «История Югославии», т. II, стр. 305.

²¹ «Театр», 1967, № 40, стр. 140.

²² К. С. Станиславский. Собр. соч., т. 8. М., 1961, стр. 242.

²³ М. М а т к о в и ч. Dramaturški eseji. Zagreb, 1949.

²⁴ М. Д е д и н а ц. Там же, стр. 98. Воспроизведем одно любопытное свидетельство этого автора: «Книга Станиславского „Работа актера над собой“ (в нашем переводе „Система“) лежит на столе каждого нашего заинтересованного работника театра, который старается познакомиться с методом работы великого артиста, режиссера и педагога. Наш человек знакомится с системой и пытается ее использовать» (стр. 119—120).

²⁵ «Театр», 1958, № 1—2.

²⁶ В. К р е ф т. Gledalište in revolucija. Ljubljana, 1963.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Проходящий в настоящее время процесс консолидации молодежного движения и воссоздания единой организации — Социалистического союза молодежи Чехословакии показывает настоятельную необходимость изучения прогрессивных традиций движения молодежи. Вместе с тем разработку отдельных проблем истории молодежного движения, характеристике его важнейших этапов в революционной борьбе трудящихся Чехословакии до сих пор уделяется недостаточное внимание. В советской исторической литературе нет работ, специально посвященных изучению революционного движения молодежи в Чехословакии. Общая постановка проблемы дается лишь в диссертации В. В. Делегана¹.

В Чехословакии научная разработка истории революционных молодежных организаций началась в последнее десятилетие. Вышедшие в 50-е годы первые работы по молодежной проблематике носили научно-популярный характер². В конце 50-х — начале 60-х годов были предприняты попытки детального исследования истории молодежного движения на отдельных этапах развития револю-

ционной борьбы и в отдельных областях страны³. Эти работы, охватывали в основном период 30-х и отчасти 20-х годов.

Вскоре были предприняты и первые шаги по координации исследований в этой области. Созданная при Институте истории КПЧ в Праге Комиссия по истории движения молодежи (май 1962 г.) организовала ряд семинаров по проблематике молодежного движения⁴. Один из них был посвящен теоретическим и методологическим вопросам изучения истории молодежного движения (сентябрь 1964 г.). В выступлениях Й. Бартоша и Г. Мейдрова на этом заседании отмечалась необходимость учета специфики

¹ В. В. Делеган. Революционное молодежное движение в Закарпатской Украине в 1918—1929 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ужгород, 1969 г. (на украинском языке).

² «О pokrokovém hnutí mládeže». Praha, 1955; «Fakta a cifry o životě mládeže v CSR». Praha, 1954, 1957; F. Nečasek. Mláďi Klementa Gottwalda. Praha, 1954; J. Kresta. Karel Aksamit. Praha, 1956; Z. Golotiková. Gotwald na Slovensku. Bratislava, 1953; Сюда же следует отнести работы: J. Kazimour. Hlas roku 1848. Praha, 1948; J. Bartoš. Pod vedením strany. Praha, 1961; F. Subrt. Fakta o postavení československé mládeže dříve a dnes. Praha, 1960.

³ H. Mejdrová. Historie Svazu mláďých. Praha, 1959; ее же. Z dějin Československého Komsomolu v. 1. 1924—1929. Praha, 1961; H. Hrozáni. Slovenská mládež v obrane republiky proti fašizmu a vojne. Bratislava, 1956; H. Tkadlečková-Hrozáni. O veducej úlohe KSC v mládežníckom hnutí (1921—1929). Sbornik filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Bratislava, 1961—1962; P. Sandor. Kapitoly k dejinám mládeže v národnooslobodzovacom boje. Bratislava, 1959; I. Tesár. Z bojů pokrového studentstva v. 1. 1930—1938. Praha, 1959; ео же. Revolučné hnutie študentstva v kapitalistickom Československu. «Príspevky k dejinám KSC», 1962, č. 1; ео же. Komunistické študentské hnutie na pražských vysokých školách v predmnichovské republice. «Akta Universitatis Carolinae». Historica. 1962, f. 1, d. III. Региональная тематика нашла отражение в статьях Ц. Нечаса (Острава). См. «Slezský sborník», 1960, č. 3; 1961, č. 1—2 и Ф. Зржидкавеселого (Брно). См. «Sborník Matice Moravské», 1961.

⁴ Информацию о деятельности Комиссии в этом направлении см. «Príspevky k dejinám KSC», 1963, № 4; 1964, № 6; 1965, № 6; 1966, № 1.

движения молодежи⁵. В историографическом обзоре, представленном Й. Бартошем, справедливо отмечались недостатки, свойственные большинству работ по проблематике молодежного движения: низкий теоретический уровень исследования, недостаточный анализ объективных условий, в которых развивалась деятельность молодежных организаций, узкая источниковедческая база. Основным направлением в работе по изучению истории движения молодежи в Чехословакии было признано монографическое исследование. Комиссия наметила ряд тем по основным вопросам данной проблематики: вопрос о влиянии идей Октябрьской социалистической революции на молодежь, экономическое и политическое положение молодежи в буржуазной Чехословацкой республике, образование и становление коммунистической молодежной организации, антимилицаристская борьба прогрессивной молодежи, вопрос о влиянии на молодежь буржуазной и реформистской идеологии, участие молодежи в борьбе за демократию и социализм во второй половине 30-х годов и др.

Вместе с тем, источниковедческая база для последовательной разработки вопросов истории молодежного движения подготовлена пока недостаточно. До сих пор нет публикации материалов, отражающих состояние революционного молодежного движения в целом по стране. В настоящее время существуют лишь две специальные публикации документов по этой проблематике: сборник документов о движении революционной молодежи Словакии в 1921—1938 гг. и сборник документов о деятельности Коммунистического союза молодежи в Моравии за тот же период⁶. Составители названных публикаций предоставили возможность широкому кругу читателей ознакомиться с рядом интересных документов об участии пролетарских организаций молодежи Словакии и Моравии в революционной борьбе. Однако слишком широкие хронологические рамки обоих сборников и иногда случайный подбор документов снижают научную ценность этих изданий⁷. В документальной публикации о революционной молодежи Словакии даже до-

пущены фактические неточности. Устав Союза социалистической рабочей молодежи Словакии и кодекс под названием «Наш закон» были приняты на учредительном съезде Союза 23—24 мая в Липтовском Микулаше, а не на съезде, состоявшемся 5 сентября 1920 г. в Братиславе, когда организация была переименована в Союз коммунистической рабочей молодежи Словакии. Содержание названных документов не соответствует постановлениям сентябрьского съезда. Выставка «Коммунистической молодежи!», выпущенная Исполкомом КСМ Чехословакии по поводу репрессий властей, обрушившихся в марте — начале апреля 1921 г. на молодежные организации, ошибочно датирована 7 февраля. В действительности, она была издана в конце апреля — начале мая. Составители сборника о революционной молодежи Моравии заведомо сузили источниковедческую базу, ограничившись лишь материалами из государственного архива Брно. Спорным представляется и их методологический подход к изданию документов: в сборник включены лишь документы буржуазных государственных органов, которые односторонне отражают деятельность молодежных организаций. Отчасти такой подход объясняется объективными причинами, связанными с тем, что в условиях, в основном, полулегального существования революционных молодежных организаций некоторые их материалы не сохранились. Однако авторы публикации имели возможность включить в нее часть документов самих молодежных организаций, хранящихся в том же брненском архиве, перечень которых дан в приложении.

Отдельные архивные документы, освещающие различные стороны деятельности революционных организаций молодежи, включены в тематические сборники по истории революционного движения трудящихся Чехословакии⁸. В частности, в них впервые полностью опубликованы такие известные теперь документы, как Манифест кладненской социал-демократической молодежи (сентябрь 1919 г.), открыто высказавшийся в поддержку Коммунистического Интернационала, резолюция Учредительного съезда Союза чешской коммунистической молодежи и Обращение Объ-

⁵ См. «O specificnosti hnutí mládeže». Materiály z konference, pořádáné Komisi pro dějiny hnutí mládeže 22 IX 1964 v Praze. Praha, 1965.

⁶ «Revolúčná mládež Slovenska v boji o dnešok». Sborník dokumentov o boji komunistickéj mládeže proti kapitalizmu v rokoch 1921—1938. Bratislava, 1958; «Pod praporem KJM». Sborník dokumentů k dějinám Svazu komunistické mládeže na Moravě 1921—1938. Brno, 1962.

⁷ Рецензии см. «Historický časopis», 1959, № 1; «Příspěvky k dějinám KSC», 1963, № 2.

⁸ «Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce v Československu (1917—1921)». Praha, 1957; «Založení KSC». Sborník dokumentů (1917—1924). Praha, 1954; «V bojích se zocelila KSC» Sborník dokumentů (1921—1938). Praha, 1956; «Prosinčová generální stávka 1920». Praha, 1961; «Za armádu lidu». Sborník dokumentů k bojovým tradicím našeho lidu a vojenské politice KSC (1918—1945). Praha, 1960; «Studijní materiály k dějinám KSC v. 1. 1921—1924». Praha, 1959.

динительного съезда КСМ к рабочим всех национальностей Чехословацкой республики, в котором содержался призыв к созданию интернациональной Коммунистической партии Чехословакии. Как известно, революционная молодежь Чехословакии первой преодолела национальный раскол и создала единую интернациональную организацию — Коммунистический союз молодежи.

Интересный материал содержится в публикации документов о деятельности буржуазной организации «Сокол»⁹, которая оказывала сильное идеологическое воздействие на все социальные группы молодежи. Материалы сборника воссоздают обстановку первых лет существования Чехословацкой республики, в которой формировалось революционное молодежное движение. В нем приведены многочисленные документы об участии соколовской молодежи в деятельности так называемых «охранных отрядов», направленной против революционных выступлений трудящихся в первые месяцы существования Чехословацкого государства, в контрреволюционных действиях чехословацких вооруженных сил против Венгерской и Словацкой Советских республик, в подавлении декабрьской забастовки рабочего класса 1920 г. Политическая борьба в стране, в частности, революционная активность молодежных организаций, отражена в документальных публикациях «Еженедельные сообщения президента чехословацкого политического управления в Праге о ситуации в Чехии в 1919—1920 гг.»¹⁰ (аналогичный материал о периоде 20—30-х годов хранится в фондах Архива канцелярии президента республики) и «Борьба за направление развития Чехословацкого государства»¹¹. Представляет интерес помещенная во второй публикации резолюция антимилитаристского митинга левой социал-демократической молодежи (Стржибрж, 1 августа 1920 г.), в которой революционно настроенная молодежь выступила с критикой популярного тогда пацифистского требования замены постоянной армии милицией. Левые социал-демократы заявили, что антимилитаристскую пропаганду они рассматривают как средство разложения буржуазной армии — орудия буржуазного государства. В знак солидарности с Советской Россией и с революционным

рабочим движением участники митинга призвали молодежь усилить революционную пропаганду в армии. Отношение молодежи к чехословацкой армии было одним из основных вопросов, по которым проходило размежевание в молодежном движении.

Дополнительным источником для исследования истории молодежного движения являются воспоминания участников революционной борьбы и прежде всего активистов молодежных организаций. К 40-летию Коммунистического союза молодежи Чехословакии был издан сборник воспоминаний бывших комсомольцев 20 — 30-х годов: Эмиля Гршела, Иржи Котятко, Рудольфа Реймана, Ярослава Германа и др.¹² Большой интерес для историков представляет также публикация воспоминаний о студенческом прогрессивном движении 30-х годов¹³. Часть воспоминаний опубликована в сборниках, посвященных образованию КПЧ. За последнее десятилетие мемуарная литература пополнилась рядом воспоминаний деятелей коммунистического движения Чехословакии, революционный путь которых начался в молодежных организациях: Вацлава Копецкого, Рудольфа Гаека, Карела Кнешке, Имриха Киша, Кете Бекмановой, Яна Поничана и др.¹⁴ Они существенно восполняют недостаток других источников о начальном периоде формирования революционного молодежного движения. Сведения, содержащиеся в воспоминаниях Р. Гаека, К. Кнешке, И. Киша помогают восстановить обстановку в пролетарских организациях чешской, немецкой и словацкой молодежи накануне раскола социал-демократического движения в Чехословакии.

В связи с 50-летием со дня образования КПЧ и КСМ чехословацкая молодежная газета «Млада фронта» публиковала в специальной рубрике материалы, посвященные этой дате. В частности, 30 октября 1970 г. газета поместила запись беседы своего корреспондента с активистом молодежного движения Слова-

⁹ J. Marek, L. Roubal. Dokumenty k úloze Sokola v období boje o charakter republiky v l. 1918—1920. Praha, 1965.

¹⁰ «Souhrnná týdenní hlášení Prezidia zemské spravy politické v Praze o situaci v Čechách l. 1919—1920». Praha, 1959.

¹¹ «Boj o směr vyvoje Československého státu». Díl I, Praha, 1965; díl II, Praha, 1969.

¹² «Sílú nám dávala strana. Vzpomínky našich komšomolců». Praha, 1961. Сборник составлен на основе записи бесед, организованных Институтом Истории КПЧ в Праге осенью 1956 г.

¹³ «Za lepší svět». Sborník statí a vzpomínek na studentské pokrokové hnutí 30-čh let. Praha, 1963.

¹⁴ V. Kopecký. ČSR a KSČ. Praha, 1960; R. Hájek. Za námi cesta neschůdná. Praha, 1966; L. Novomeský. O DAVe. «Dějiny a součastnost», 1964, č. 5; «1921. Spomienky na vznik KSČ». Bratislava, 1961; «Říjen 1917. Vzpomínky na jeho ohlas u nás». Praha, 1957; «DAV. Spomienky a štúdie». Bratislava, 1965.

нии Эугеном Леви, который поделился воспоминаниями об участии молодежи восточной Словакии в революционной борьбе трудящихся начала 20-х годов.

Появление монографических работ Г. Ткадлечковой о комсомоле Словакии¹⁵ и Ц. Нечаса о революционной молодежи Остравы¹⁶ свидетельствует о том, что начался новый этап в научной разработке истории революционного молодежного движения. В этих монографиях систематически изложена история революционной борьбы пролетарских молодежных организаций Словакии и Остравского края в буржуазной республике. В отличие от предшествующих работ по региональной тематике авторам названных монографий удалось показать специфику молодежного движения этих областей страны и его место в общем революционном процессе. Периодизация истории движения молодежи в этих работах соответствует основным этапам революционной борьбы трудящихся Чехословакии в домопхенской республике. Вместе с тем, для воссоздания полной картины революционного молодежного движения необходимо было хотя бы кратко осветить деятельность революционных физкультурных организаций, которые развивались в контакте с политическими молодежными организациями и играли важную роль в борьбе за ориентацию молодежи. Вне рамок исследования — это замечание относится прежде всего к книге Г. Ткадлечковой — осталось и студенческое движение. Революционное словацкое студенчество не имело столь глубоких традиций борьбы, как чешское, однако, коммунистическая студенческая фракция, созданная в Братиславе в 1924 г., активно действовала в коммунистическом молодежном движении. В рецензиях на работу о комсомоле Словакии основной упрек был сделан за ограничение поставленной темы рамками политической организации пролетарской молодежи¹⁷. Монография Ц. Нечаса охватывает более широкий круг вопросов. Исследователь истории молодежного движения в Остравском крае предпринял попытку проанализировать социальное и политическое положение рабочей молодежи Остравщины в буржуазной республике. На основе большого фактического материала регионального характера автору удалось рассмотреть основные аспекты использования труда молодежи в отдельных отраслях производства промышленного

Остравского края. В его монографии по существу впервые характеризуются условия материального положения пролетарской молодежи, показаны социально-политические условия возникновения и формирования революционного движения остравской молодежи. Вместе с тем, необходимо было бы более подробно рассмотреть факторы, отвлекавшие молодежь от революционной борьбы, показать источники и каналы политического и идеологического воздействия буржуазии и реформистов на молодежь. Эти вопросы имеют принципиальное значение для раскрытия темы.

В 1967 г. в Праге были изданы «Очерки истории прогрессивного молодежного движения в Чехословакии», состоящие из двух частей. Первая часть посвящена периоду 1918—1938 гг. Хронологические рамки второй включают события от начала оккупации Чехословакии до 1960 г.¹⁸ Эта коллективная работа чехословацких историков (в написании шести глав ее первой части принимали участие Й. Бартош, редактор издания, Г. Мейдрова, Г. Ткадлечкова, Ц. Нечас и Я. Ришанкова) состоит из очерков по истории прогрессивных молодежных организаций Чехословакии на основных этапах революционного движения до конца 30-х годов. Авторы удачно справились со своей главной задачей — дать постановку основных проблем молодежного движения. При создании Очерков коллектив столкнулся с трудностями, связанными с неравномерностью разработки отдельных проблем и важнейших этапов движения молодежи. Это проявилось и в методе изложения материала. В частности, обзор развития физкультурных и скаутских организаций зачастую дается изолированно от истории политических организаций молодежи. В очерках о социальном и экономическом положении молодежи отсутствуют основные демографические данные, которые при последующем изложении необходимо сопоставить с численностью отдельных молодежных организаций. Названная публикация задумана как основа для создания более глубоких работ по отдельным проблемам молодежного движения в Чехословакии. В этой связи серьезные замечания вызывает библиография к книге. Литература (в том числе и рукописные работы) и источники, сгруппированные по отдельным периодам революционного движения, приведены в общем списке в алфавитном порядке. К тому же этот список далеко не полный. Почти не по-

¹⁵ H. T k a d l e č k o v á. Dějiny Kom-somolu na Slovensku I. 1918—1938. Bratislava, 1964.

¹⁶ C. N e č a s. Hnutí ostravské revoluční mládeže v období buržoazní republiky. Ostrava, 1967.

¹⁷ См. «Новый мýсл», 1964, № 11; «Příspevky k dějinám KČSČ», 1964, № 6.

¹⁸ «Dějiny pokrokového hnutí mládeže v Československu (nástin)». Díl I. Období 1918—1938. Díl II. Období 1939—1960. Praha, 1967. В настоящем обзоре рассматривается лишь первая часть публикации.

лучили отражения публикации, характеризующие социально-экономическое положение молодежи: официальные статистические сборники и периодические издания, парламентские отчеты, издания органов социального обеспечения (в частности, журнал «Пече о младежь»). Думается, что целесообразнее вообще было бы сгруппировать источники по общепринятому принципу: архивные материалы (обзор фондов), опубликованные документы и материалы, периодические издания и пресса. Кстати сказать, и молодежная пресса представлена далеко не полностью. Помимо названных в списке центральных органов в Словакии выходили газеты: «Млады дельник» (орган словацкой революционной рабочей молодежи), «Напред» (орган социал-демократической организации Словакии) и «Ифью Гарда» («Молодая гвардия» — орган Союза социалистической рабочей молодежи Словакии, выходила на венгерском языке)¹⁹. Свои газеты издавали революционные физкультурные организации («Вибой» — центральный орган Федерации рабочих физкультурных объединений и «Спартакус» — газета словацких РФО, редактируемая в начале 20-х годов К. Готвальдом). В перечень периодических изданий следовало бы также включить журнал «Вар», издаваемый известным общественным деятелем Чехословакии профессором

¹⁹ Исследователи, занимающиеся историей рабочего движения в Словакии, предполагают существование словацкого варианта журнала, однако, до сих пор не удалось обнаружить его номеров. Устав Союза социалистической молодежи Словакии предусматривал издание «Молодой гвардии» на словацком и венгерском языках. (см. «Bibliografie slovenských a inogrodných novin a časopisov z rokov 1919—1938». Martin, 1968, s. 28).

З. Нееды, который освещал вопросы прогрессивного студенческого движения. Журналы молодой словацкой интеллигенции «Млады Словенско» и «Своесть» (выходил в 1922 г.) представляют большой интерес для изучения начального периода идейного становления группы революционных студентов — «Свободное объединение студентов-социалистов из Словакии». Источниковедческая база исследования о революционном молодежном движении будет весьма неполной без использования прессы Коминтерна и Коммунистического Интернационала Молодежи. В периодических изданиях ИК КИМ «Интернационал молодежи», «Международная юношеская корреспонденция» и «Бюллетень ИК КИМ» помимо документов и материалов Коминтерна и КИМ систематически публиковались статьи и корреспонденции активистов национальных молодежных организаций, в том числе КСМ Чехословакии. Эти материалы помимо содержащихся в них фактических данных по отдельным странам отражают идейно-политический уровень развития международной молодежи. К сожалению, эти периодические издания также не вошли в список источников названной публикации.

Таким образом, библиография коллективного труда, который отражает нынешнее состояние изучения истории молодежного движения в Чехословакии, не дает полного представления об источниках и литературе по данной теме. Рассматриваемая обзорная работа пока является последней вышедшей публикацией чехословацких историков по молодежной проблематике. Перед исследователями стоит задача глубокого и все стороннего освещения вопросов истории революционного молодежного движения в Чехословакии.

М. И. Копашева

Z. ŁUKAWSKI. *Polacy w rosyjskim ruchu socjaldemokratycznym w latach 1883—1893. Kraków, 1970, 151 s.*

З. ЛУКАВСКИЙ. *Поляки в русском социал-демократическом движении в 1883—1893 гг.*

Монография Зыгмунта Лукавского (Ягеллонский университет) посвящена недостаточно изученному периоду истории русско-польских революционных связей — 80—90-м годам XIX в., а именно участию поляков в первых социал-демократических кружках России. Материал, почерпнутый им в советских и польских архивах, в опубликованной литературе, оказался, однако, настолько

разнообразным, что исследователю пришлось сплошь и рядом выходить за рамки поставленной задачи и немало говорить об организационных связях русских и польских конспиративных кругов, о влиянии опыта польского рабочего движения на русское и т. п., а также в ряде случаев касаться специальных, узких проблем русского и польского революционного движения. Книга З. Лукавского

представляет, таким образом, двойкий интерес: для польского читателя она, помимо центральной темы, в обзорной форме излагает главные проблемы революционного движения в России указанного периода, для советского читателя — освещает малоизученные стороны нашей истории.

В первой главе рассматривается вопрос об участии польских революционеров в проведении социал-демократической пропаганды в Петербурге, характеризуется польская студенческая среда, из которой выходили участники конспиративных кружков. З. Лукавский указывает на неизученность связей социал-демократических групп Д. Благоева и П. В. Точисского с польскими социалистами. Отрывочные сведения, найденные им в архивах, тоже не проясняют этой частной проблемы, тем не менее они могут служить исходным рубежом для новых архивных поисков. Более существенные результаты достигнуты З. Лукавским, когда он обращается к изучению Рабочего союза — группы М. И. Бруснева. З. Лукавский опубликовал ряд новых ценных сведений, дополняющих картину русско-польских революционных связей в Петербурге в рассматриваемый период, что делает его исследование несомненно полезным. Однако некоторые его выводы спорны и нуждаются в уточнении и более основательной аргументации. Прежде всего это относится к вопросу о генезисе брусневской группы. Большинство историков придерживается мнения, что Рабочий союз возник в 1889 г. Неопубликованные архивные материалы и воспоминания современников приводят к заключению, что истоки Рабочего союза надо относить к более раннему времени, вероятнее всего, к осени 1887 г. С этим согласен и З. Лукавский. Сопоставляя агентурные сведения Департамента полиции и воспоминания М. И. Бруснева, польский историк пришел к заключению, что брусневская организация ведет свое начало с момента слияния кружка студентов Технологического института (Г. В. Петровский, А. С. Диордиенко, В. Н. Переверзев, студент университета В. В. Зелененко, бестужевка В. Д. Гурари) и кружка Габриэля Родзевича (Юлия Родзевич и студент университета В. С. Голубев¹). Это утверждение автора неубедительно по двум соображениям. Во-первых, нельзя судить о составе того или иного революционного кружка

на основании только одного агентурного донесения. Ведь хорошо известно, что подобного рода документы зачастую грешат серьезными неточностями, а иногда были и просто сомнительного происхождения. В справке Департамента полиции, на которую ссылается З. Лукавский, речь идет, по-видимому, об одной из многих в то время студенческих сходок, обсуждавших программные разногласия народолюбцев и марксистов². Во-вторых, указания даже такого авторитетного свидетеля, как М. И. Бруснев, нуждаются в уточнениях, и в данном конкретном случае не могут считаться бесспорными. Автор монографии не обратил внимания на то обстоятельство, что в своих воспоминаниях М. И. Бруснев пишет, что не знал как следует состав кружка Г. Родзевича, поскольку сам был кооптирован в уже действовавшую организацию только в 1889 г.³ По той же причине Бруснев вообще почти ничего не говорит о деятельности петербургского социал-демократического центра в период до 1889 г. По нашему мнению, при рассмотрении вопроса о генезисе Рабочего союза предпочтение нужно отдавать воспоминаниям Бронислава Лелевеля⁴, которые хотя и написаны много позднее событий, но в ряде моментов подтверждаются архивными документами, делающими, следовательно, указанные воспоминания более весомым источником в части истории возникновения брусневской группы. По свидетельству Б. Лелевеля становление социал-демократического центра рисуется в следующем виде. Сначала возникает марксистский кружок в составе: Г. В. Петровский, В. Н. Иванов, Г. и Ю. Родзевичи, затем к ним присоединяются Б. Лелевель, А. Косинский, П. А. Голубев (студент Горного института) и А. О. Перфильев. Вокруг этого кружка на протяжении конца 1887 — первой половины 1889 г. группировались сторонники марксизма в петербургском подполье. Отсюда и ведет свое начало брусневская организация.

В структурном отношении петербургский Рабочий союз состоял, как известно, из сети рабочих кружков во главе с Центральным рабочим кружком и Цен-

² Кстати, этот документ не удается критически проверить: на указанных автором листах архивного дела значится совсем другой документ (см. стр. 29, сноска 66).

³ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания). «Пролетарская революция», 1923, № 2 (4), стр. 19.

⁴ B. L e l e w e l. Przyczynek do dziejów udziału Polaków w rosyjskim ruchu rewolucyjnym (1886—1890). «Niepodległość». Warszawa, 1934, t. X, z. 1 (24), s. 138—140.

¹ В. С. Голубев не мог входить в кружок Г. Родзевича. Из воспоминаний самого В. С. Голубева видно, что пропагандой среди рабочих он занялся лишь в начале 1889 г. См. В. С. Г о л у б е в. Страница из истории рабочего движения (памяти Н. В. Шелгунова). «Былое», 1906, № 12, стр. 108.

трального интеллигентского кружка студентов-пропагандистов. З. Лукавский склонен допустить, что в подобной структуре мог отразиться опыт польской рабочей социалистической организации «II Пролетариат», которая также состояла из руководящего рабочего центра и кружка интеллигенции (стр. 35). Конечно, это преувеличение. Одновременное существование рабочего и интеллигентского центров в рамках одной организации было характерно для социалистического движения того времени; процесс слияния социализма с рабочим движением, механизм такого слияния не мог происходить иным способом. Поэтому вопрос о приоритете в данном случае беспредметен.

Трудно согласиться с утверждением З. Лукавского, будто идея создания рабочих касс для материальной поддержки стачек пришла в рабочее движение Петербурга из Королевства Польского (стр. 46, 126). Подобного рода кассы предусматривались еще программой петербургского Соверного союза русских рабочих (1878—1880 гг.)⁵, который, как известно, учитывал практику западноевропейского рабочего движения. Кстати, указанную программу В. Н. Обнорский привозил в 1878 г. в Варшаву, где этот документ перевели на польский язык и распространяли в рабочих кружках. Рабочие кассы, имевшие целью среди прочего и поддержку забастовочного движения, были также у народо-вольцев и чернопередельцев⁶. З. Лукавский прав только в том отношении, что в начале 90-х годов польские студенты действительно в своей пропагандистской работе в конспиративных кружках Петербурга обращались к примеру польского рабочего движения, в частности, указывали на Союз польских рабочих, создавший сеть тайных касс сопротивления. Устав касс был известен не только в Петербурге, но и в Москве. Прав З. Лукавский и в том, что Союз польских рабочих раньше других применил метод массовой агитации, что этот метод не мог остаться незамеченным русскими социал-демократическими организациями (стр. 133). К сожалению, данный тезис автором не развит и недостаточно аргументирован, но он заслуживает дальнейшего всестороннего изучения.

Малоизученные источники использованы З. Лукавским при рассмотрении русско-польских революционных свя-

зей в периферийных кружках (вторая глава). Его наблюдения над идейной направленностью и конспиративными связями виленского социал-демократического кружка В. Селицкого представляют большой интерес; впервые деятельность этого кружка показана столь широко. Заслуживает внимания очерк о рижской группе «II Пролетариата» и польском студенческом кружке в Дерпте. Если раньше о внутренней жизни этого кружка знали только по воспоминаниям С. Стемповского и И. Мощницкого, то теперь благодаря монографии З. Лукавского прибавились новые источники в виде материалов полицейского розыска и следствия. Менее целостное впечатление производит подраздел об одесском подполье, хотя и в данном случае мимо архивных находок автора не пройдет ни один исследователь революционного движения 80—90-х годов.

В третьей и четвертой главах книги рассматривается вопрос об участии поляков в транспортировке и распространении социалистической литературы в России. Собранный З. Лукавским фактический материал в основном известен в научной литературе. Систематизированный и обобщенный исследователем, он убедительно показывает практические результаты сотрудничества русских и польских революционных кругов в трудных условиях конспирации. Автор пришел к выводу, на наш взгляд, правильному, что на первых порах русские социал-демократические кружки отсутствие собственной оригинальной агитационно-массовой марксистской литературы (издания группы «Освобождение труда» попадали на родину в считанном числе экземпляров) частично компенсировали польской революционной печатью, особенно переводными сочинениями Ш. Дикштейна и Э. Абрамовского. Автор объясняет успех польской литературы тем, что в тот период рабочее движение в Королевстве Польском находилось на более высоком уровне развития, было относительно более зрелым и массовым, чем в остальных областях Российской империи. Русские социал-демократы пытались изучить опыт политической борьбы польского пролетариата и ознакомиться с ним русских рабочих. Можно только сожалеть, что автор остановился на полпути, не попытавшись сопоставить польскую и русскую социал-демократическую печать с целью выявить общность политических концепций, взаимовлияние русской и польской социалистической мысли 80—90-х годов. Эта сложная, но увлекательная задача ждет своего исследователя.

В заключение укажем на один существенный недостаток рецензируемой монографии: довольно многие отсылки на архивы неправомерны, поскольку за-

⁵ См. «Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883—1894 годы). Документы и материалы». М., 1960, стр. 194.

⁶ См. подробнее соответствующие уставы: «Революционное народничество 70-х годов XIX века. Том II. 1876—1882 гг.». М.—Л., 1965, стр. 155, 156, 211—213.

ново «открывают» факты, уже имеющиеся в научном обороте. Тем самым автор невольно принижает приоритет своих предшественников (так получилось в отношении работ В. И. Невского, Э. А. Казакевич и Е. А. Соколовой, Н. П. Ми-

лютиной и некоторых других). Впрочем, этот просчет не снижает общего благоприятного впечатления от книги З. Лукявского.

А. М. Орехов

НОВАЯ КНИГА О БОЛГАРСКОМ БОГОМИЛЬСТВЕ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ

«Бугирите. Книга о попе Богомиле и его последователях»¹ — научно-популярный труд Борислава Примова, известного болгарского историка, автора двух десятков интересных исследований, посвященных происхождению и развитию богомильского учения, связям богомильства с дуалистическими ересями Западной Европы, значению Первого и Второго Болгарского царств в истории европейских народов. Новая книга Примова это, прежде всего, плод научных разысканий, творческого анализа и обобщений, цель которых — показать широкому читателю предреформационные истоки учения попа Богомила и его многочисленных последователей в других странах.

Книга построена не в обычной академической или описательной манере. Открывается она главой «Их называли бугарами», в которой на основе французских, фландрских, испанских, итальянских и немецких источников рассказывается о широком распространении в Западной Европе в XIII в. ереси «бугар», или «булгар». Кто были эти «бугари», что так самоотверженно жертвовали жизнью за свои убеждения? Ответ на этот вопрос ученый дает во второй главе — «Еретическая вера». В ней рассказывается о происхождении дуалистического учения болгарских богомилов, причем используются немногие сохранившиеся подлинные источники — сочинения как самих богомилов, так и их обличителей. В третьей главе — «Зарождение ереси и ее основатель» — Б. Примов увлекательно повествует о трудной эпохе царя Петра, о войнах, феодальных расприх, обнищании народа, о первых болгарских вольнодумцах, еретиках-дуалистах, появившихся на территории Болгарии в первой половине X в. Используя «Беседу» Козмы Пресвитера как исторический источник, болгарской ученый популярно и подробно пересказывает основные воззрения легендарного попа Богомила и его последователей, показывает своеобразие и оригинальность нового учения

по сравнению с павликианством (умеренный дуализм, близость к христианству, вера в торжество добра, резкая социальная направленность). Почему же именно Болгария явилась колыбелью антифеодального еретического движения в Европе? — так ставит вопрос Б. Примов. Ответ на него дается в четвертой главе — «Знание и ересь». Автор подробно рассматривает роль Кирилла и Мефодия в деле упорядочения славянской азбуки, в деле просвещения новообращенных славянских народов на родном языке. В эпоху средневековья, когда формировались народности стран Европы и их языки, официальным языком на Востоке оставался греческий, на Западе — латинский. Они не всегда были понятны широким народным массам. Господствующее положение занимала официальная, так называемая «трехязычная» доктрина, согласно которой богослужение могло совершаться только на одном из трех священных языков — еврейском, греческом или римском. Кирилл и Мефодий первые нанесли удар по этой доктрине. Болгария, Моравия и Русь становятся первыми в Европе центрами как официальной, так и неофициальной письменности на родном языке. Народ Болгарии, понимая богослужение и проповеди, стал относиться к священному писанию критически, что дало возможность лучшим его представителям выработать новое учение о вере и жизни — богомильство. Таким путем, по мнению Б. Примова, сформировалась основа богомильской идеологии. С помощью этой весьма интересной и смелой гипотезы ученый пытается восполнить недостаток фактических данных о генезисе богомильской доктрины. «Ересь шествует по миру» — так называется пятая глава книги, в которой сообщаются исторически достоверные факты и догадки исследователя о распространении богомильства в Малой Азии, Сербии, Боснии, Хорватии, Далмации, Киевской Руси. Шестая глава посвящена «Богомильскому искусству» — изображениям на богомильских надгробиях в Боснии. В седьмой главе — «Общий еретический фронт» — рассматривается типологическая общность ряда катарских и альбигойских еретических организаций с богомильством, этой религиозной оп-

¹ Б. Примов. Бугирите. Книга за поп Богомил и неговите последователи. Библиотека «Бележити българи», кн. 7. Издателство на Отечественния фронт. София, 1970, 384 стр.

позицией феодализму. В последней, восьмой главе — «Далекая заря реформации» — делается попытка, впрочем несколько натянутая, поставить богомильство и родственные ему западноевропейские течения в связь с нарождавшейся в XIV—XV вв. реформацией.

Приятное впечатление производят иллюстрации в книге: 3 карты и 34 фотографии. Весьма полная библиография специальных научных работ по богомильству и подстрочные примечания свиде-

тельствуют о большой эрудиции автора и свободном владении громадным и разнообразным материалом.

Книга содержит резюме на русском, французском и английском языках, а также списки иллюстраций и сокращений. Всем, кто захочет познакомиться с историей богомильства на широком фоне Европейской средневековой истории, труд Б. Примова будет полезен.

Ю. К. Бегунов

С. А. МАЛЕВИЧ. Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Кшивицкого. Изд-во Белорусского ун-та, 1971, 180 стр.

Монография С. А. Малевича посвящена выдающемуся польскому социологу, экономисту, антропологу, этнографу, психологу, педагогу, активному общественному деятелю. Автор проследил жизненный путь Л. Кшивицкого, его связи с Белоруссией и Россией, четко проанализировал социологические взгляды ученого по таким важнейшим проблемам, как народные массы и личность, общественные идеи и закономерности развития общества, нравственность и искусство, религия и другие.

Польский мыслитель, по словам исследователя, верил во всепобеждающую силу учения К. Маркса, в торжество идей научного социализма. Основное внимание в философских работах Л. Кшивицкого уделялось вопросам исторического материализма. Он указывал, что материалистическое понимание истории является выдающимся научным открытием, могучим средством революционного преобразования общества.

Л. Кшивицкий, анализируя социологические проблемы, пытался выявить зависимость социально-политических и идеологических явлений от экономического базиса, обратное влияние надстройки на базис.

Людвиг Кшивицкий родился в дворянской семье 21 августа 1859 г. в Плоцке. После окончания гимназии поступил в Варшавский университет на математическое отделение. Через русского студента он знакомится с «Капиталом» К. Маркса, вскоре становится членом социалистического кружка, организованного Станиславом Крусинским. Оставаясь на позициях революционного демократизма, «крусинчики» стремились путем легальной, публицистической деятельности распространять идеи социализма. Благотворное влияние на мировоззрение Л. Кшивицкого оказали также газета Кастуся Калиновского «Мужицкая правда», его дружба и связь с белорусскими революционными демо-

кратами Франтишком Богушевичем и Брониславом Белоблоцким.

Позже Л. Кшивицкий становится одним из активных руководителей польской партии «Пролетариат», отдельные организации которой были созданы и в ряде промышленных центров Белоруссии, в частности, в Витебске. Связь марксистской партии «Пролетариат» с революционным движением Белоруссии еще раз говорит о том, что она стояла на позициях интернационализма, братского единения рабочего класса всех национальностей в борьбе против общего врага — царизма.

В 1906 г. Ученый совет Львовского университета за монографию «Курпе» присудил Л. Кшивицкому ученую степень доктора философских наук. Вплоть до 1917 г. польский революционер проводил большую пропагандистскую работу в различных рабочих кружках и учебных заведениях, о чем похвально отзывался Феликс Дзержинский.

С 1918 по 1936 г. Л. Кшивицкий был профессором Варшавского университета, а с 1921 по 1939 г. руководил Институтом общественного хозяйства в Варшаве. Этот институт поддерживал научные связи с Институтом экономики АН СССР, Институтом истории АН СССР, Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, Коммунистической академией.

В последние годы своей жизни польский марксист работал над завершением исследования по истории первобытного общества. В 1934 г. он опубликовал работу «Первобытное общество и статистические данные о нем», а в 1957 г. посмертно в ПНР вышел его труд «Начало общественных связей». Умер революционер в оккупированной фашистами Варшаве 11 июня 1941 г.

Монография С. А. Малевича о Л. Кшивицком написана живо и увлекательно. Она заслуживает внимания читателя.

И. Шпадарук

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПАДЕЖА В ИССЛЕДОВАНИИ Е. В. ЧЕШКО
«ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО СКЛОНЕНИЯ»

В работе Е. В. Чешко¹ представлены две линии анализа: первая — теоретико-грамматическое исследование в области структурной семантической морфологии, вторая — собственно филологическое исследование фактов древнеболгарских и в особенности среднеболгарских памятников письменности. Эти две линии исследования сопряжены функционально: филологический анализ служит базой для структурно-грамматических обобщений, а результаты семантико-функционального анализа привлекаются для содержательного объяснения фактов памятников письменности, в том числе и таких, к которым обычно подходили лишь формально. К древне- и среднеболгарским памятникам обращен тонкий (даже изощренный) аппарат структурного оппозиционного анализа. Обе линии исследования служат глубокому познанию его объекта — истории болгарского склонения.

В этой заметке мы сосредоточим внимание лишь на теоретико-грамматической стороне работы Е. В. Чешко.

Монография решает сложные и обширные задачи. Изучена эволюция падежной системы в трех связанных друг с другом планах — истории форм, изменения морфологической системы и значений падежей, изменения в их функционировании. Это стало возможным прежде всего благодаря тому, что была решена чрезвычайно трудная задача интерпретации материала, представленного церковнославянскими памятниками среднеболгарского периода.

Е. В. Чешко приходит к убедительно обоснованному выводу о том, что переходу от синтетизма к аналитизму в именной системе болгарского языка предшествовал длительный процесс перестройки всей падежной системы. Сопоставление языка памятников начала и конца XIII в. позволило предположить, что в живом языке утрата родительного, творительного падежей и локатива произошла в XIII в. Удалось доказать, что уже в среднеболгарский период наблюдаются основные изменения в функциях дательного падежа, выявляемые при сопоставлении древнеболгарского с современным языком, прежде всего — сокращение возможностей употребления дательного падежа для обозначения неодушевленных существительных. Один из важных выводов работы состоит в том, что в говоре писца Норовской псалтыри (XIII в.) не было родительного, творительного и местного падежей, но были именительный, винительный и дательный. В результате исследования установлены изменения в области па-

дежного синкретизма. Убедительно предположение, что совпадение форм винительного и родительного падежей является следствием, а не причиной смешения этих падежей.

Е. В. Чешко подчеркнула важный фактор, обусловивший, наряду с другими причинами, перестройку болгарской падежной системы: процесс перераспределения функций между падежами, изменение значений падежей. На эту сторону истории болгарской падежной системы до сих пор не обращалось должного внимания. Е. В. Чешко выявила и описала такие существенные факты, как почти полное отсутствие противопоставления родительного партиципного и винительного в Супрасльской рукописи, тенденция к замене родительного второго объекта при аблативных глаголах конструкцией спредлогом «тч». Установлена зависимость: ослабление противопоставлений родительного и винительного падежей обусловило возможность проникновения винительного падежа в сферу функций родительного. Продолжение цепочки зависимостей: функциональное взаимодействие этих падежей способствовало смешению флексий винительного и родительного падежей, далее (конечный этап) — утрата родительного падежа и изменение значения винительного.

Концепция падежа в исследовании Е. В. Чешко строится на понимании системы падежей как морфологической системы, где падежные формы характеризуются единством грамматического значения. В этом отношении Е. В. Чешко следует Р. О. Якобсону². Трактовка падежа на данной основе получает в ее монографии такое развитие, которое можно, вероятно, считать во многих отношениях предельным в том смысле, что дальше уже трудно что-то сделать, оставаясь в целом в рамках теории инвариантных морфологических значений. Дальнейшее развитие теории падежа, как нам кажется, связано с необходимостью выйти за пределы данного теоретического круга.

В работе Е. В. Чешко представлена законченная, зрелая концепция, последовательно развитая с определенных теоретических позиций, и потому в ней особенно четко выявляются как сильные,

² R. J a k o b s o n. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1936; Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the Fourth International congress of slavists. Moscow, 1958», 's-Gravenhage, 1958.

¹ Е. В. Чешко. История болгарского склонения. М., «Наука», 1970, 320 стр.

так и слабые стороны теории инвариантных значений применительно к падежу.

Принципиально важным в теоретическом отношении представляется проводимое автором различие между морфологическим и семантическим планами в значении падежей. К первому плану относится морфологическое значение падежа, понимаемое автором как «тот минимум информации о тождестве и различиях падежа с другими падежами данной системы, носителем которого выступает падежная форма» (стр. 19). Этот «план грамматического представления» связан, по мысли автора, с инвариантными значениями падежей. К семантическому плану или плану грамматической семантики Е. В. Чешко относит контекстные значения падежей, т. е. значения, которые зависят не только от собственного значения падежа, но и от значения других слов — тех, связь которых обозначена формой данного падежа.

Это различие важно для анализа не только падежных, но и других грамматических форм, для общей теории грамматических категорий. Данное различие в более общем плане определяет разграничение грамматических форм, с одной стороны, как самостоятельных морфологических знаков, а с другой — как элементов знаковых комбинаций, где грамматическая форма является лишь одним из участников выражения определенных семантических комплексов. Тем самым проводится и различие между морфологической системой языка как таковой и морфологической системой в отношении к ее функционированию в речи.

В исследовании Е. В. Чешко детально и тщательно разработано описание частных падежных значений. Оно существенно не только для старославянской грамматики и исторической грамматики болгарского языка, но и для описательной грамматики других славянских языков. Проведенный автором анализ частных значений дательного падежа во многих отношениях может служить образцом, эталоном уровня и принципов описания фактов современных славянских языков, в том числе и русского. Е. В. Чешко вносит существенные коррективы и в уже хорошо разработанные области частных падежных значений. Так, например, тщательно обоснованы поправки и дополнения к классификации значений дательного падежа, предложенной А. Б. Правдиным³, к характеристике утраты локатива и творительного падежа. Анализ частных падежных значений — это не частный элемент исследования

Е. В. Чешко. Он имеет и общетеоретическое значение. Если у Р. О. Якобсона теория частных значений намечена лишь в самых общих чертах, то в исследовании Е. В. Чешко она получает развитие применительно к категории падежа.

Высокий теоретический уровень книги и широта исследования, основанного на огромном фактическом материале, позволяют свободно, не смягчая острых моментов, вести полемику с автором по некоторым спорным вопросам (спорным в широком смысле, на данном этапе развития науки, а не исключительно в трактовке автора).

Будучи сторонницей теории инвариантных морфологических значений, Е. В. Чешко стремится последовательно провести принцип инвариантности: общий различительный признак должен обнаруживаться во всех вариантах функционирования данной формы. В действительности падеж оказывает упорное сопротивление этой операции приведения к общему знаменателю абсолютно всех вариантов функционирования.

Одним из различительных признаков, которыми автор выделяет родительный падеж, является признак сигнализации о направленности действия от объекта. По этому признаку родительный падеж, по мнению Е. В. Чешко, противопоставлен винительному и дательному падежам (стр. 217). На наш взгляд, целый ряд типов употребления родительного падежа фактически не охватывается тем признаком, который этому падежу приписывается. Так, трудно увидеть направленность действия от объекта в случаях типа *и коснѣвъ са яго рукама* (Супр. 566—12). Если действие касается объекта, то это, на наш взгляд, означает приближение к объекту, направленность к объекту, а не от него. Трудно усмотреть направленность действия от объекта и в родительном при глаголах *дрѣжати са, сподѣнати са*, о которых автор справедливо пишет, что они «выражают идею прикосновения, частичного приближения к объекту» (стр. 231). Родительный падеж при глаголах *вѣсѣждувати, вѣсѣждувати, подражати* автор определяет как «родительный идеального объекта, объекта, к которому направлено стремление субъекта, выраженное в данном действии, но который непосредственно данным действием не охватывается» (стр. 231). Следовательно, выраженное в действии стремление субъекта все же направлено к объекту — почему же мы и здесь должны видеть направленность действия от объекта? На наш взгляд, нет достаточных оснований констатировать проявление данного признака при употреблении родительного при отрицании. В этом случае автор говорит о соответствии родительного представлению о не состоявшемся или не осуществленном в полной мере действии (стр. 235). И здесь

³ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. XIII, 1956.

описание данного типа употребления формы никаких сомнений не вызывает, но вызывает возражения стремление автора во что бы то ни стало подвести все случаи функционирования падежной формы под определенный общий признак. То же можно сказать о родительном при сушине в случаях типа и *псъла ꙗко бело свое пасть снани* (Сав. 67, л. XV, 15), о родительном при степенях сравнения (стр. 235).

Несколько слов о признаках пассивности—активности. Эти признаки представляются бесспорными применительно к соотношению винительного и именительного падежей (В.— пассивность, И.— пассивность, активность). Здесь корреляция этих признаков вытекает из самого материала. Однако констатация пассивности по отношению к дательному падежу безлично-инфинитивной конструкции уже далеко не всегда убедительна. Так, к тексту и *падъ положи дѣтиштѣ прѣдъ вѣсѣмъ ѡжеже вѣсѣмъ вѣскричати гласемъ велѣмъ* (Супр. 44—25) дается следующая комментарий: «Глагол *вѣскричати* в приведенном выше примере, хотя и не означает внутреннего действия, но характеризует реакцию воспринимающего лица, невольное проявление его эмоций, т. е. действие, которое произвел в нем кто-то другой, а не он сам» (стр. 52). По поводу примеров типа *ѡжеже не сѣмѣти никомоуже начати красти* (Супр. 43—4) автор пишет: «Дательный, хотя и употреблен здесь при глаголах активного действия, но выступает как субъект, которому предписывается определенное отношение к совершению действия, а не как активно действующий субъект» (стр. 53). Отсюда делается вывод, что в таких конструкциях употребление дательного субъекта при инфинитиве глаголов активного действия не приводит к нейтрализации признака пассивности дательного падежа. Строится корреляция: Д. (пассивность) — Т. (пассивность, активность) (там же).

Фактически в истолковании признака пассивности происходит сдвиг, в корне меняющий понимание различительного признака. Если по отношению к винительному падежу пассивность означает функцию объекта действия (объект испытывает на себе действие), то в приведенных примерах *вѣсѣмъ вѣскричати*, не *сѣмѣти никомоуже начати красти* дательный падеж *вѣсѣмъ*, *никомоуже*, конечно, не объект действия, не объект, испытывающий на себе действие. Для того, чтобы все же распространить признак пассивности и на случаи такого рода, автору приходится давать совсем иное истолкование пассивности. В приведенных выше комментариях речь идет о реакции воспринимающего лица, невольном проявлении его эмоций и т. п. Это уже совсем иное содержание и иной план анализа. Здесь не констатируется в

грамматическом плане, что перед нами — субъект или объект действия, а описывается модальное, модально-экспрессивное и чисто смысловое содержание контекста.

На наш взгляд, автору не удалось доказать актуальность признака пассивности за пределами винительного падежа в его отношении к именительному в связи с соотношением активной и пассивной конструкций. Признак пассивности по отношению к родительному, дательному падежам и локативу определяется не языковым материалом, а требованиями определенной теории. Но возникает вопрос: во всем ли права здесь теория? Можно предположить, что в таких обширных и сложных грамматических системах, какой является система падежей, в принципе может быть такое положение, когда определенный различительный признак является актуальным для одних звеньев этой системы, но оказывается неактуальным, несущественным для других.

Несколько слов о признаках центральности и периферийности. В их истолковании в данной работе нет единства. С одной стороны, о различиях падежей по признаку центральности — периферийности говорится как о различии в степени связи с действием (стр. 49, 62). Речь идет, следовательно, о синтаксических связях глагола с формой падежа. В соответствии с такой трактовкой автор вслед за рядом исследователей связывает противопоставление падежей по признаку периферийности с их размещением относительно управляющего глагола (стр. 218). Однако наряду с такой трактовкой центральности — периферийности мы находим и другое понимание этих признаков. Автор говорит о центральном — периферийном положении объекта в содержании высказывания (стр. 62) о том, что субъекту всегда принадлежит центральная роль в совершении действия, тогда как роль вспомогательного предмета, с помощью которого осуществляется действие, обусловлена признаком периферийности (стр. 51). Как видим, здесь оценка центральности — периферийности дается не по степени связи с глаголом, а по роли в содержании высказывания. Это явно разные понятия, которые в работе фактически объединяются под одним и тем же названием. Эта двойственность, на наш взгляд, не способствует доказательности тех построений, которые основываются на признаках центральности — периферийности.

Итак, языковой материал полностью не укладывается в схему инвариантных признаков, которые должны охватывать все варианты функционирования падежей. Упорное отстаивание принятой автором схемы в данных условиях приводит к тому, что в одних случаях оказывается неубедительным истолкование языковых фактов, а в других отсутствует единство

в трактовке различительных признаков.

Необходимо учитывать, что по отношению к падежу сфера распространения инвариантных различительных признаков, определенных в плане морфологической парадигматики, ограничена вмешательством чисто синтаксических факторов, относящихся к структуре предложения. Уже была высказана верная мысль о том, что ряд функций не может быть включен в инвариантное значение данного падежа; речь идет о тех функциях, которые имеют отношение не к парадигматическим значениям падежа, не к его смысловой структуре как формы словоизменения, а к структуре предложения⁴. Теория инвариантных морфологических значений не может объяснить многих фактов в области падежа потому, что основой этой теории является парадигматика, тогда как в категории падежа морфологическая парадигматика перекрещивается с морфологической синтагматикой⁵ и с явлениями, относящимися к сфере синтаксиса предложения. Именно поэтому теория инвариантных значений в грамматике больше подходит к глаголу (где морфологическая парадигматика выступает в большинстве категорий в относительно «чистом виде»), чем к падежу. В этой области необходим многоаспектный подход, причем характер анализа по дифференциальным семантическим признакам в аспекте морфологической парадигматики требует значительных корректировок.

Можно предположить, что наличие общих инвариантных признаков, из которых выводятся все частные значения, — не единственный способ существования и функционирования грамматических форм.

На наш взгляд, существенные коррективы в понимание разных форм проявления идеи инвариантности может внести подход к падежу с точки зрения принципа поля. Если семантическую область каждого падежа представить как поле, в котором выделяется центр (область сосредоточения, максимальной концентрации специфических признаков, сосредоточения связей, отношений, концентрации функциональной нагрузки) и периферия (разреженность признаков, «затухание» специфики, ослабление связей, проявления изолированности), то совсем не обязательным будет равномерный и абсолютный охват каким-то общим при-

знаком всех вариантов функционирования. Напротив, будет нормальным выявление тех центральных зон, где данные признаки действительно пронизывают реальное функционирование формы, и тех периферийных зон, на которые данный признак не распространяется.

Применительно к падежу целесообразно проверить такой подход к значению грамматических форм, при котором их семантическое содержание рассматривается как инвариантный полисемантический потенциал. При этом возможно не только такие семантические комплексы, которые складываются из комбинаций постоянных и переменных функций, но и комплексы только функций переменных. Семантический потенциал никогда не реализуется полностью. Одни его компоненты актуализируются, другие остаются неактуализованными. Такие комплексы определенных переменных функций совсем не обязательно связаны с характеристикой формы как немаркированного члена привативной оппозиции. В грамматических категориях, как показал анализ категорий глагола⁶, могут совмещаться оппозиции разных типов — не только привативные, но также эквивалентные и градуальные.

Понимание семантического содержания формы как инвариантного семантического потенциала, своего рода «семантического заряда» с определенным комплексом функций и определенными пределами поведения формы при ее функционировании также базируется на идее инвариантности. Однако важно подчеркнуть, что принцип инвариантности может иметь разные проявления.

Полемика с Е. В. Чешко по некоторым вопросам общей теории падежа, сомнения по поводу трактовки некоторых типов функционирования падежных форм не умаляют значимости исследования и не снижают его общей высокой оценки. Автору удалось осуществить замысел, широкий по масштабам, связанный с решением задач, трудных по характеру и объему материала, по существу рассматриваемых теоретических проблем. Изучены наиболее существенные стороны истории болгарской падежной системы, прослежена ее внутренняя эволюция. Внесен значительный вклад в решение одной из центральных проблем болгаристики — проблемы перехода от синтетизма к аналитизму. Проведена огромная работа по интерпретации среднеболгарского материала. Обоснованы выводы, имеющие теоретическое значение не только для болгаристики, но и для славистики в целом.

А. В. Бондарко

⁴ См. рецензию Н. Ю. Шведовой на кн. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968 — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 128.

⁵ О парадигматике и синтагматике в морфологии см. Б. Н. Головин. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. В кн. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия». М., 1969, стр. 73—87.

⁶ А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971; его же. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1971 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Абдрахманов М. А. Мировая система социализма — авангард общественного развития человечества. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 7.

Васильева Р. Критика современных буржуазных и ревизионистских «моделей социализма». Экономика Сов. Украины, 1971, № 6.

Коздра В. В едином строю. (Люблинщина в годы войны и строительства социализма.) В кн.: Идеи Ленина торжествуют. Минск, 1971.

Русев П. Новая программа творческого труда болгарского народа. (Об основных положениях Программы БКП, принятой X съездом партии). «Коммунист Украины», № 7.

1. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Милин М. А. 50 лет Коммунистической партии Чехословакии. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 8.

Ольшовский С. Партия — источник силы и процветания. Ко дню возрождения Польши. «Агитатор», 1971, № 14.

Оруджев Р. Коммунистическая партия Чехословакии. «Азербайджан коммунисты». 1971, № 5.

Хнеупек Б. С Советским Союзом — на вечные времена! (О роли КПЧ в сотрудничестве с СССР. Вопрос рассматривается в историческом аспекте). «Коммунист Белоруссии», 1971, № 6.

Шуверов Д. Д. О болгаро-чувакской дружбе. Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР, 1970, вып. 52.

Якеш М. XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. «Новое время», 1971, № 23.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Алексеев А. Социалистическая интеграция. (Теоретическая статья.) «Правда», 1971, 13 августа.

Андреев Э. М. Совершенствование экономического стимулирования научно-технического прогресса. В кн.: Экономические проблемы эффективности науки. М., 1971.

Афанасьев Н. П. Развитие железнодорожного транспорта Чехослова-

кии. Ж-д. транспорт, 1971, № 7.

Байбаков А. Некоторые вопросы научно-технического прогнозирования в странах — членах СЭВ. План. хоз-во, 1971, № 7.

Барчак А. За дальнейшие успехи чехословацко-советской торговли. Внеш. торговля, 1971, № 8.

Бистрицкас С. Крепнущее сотрудничество. (К проблеме интеграции экономики соц. стран.) «Коммунист», Вильнюс, 1971, № 7.

Богомолов О. Социалистическая интеграция как фактор сплочения стран социализма. Междунар. жизнь, 1971, № 7.

Бутаков Д. Долгосрочное кредитование капитальных вложений в Польской Народной Республике. «Деньги и кредит», 1971, № 7.

Венецкий И., Матюха И. Выборочные обследования в практике работы центральных статистических органов стран — членов СЭВ. Вестн. статистики, 1971, № 6.

Володарская Р., Дербина М., Друзякова Н. Материальное стимулирование в европейских социалистических странах — членах СЭВ. Науч. организация труда, Вильнюс, 1971, сб. 14.

Грингольц И. Хозяйственные договоры в НРБ. (В связи с Положением о государственных организациях, принятом в 1970 г.) Сов. юстиция, 1971, № 13.

Данчо Я. Проблемы развития сельского хозяйства в ЧССР. «Вопросы экономики», 1971, № 6.

Домбровская М. Методы финансирования капитального строительства. Польская Народная Республика. Экономика стр-ва, 1971, № 7.

Донев К. Проблемы орошаемого земледелия в Болгарии. Экономика сел. хоз-ва, 1971, № 6.

Импорт в СССР важнейших товаров в распределении по группам стран. (Статистическая таблица). Внешн. торговля, 1971, № 8.

Караваев В. П. Факторы повышения эффективности капитальных вложений в строительстве стран — членов СЭВ. В кн.: Экономические проблемы капитальных вложений и новой техники в строительстве. М., 1970.

Кован И. Правовые вопросы научно-технического сотрудничества СССР

с социалистическими странами. Внешн. торговля, 1971, № 8.

Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. (Текст Программы, принятой XXV сессией СЭВ.) «Правда», 1971, 7 августа.

Константинов Ю. Инвестиционный банк социалистических стран (К созданию Международного инвестиционного банка.) Внешн. торговля, 1971, № 8.

Кормнов Ю., Дякин Б. Социалистическая интеграция и международная специализация производства. Междунар. жизнь, 1971, № 8.

Липецкий Ю. Повышение квалификации руководящих кадров в ПНР. Соц. труд, М., 1971.

Максаковский В. П. Экономическая интеграция социалистических стран. «География в школе», 1971, № 5.

Островский З. История и современное состояние контроля качества в Польше. В кн.: Национальные программы обеспечения качества. М., 1971.

Рост материального благосостояния трудящихся социалистических стран. (Статистические материалы.) Вестн. статистики, 1971, № 6.

Рыбаков О. К. Сотрудничество социалистических стран в новой пятилетке. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1971, № 4.

Рыбалки В., Черкасов Н. Международные организации и объединения. (О характере деятельности объединенных энергосистем «Мир».) Эконом. газ., 1971, № 31.

Савчук В. И. Роль экономичного співробітництва в розвитку паливно-енергетичної бази країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 71.

Семенова А. И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области научных и технических исследований как фактор повышения эффективности капитальных вложений и новой техники в строительстве. В кн.: Экономические проблемы капитальных вложений и новой техники в строительстве. М., 1970.

Сенин М. В., Тарновский О. И. Ленинские идеи развития внешней торговли и мировой социалистической рынок. В кн.: Мировая социалистическая система. М., 1971.

Сергеев С. Д., Михеев С. В. Экономика Народной Республики Болгарии в шестой пятилетке (1971—1975 гг.). Бюл. иностр. коммерч. информации, 1971, 25 мая, № 61.

Сидельников Е. Подготовка хозяйственных руководителей в европейских странах СЭВ. План. хоз-во, 1971, № 7.

Склемин Л. Международный инвестиционный банк стран СЭВ. «Вопросы и ответы», 1971, № 8.

Сторожев В. И., Стародубровская В. Н. Ленинская программа социалистического переустройства сельского хозяйства в действии. В кн.: Мировая социалистическая система. М., 1971.

Сухин В. А., Хворостовский Н. А. Критика современных ревизионистов по вопросам использования экономических интересов при социализме. Уч. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Политэкономия, 1971, вып. 12.

Тивончук І. О. Ідеї В. І. Леніна про добровільний союз націй і деякі питання теорії і практики економічного співробітництва соціалістичних країн. Вісн. Львівського політехн. ін-ту, 1971, № 52.

Усенко В. Г., Усенко Д. И. К вопросу об экономических интересах мировой социалистической системы. Уч. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Политэкономия, 1971, вып. 12.

Усевич М. А. Проблемы накопления в условиях интенсификации воспроизводства в европейских социалистических странах. В кн.: Актуальные проблемы социалистического накопления. М., 1971.

Хозрасчетные производственные объединения в промышленности европейских социалистических стран. В кн.: Организация и управление производством за рубежом. Алма-Ата, 1971.

Черній А. І. Болгарська комуністична партія у боротьбі за завершення експропріації капіталістичної власності у промисловості. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Чечил Й. Развитие животноводства в Чехословацкой социалистической республике. «Животноводство», 1971, № 5.

Чонов Н. Потребительский кредит в Народной Республике Болгарии. «Деньги и кредит», 1971, № 8.

Шмараев Г. Е. Растениеводство Югославии. Вестн. с.-х. наук, 1971, № 6.

Эгермайер Ф. Развитие и современное состояние управления качеством в Чехословакии. В кн.: Национальные программы обеспечения качества. М., 1971.

Юров П. Социалистическая экономическая интеграция. «Новое время», 1971, № 33.

3. Государственное строительство. Право.

Бондарская Г. А. Влияние этнического фактора на уровень рождаемости в СССР и в некоторых социалистических странах Европы. В кн.: Факторы рождаемости, М., 1971.

Бутенко А. П. Общее и специфическое в социалистическом развитии. В кн.: Мировая социалистическая система. М., 1971.

Венгерек Э. Устность и письменность в гражданском судопроизводстве Польской Народной Республики. Тр. Всесоюзн. юрид. заочн. ин-та, 1971, т. 7.

Воденичаров А. Участие димитровского Коммунистического союза молодежи в государственном управлении Народной Республики Болгарии. В кн. Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971.

Галиакбаров Р. Соучастие по уголовному законодательству некоторых социалистических государств. Сов. юстиция, 1971, № 9.

Егоров К., Демиденко В. Кодекс торговельного мореплавання Народної Республіки Болгарії. Рад. право. Київ, 1971, № 7.

Ковачев Д. А. Правовая регламентация процедуры законопроектной и нормотворческой деятельности Союзного Исполнительного Веча (правительства) СФРЮ. В кн.: Совершенствование законодательства ВНР и СФРЮ. Вып. 65. М., 1971.

Мотовиловкер Я. Новый уголовно-процессуальный кодекс Поль-

ской Народной Республики. (Введен с 1 октября 1970 г.) Сов. юстиция, 1971, № 15.

Новикова С. С. Законодательство социалистических стран об отзыве депутата. Сов. государство и право, 1971, № 6.

О ратификации Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о культурном и научном сотрудничестве. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 27 июля 1971 г. № 1976—VIII. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1971, № 31.

Сафронов В. М. Повышение роли постоянных комиссий верховных органов власти. (В европейских соц. странах.) Сов. государство и право, 1971, № 7.

Славчев С. Развитие конкретных социологических исследований по вопросам молодежи в Народной Республике Болгарии. В кн.: Мотивация жизнедеятельности студента. Каунас, 1971.

Страшун Б. Новая конституция Народной Республики Болгарии. «Вопросы и ответы», 1971, № 8.

Тихонова Е. А. Особливості федеративного устрою Чехословаччини. «Проблеми правознавства», Київ, 1971, вип. 20.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Ангелов Д., Гюзелев В. Армянские источники о средневековой истории Болгарии. Истор.-филол. журн., Ереван, 1971, № 1.

Андрюшин Е. Н. Отношение Димитра Благова к Великой Октябрьской социалистической революции. Уч. зап. Курского пед. ин-та, 1971, т. 76.

Басі. Польські сябры В. Дуніна-Марцінкевіча. (О творческих связях польской и белорусской интеллигенции в 1840—1850 гг.) В кн.: Басі. Падажжжа у літаратурнае мінулае. Мінск, 1971.

Билиак В. Полвека борьбы за социализм. К 50-летию Коммунистической партии Чехословакии. «Коммунист», 1971, № 8.

Боголюбова Н. К. Основные черты стачечной борьбы болгарского пролетариата в годы мирового экономического кризиса (1931 — начало 1934 г.). Вестн. Моск. ун-та. История, 1971, № 3.

Болтарович З. Польські дослідники про українці в Карпат. (Характеризується ступень изучения вопроса учеными XIX в.) Нар. творчість та етнографія, Київ, 1971, № 3.

Борисенко В. Весільнаобрядовість поляків у селі Тарабанівці

на Вінниччині. Нар. творчість та етнографія, Київ, 1971 № 3.

Буссе Н. В. Национально-освободительная борьба болгарского народа в период 1941—1944 гг. (Обзор библиографических указателей за 1944—1969 гг.). Сов. библиогр. 1971, № 1.

Гостыньская В. Политика правящих кругов Польши и антисоветские планы Антанты в 1919 году. «Вопросы истории», 1971, № 6.

Гуревич Ф. Д. О восточной ориентировке славянских погребений. Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1971, вып. 125.

Джеджула Г. А. Польша в планах імперіалістичних держав у період першої світової війни. «Питання новоїта новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Дзяшко І. Ф. Ленінская тактыка барацьбы за адзіны фронт рабочага класа у дзейнасці КПЗБ (1934—1938 гг.). Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, 1971, № 3.

Добрецова В. В. Про реакційну діяльність сіоністських організацій на Західній Україні в 1920—1939 рр. Укр. іст. журн., 1971, № 7.

Злупко С. М. Марксистсько-ленінська критика буржуазних економічних поглядів і колонізаторської господарської політики на Західній Україні (1919—1939 рр.). Історія нар. госп-ва

та економічної думки УРСР, Київ, 1971. № 6.

Йорданов Г., Леднев М. І., Попов Г. Н. Відображення Жовтневої революції на сторінках марксистської періодичної преси Болгарії (1917—1919 рр.). Наук. проці з історії КПРС, Київ, 1971, вип. 42.

Калениченко П. М. Революційні заворушення в польській Міліції людовій. (Листопад 1918—жовтень 1919 р.), Укр. іст. журн., 1971, № 7.

Калениченко П. М. Селянський рух у Польщі (листопад 1918—жовтень 1919 р.). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Калениченко П. М., Лісевич І. Т. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні громадянська війна на Україні у висвітленні польської історіографії. «Історіографічні дослідження в УРСР», Київ, 1971, вип. 4.

Калужний І. Й. Відгуки в Новоросійському генерал-губернаторстві на польське повстання 1863 р. (На матеріалах Одеського областного державного архіву). «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Коєв І. Етнокультурні паралелі между волжскими і дунайскими болгарями. Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР, 1970, вып. 52.

Копруковняк А. Независимость Польши — победа ленинских принципов национальной политики. В кн.: Идеи Ленина торжествуют. Минск, 1971.

Кундюба І. Д. В. І. Ленін про джерела буржуазного націоналізму в Польській соціалістичній партії «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Лещиловская И. И. Славянские связи иллиризма в области культуры. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Мазлер В. С. Разложение чехословацкого корпуса в период колчаковщины. Тр. Вост.-Сиб. технол. ин-та, Улан-Удэ, 1971, вып. 4.

Мазурок О. С. З історії економічних зв'язків західноукраїнських земель з Україною й Росією в другій половині XIX ст. Укр. іст. журн., 1971, № 5.

Макар Ю. І. Дві сторони повстання 1944 року у Варшві. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Макарова Т. И. Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1968 г. Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1971, вып. 125.

Мартиненко А. К. Російсько-болгарські економічні відносини 1900—1909 рр. Укр. іст. журн., 1971, № 6.

Мельникова І. М. Шляхом боротьби й перемог (До 50-річчя Комуністичної партії Чехословаччини). Укр. іст. журн., 1971, № 5.

Мельничук Я. С. Иван Франко про революції 1848—1849 рр. (Рассматриваются исследования И. Франко славянского вопроса в национально-освободительном движении на западноукраинских землях.) «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

Никитин Г., Янин А. Полувеківий юбилей компартии Чехословакии. «Агитатор», 1971, № 9.

Новый В. Полвека борьбы за социализм. (К 50-летию КПЧ.) «Новое время», 1971, № 21.

Овсянников О. В. Работа группы славяно-русской археологии ЛОИА в 1966—1968 гг. Краткие сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1971, вып. 125.

Пачаджян С. Заметки об армянской колонии в Варне. «Эчмиадзин», 1970, № 10.

Попов В. И. Немецкая библиография польских земель. Рассматриваются библиографии, вышедшие в XIX—XX вв., включая западногерманские. Уч. зап. Волгогр. пед. ин-та, 1971, вып. 40.

Ревякина Л. В. Тактика БКП в борьбе за создание союза рабочего класса с крестьянством в период подготовки и проведения социалистической революции. В кн.: Политическая стратегия и тактика коммунистических партий. М., 1971.

Руденко Н. М. Радянське історична література про допомогу СРСР рухові опору в зарубіжних слов'янських країнах (1941—1945 рр.). Укр. іст. журн., 1971, № 5.

Селівану І. А. З історії фармування часдей Польської чырвоной армії. Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, 1971, № 2.

Серый Я. Н. Из истории образования и деятельности организации чехословацких коммунистов в Туркестане (1920—1921). Научн. труды Ташк. ун-та, 1970, вып. 386.

Спивак Б. И. В. И. Ленин и создание Коммунистической партии Чехословакии. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 5.

Тищенко В. М. Становище та боротьба трудящих Західної України у висвітленні радянської преси (1929—1933 рр.). Укр. іст. журн., 1971, № 6.

Удальцова З. В. Проблема генезиса и топологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970). Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР, 1971, № 3.

Хакимова У. Борьба компартии Болгарии на прогрессивных сил страны за восстановление дипломатических отношений с СРСР. (Рассматривается период конца 20-х — начала 30-х годов.) «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1971, вип. 12.

2. Культура и наука

Аванесов А. И. Краткий анализ практики проектирования и строительства жилых городских комплексов в соц. странах.) В кн.: Аванесов А. И., Бурлаков И. Р. Модернизация жилой застройки и совершенствование системы культурно-бытового обслуживания населения. Ростов-Дон, 1971.

Бас І. Адам Міцкевіч і царская цензура. В кн.: Бас І. Падарожжа у літаратурнае мінулае. Мінск, 1971.

Березницкий Я. Люди и знаки в фильме Войцеха Хаса. (О фильме «Lalka».) «Искусство кино», 1971, № 6.

Бернштейн И. Судьбы прозаических жанров в русской и чешской литературе на рубеже веков. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Біганський Р., Гуменюк . Сторінка з історії чесько-українських зв'язків. (Листи Ф. Главачка до В. Гнатюка). Рад. літературознавство, 1971, № 7.

Білан А. М. Поєднання національних та інтернаціональних інтересів в науковому співробітництві соціалістичних країн. (На матеріалах радянсько-польського наукового співробітництва.) Вісн. Львівського політехн. ін-ту, 1971, № 52.

Борисек И. Партийность печати и современная практика чехословацкой журналистики. (По материалам чехословацкой печати.) «Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды», 1971, вып. 4.

Брайнина Б. Самодива. Елисавета Багряна и ее стихи. «Новый мир», 1971, № 7.

Бэлза С. Советский и словацкий военный роман (1956—1966). В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Вагапова Н. В поисках героя. (Заметки о современной югославской драматургии.) Иностран. лит., 1971, № 6.

Вагапова Н. В Загребе и Белграде. (О новых постановках в Загребском и Югославском драматических театрах.) «Театр», 1971, № 7.

Велчев П. Образ Дон Кихота в современной болгарской поэзии. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 3.

Виноградова Л. Н. Общеславянские фольклорные традиции в сюжетном составе польской колядной песенности. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Волков А. Р. Предки та попередники чапкових роботів. (До історії літературної теми створення штучної людини.) «Слов'янське літературознавство і

фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Волков А., Соловей Э. Двухславянские трагедии об Атлантиде. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Встреча единомышленников. (Обзор выступлений на совещании редакторов киножурналов и кинокритиков соц. стран, состоявшемся в Москве.) «Искусство кино», 1971, № 5.

Гайдай М. М. Чехословацко-українські фольклористичні взаємини (кінець ХІХ — початок ХХ ст.). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Генев К. Человек и революция в современном болгарском романе. В кн.: Роман и современность. М., 1971.

Генчиева М. Правдивая фантазия и сказочная реальность. Размышления о современной сказке. Дет. лит., 1971, № 6.

Германова Э. Художественная проза Яна Неруды и ее литературно-исторический контекст. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Гордина Е. Памяти большого художника. (О творчестве Йосипа Славинского, современного югославского композитора.) Сов. музыка, 1971, № 5.

Гусев В. Е. На XVII конгрессе фольклористов Югославии. (Пореч, сент. 1970 г.) Сов. этнография, 1971, № 3.

Даскалова Е. Блок и Болгария. (Болгария в поэзии Блока. Влияние Блока на болгарскую поэзию.) «Нева», 1971, № 8.

Дюришин Д. Я. Есенский-новелист и Н. В. Гоголь в свете типологических отношений и контактных связей. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Дядькин В. Г. В. И. Ленин и рабочее движение в Болгарии. В кн.: Ленинизм и развитие национальных республик. Орджоникидзе, 1971.

Журавська І. Ю. Чеський роман в СРСР. (Українською та російськими мовами.) «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Каллош А. В. Некоторые проблемы развития хорватской драматургии конца XIX — начала XX в. и русская реалистическая драма. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Каменир Т. О пьесе Карела Чапека «Разбойник». Тр. Ленингр. ин-та театра, музыки и кинематографии, 1971, вып. 3.

Канаев И. И. Пуркине. В кн.: И. И. Канаев. Очерки из истории проблемы физиологии цветкового зрения от античности до XX века. Л., 1971.

Карасова Б. Университетская библиотека в Братиславе и ее роль в единой системе библиотек Словакии. Информ.

мация о библ. деле и библиогр. за рубежом, 1971, вып. 4.

Карпенко О. Некоторые организационно-правовые вопросы сотрудничества Академии наук социалистических стран. В кн.: Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ — СФРЮ. Москва, май 1968 г. Т. 5. М., 1970.

Кетлинська З. Проблематика и организация работы межвузовского научно-исследовательского института по вопросам высшего образования. (Институт организован в 1962 г. в Варшаве.) В кн.: Мотивация жизнедеятельности студента. Каунас, 1971.

Киселев И. Н. Содружество академий наук СССР и ЧССР. Вестн. АН СССР, 1971, № 5.

Колева Т. А. Зимний цикл обычаев южных славян. (К вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности.) Сов. этнография, 1971, № 3.

Крейчи К. Поиски чешского Онегина. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Кузнецова Р. М. Горький и развитие личности в чешском романе 30-х годов. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Леснякова С. Йозеф Грегортайовский и А. П. Чехов. (Сравнительная характеристика.) В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Львова Е. П. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в творчестве русских художников. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Майхрович С. Старонкі беларуска-польскіх літаратурных сувязяў. (Из истории белорусско-польских связей XVI—XIX вв.) «Польмя», Минск, 1971, № 6.

Малевиц О., Савицкий В. Наш Ярослав Гашек. (К 50-летия создания романа «Похождения бравого солдата Швейка».) «Нева», 1971, № 5.

Матвеева Г. В. Учет зарубежной литературы в библиотеках ЧССР как одна из форм координации иностранного комплектования. Обзор литературы. Информация о библ. деле и библиогр. за рубежом, 1971, вып. 2.

Михалкович В. Размышление о бегущем времени. (О фильме «Struktura kryszталu» режиссера К. Занусси.) «Искусство кино», 1971, № 6.

Момов М. Мораль как регулятивная система. Научн. докл. высшей школы. Филос. науки, 1971, № 4.

Мильников А. С. Пражской кафедре библиотекведения и научной информации — 20 лет. (О деятельности кафедры Карлова университета). В кн.:

Библиотекведение и библиография за рубежом. М., 1971, Вып. 36.

Ничков П. Н. Система духовной культуры социалистического общества и некоторые проблемы ее развития и функционирования. (На опыте Народной Республики Болгарии.) Проблемы науч. коммунизма, 1971, вып. 5.

Панова Э. Поэзия Пушкина в словацком классицизме в преромантизме. В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Пасемко І. П. Деякі питання проблематики роману Р. Яшика «Мертві не співають». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Пачовський Т. Шевченко у віршах польських поетів другої половини XIX ст. В кн.: Наукова шевченківська конференція, 18-я. Черкаси, 1969. Збірник праць. Київ, 1971.

Пилипчук Р. Я. Польська драма на українській сцені в Галичині 40—60-х років XIX ст. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Плаксин А. Я. Образ современника в романе Андрея Гуляшки «Семь дней нашей жизни». В кн.: Вопросы истории литературы. Енисейск, 1971.

Плісєцький М. М. Порівняння в слов'янському фольклорі, його форми й основні функції. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

Полотай А. Новознайдени автографи листів Т. Г. Шевченка до Броніслава Залеського. (Аналіз писем Т. Шевченка к польському писателю, хранящихся в Ягеллонской библиотеке и в Национальном музее Кракова.) Рад. літературознавство, Київ, 1971, № 6.

Полякова Л. Пражская опера сегодня. Сов. музыка, 1971, № 6.

Пруссакова И. История Збышека Цибульского, рассказанная не им самим. (О фильме Анджея Вайды «Все на продажу».) «Аврора», 1971, № 7.

Путилов Б. Н. О типологической преемственности в эпосе славянских народов. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Рахнев И. Художественно-творческие проблемы архитектуры Болгарии. «Архитектура СССР», 1971, № 8.

Ритчик Ю. И. Русская драматургия на сцене пражского Временного театра (1860-е годы). В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Ровда К. И. Божена Немцова и русская литература. Русская лит-ра, 1971, № 2.

Роменски В. Проект реконструкции и развития центра Софии. Стр-во и архитектура, Киев, 1971, № 5.

Руда Т. П. Сербохорватський фоль-

кдор як об'єкт наукових та художніх зацікавлень І. Франка. «Слов'янська літературознавство і фольклористика», Київ, 1971, вип. 7.

С в и д е р с к и й Б. Проект создания принципов специализации и кооперирования польских научных библиотек в области комплектования фондов. Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, 1971, вып. 2.

С в и р и д а И. И. Валентий Ванькович в Петербурге. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

С е л и в а н о в А. К. В братском содружестве с вузами Чехословакии. Вести. высш. школы, 1971, № 7.

С и г е т и Й. Международная идеологическая борьба и наше отношение к буржуазным общественным наукам. В кн.: Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

С и н д и к Н. Р. Из истории Национальной библиотеки в Сербии. В кн.: Библиотечковедение и библиография за рубежом. М., 1971, вып. 36.

С и т н и ц к и И. История статистики ПНР. (С конца XVI в. до наших дней.) В кн.: Некоторые проблемы теории статистики и статистических исследований. Ч. I. М., 1971.

С л а в и ч Ю. Прорыв к победе. (О фильме «Битва на Неретве» режиссера Велько Бухайча.) «Искусство кино», 1971, № 5.

С м и р н о в Ю. И. Любен Каравелов и Иван Худяков. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

С м и р н о в Ю. И. Сходжения между славянскими эпосами и метод исследования. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

С т о й к о в А. Модернизм и новаторство в искусстве. В кн.: Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Т и м о ф е е в а В. М. Ленинская тема в творчестве Г. Караславова. В кн.: В. И. Ленин и художественная литература. Минск, 1971.

Т и м о ш к о в а Л. Е. Из истории литературной Ленинианы в Югославии (20—30-е годы). В кн.: В. И. Ленин и художественная литература. Минск, 1971.

Т и т о в а Л. Н. Польско-чешские театральные связи 30—50-х годов XIX в. В кн.: Межславянские культурные связи. М., 1971.

Т о п о р н и н Б. Политическая система социализма на современном этапе. «Коммунист», 1971, № 12.

Т р о и ц к а я Г. Музыка в послевоенном польском кино. Сов. музыка, 1971, № 7.

Т ю н и н В. В поисках новой школы. (Об организации среднего художественного образования в ПНР.) «Искусство», 1971, № 7.

Ф и л и п ч и к о в а Р. Чешская литература об изгоях общества и рассказы

М. Горького (90—900-е годы). В кн.: Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971.

Х л е б а р о в И. Процессы формирования болгарской симфонической музыки (1923—1944 гг.). В кн.: Из истории музыки XIX века. М., 1971.

Ц ы б е н к о Е. З. Сатирический роман Яна Лема. («Головы для позолоты»). В сб.: Проблемы теории и истории литературы. М., 1971.

Ч е з з а Л. Генрик Сенкевич. (К 125-летию со дня рождения.) «Нистру», Кишинев, 1971, № 5.

Ш е р л а и м о в а С. Партия и литература. (О научной конференции в Смоленниках под Братиславой, организованной Ин-том словацкой литературы, Ин-том мировой литературы и языков Словацкой академии наук с участием советских ученых.) «Вопросы лит-ры». 1971, № 8.

3. Языкознание

А в а н е с о в Р. И. Сорок лет в славистике. [О научной деятельности С. Б. Бернштейна.] В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Б е р н а р Р. О месте ударения во множественном числе односложных существительных мужского рода в современном болгарском литературном языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Б л а н а р В. III словацкая опоматическая конференция. Банска-Быстрица. 4—6 ноября 1970 г. «Вопросы языкознания», 1971, № 4.

Б о п д а р к о А. В. О взаимоотношениях форм аориста и настоящего совершенного в старых белорусских, чешских и польских памятниках. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Б у л а т о в а Р. В. Из сербской исторической акцентологии. Две просодические системы XVI в. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Б у н и н а И. К. Категория времени или категория таксиса? (О противопоставлении относительных и абсолютных времен болгарского индикатива). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

В е й р е н к Ж. Синтаксический анализ творительного падежа. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

В е н е д и к т о в Г. К. К характеристике основ настоящего времени в современных болгарских говорах. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

В е н е д и к т о в Г. К. Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения. «Вопросы языкознания», 1971, № 4.

Видоеский Б. Судьба слогового *p* в говорах македонского языка. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Вукович И. К вопросу о лексико-синтаксической и чисто синтаксической синонимике. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Георгиев Вл. Происхождение окончаний третьего лица множественного числа настоящего времени в болгарском языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Гудков В. П. К изучению конструкций с *da* в сербохорватском языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Гутшмидт К. Диалект и литературный язык в рукописных болгарско-новогреческих разговорниках первой половины XIX в. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Демина Е. И. О характере влияния «Сокровища» Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI—XVII вв. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках, П. В кн.: Этимология. М., 1971.

Дыбо В. А. К классификации среднеболгарских акцентных систем (Предварительные итоги). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Ермакова М. И. О глагольном словоизменении в верхнелужицком литературном языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Зайцева Н. И. К вопросу о немецких заимствованиях в демонологической лексике чешского и словацкого языков. Вестн. Беларус. ун-та. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. Минск, 1974, № 1.

Зеленина Э. И. Шелководческая терминология в трех болгарских говорах Бессарабии. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Зенчук В. Н. Отрицательные императивные конструкции в сербохорватском и других славянских языках. Вестн. Ленингр. ун-та, 1971, № 8. Сер. истории яз. и лит., вып. 2.

Ивич П. Один неисследованный штокавский говор с двояким рефлексом **ě*. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Ивич П. Омаркированности предиката придаточных предложений по признаку мобильности. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Калынь Л. К вопросу о системной интерпретации говора как единицы диалектного дробления. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Карась М. Из карпатской лексики. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Кипарский В. О так называемых двухсторонних чередованиях гласных. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

П. Кирай (Будапешт). Кириллические надписи на кошеле, принадлежавшем, по преданию, венгерскому королю Иштвану (Степану) первому. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Клепикова Г. П. Об одной карпатоукраинско-южнославянской лексической параллели. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Кондрашов Н. А., Ондрус П. Русские слова в словацком литературном языке. «Русская речь», 1971, № 4.

Конеский Б. Варианты церковнославянского языка в Македонии в первой половине XIV века. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Копыленко М. М. О языке славянского перевода «Жития Нифонта» (Глагольно-именные фразеологизмы). [Рассматривается древнейший список 1219 г.] «Византийский временник», 1971, т. 31.

Костов К. Три немецких горнорудных термина в болгарских диалектах — *штуп*, *утман* и *штетина*. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Крюков А. В. I. I. Средневский і Галичина. Укр. іст. журн., 1971, № 5.

Кузнецова А. М. Несколько замечаний по поводу ассимиляции согласных *t'*, *d'* в славянских языках. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Куркина Л. В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках. В кн.: Этимология. М., 1971.

Лекоев Ив. Об одном неотмеченном явлении синтаксической фонологии в некоторых славянских языках. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Леч Р. О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Логар Т. Каринтийские (корошские) словенские диалекты как факт исторического единства словенцев, живущих по обе стороны Караганского хребта. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Мартинов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. В кн.: Этимология, М., 1971.

Мартинов В. В. О правомерности генетического соотнесения праслав. **zytrь* ~ лит. *gudrūs*. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Масленникова Л. И. Об особенностях языковой ситуации в польских говорах на территории Литовской ССР. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Маслов Ю. С. Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Мельничук А. С. Синтагматические условия употребления кратких и полных местоимений в болгарском языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Мирчев К. Предлог *ou* в посессивной функции в истории болгарского языка. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Михайлэ Г. Этимологические заметки (16—20). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Михайлович В. Заметки по этимологии сербохорватских строительных терминов (*kuћа* 'domus'). В кн.: Этимология. М., 1971.

Младенов М. Названия черепахи в болгарском языке. В кн.: Этимология. М., 1971.

Младенов М. Сл. Об одной древней лексической изоглоссе в болгарском языке (Названия ярма в болгарских говорах). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Можаяева И. Е. Библиография трудов проф. С. Б. Бернштейна (1935—1970). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Нещименко Г. П. О понятии вставной морфемы. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Николаева Т. М. Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков (Перспективы исследования). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка. I. В кн.: Этимология, М., 1971.

Пециар Ш. Типы видовых альтернатив в словацком языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Рожновская М. Г. Производные безличные глаголы в болгарском литературном языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Росетти А. *Slavo-romanica*. О некоторых древнейших заимствованиях в румынском языке из южнославянского. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Рыцык Х., Саевич М. Фразеологические структуры со словами «идти» и «ходить» в русском и польском языках. Сб. научн. студенческих работ Тарт. ун-та, 1971, вып. 3.

Славский Ф. Болгарское *въбел* : *убел* (О развитии первичного начального *Q*). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Станишева Д. О тождестве единиц синтаксического и лексического уровней языка (На материале славянских языков). В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Станкевич Э. Акцентные системы существительных в болгарском. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Стеванович М. Акцентуация союзов в сербохорватском языке. В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 3

Ж. Натан. X съезда БКП и болгарская историческая наука; В. Д. Кобеев. Об аграрной программе болгарских революционеров в 60—70-е годы XIX в.; Т. Камбуров. Разногласия в коалиции Центральных держав во время переговоров в Брест-Литовске и Бухаресте в 1918 г.; Ц. Петров. Бузлуджанские празднества и их роль в революционной истории Болгарии; Ем. Михайлов. Обособление восточных и южных славян.

«Литературна мисъл», 1971, № 2

И. Славов. Принципы литературной политики Маркса; Т. Жечев. Раковский, восточный вопрос и болгарская

уния; П. Зарев. Портрет Николая Райнова; Г. Димов. Д-р К. Крыстев — Иван Вазов; В. Смоховска-Петрова. Две народные книги «Славяноболгарская история» Паисия и «Книги народа и польское пилигримство» Мицкевича; Х. Годоров. Заблуждения антимана; Е. Константинова. С уверенной критической мыслью.

«Език и литература», 1971, № 3

Т. Живков. Художественная культура, достойная времени; Б. Ценков. Критика — форма партийного руководства литературой; Ж. Николава-Гылыбова. Юмористическое мастерство Чудомира; С. Георгиев. Структурная и смысло-синтаксическая характеристика одного типа подчиненных пред-

ложений; Е. Метева. Гуманизм русской классической литературы и проблема героя; И. Гугуланова. О некоторых чертах современной фонологии; Д. Димов. Употребление возвратного притяжательного местоимения; Р. Русев. О возникновении, языке и стиле «Автобиографии» Софрония Врачанского; Л. Бучков. К биографии Ивана Вазова; К. Кантарев. Незвестный рассказ Г. П. Стаматова; М. Минокин. Людмил Стоянов и Всеволод Иванов. К истории советско-болгарских литературных связей; Э. Георгиев. Грамматика против логики.

«Български език», 1970, № 6

Л. Андрейчин. Роль И. Вазова в формировании болгарского литературного языка; Э. Пернишка. Художественно-изобразительные функции синонимов в беллетристике И. Вазова в зависимости от их признаков; Р. Русинов. Существительные имена с суффиксом *-во* (*-во*, *-во*, *-во*) в современном болгарском языке; М. Выгленов. Слова *излет* и *излетач* у Вазова; В. Денчев. К характеристике антропонимии г. Шумена до Освобождения; К. Иванова. Сознательные деформации языковых моделей со стилистической функцией; Б. Байчев. Диалектные тексты из с. Голица Варненского округа.

«Zeitschrift für Slawistik», 1971, № 2

Направления развития социалистического изображения людей в литературах европейских социалистических стран; Х. Мюллер. Славянское литературоведение на новых путях; И. Зеехазе. Специфические национальные черты раннего социалистического изображения людей в чешской эпике; М. Енихен. О месте литературы в изображении южных славян в Германии и Австрии в XIX в.; Г. Ионас. Вклад Пауля Хейса в распространении русских новелл в Германии; К. Штедке. Очерки и новеллы. К проблеме структуры рассказа у И. С. Тургенева; Й. Курц. Ягич в Берлине; Г. Порт. Библиография славистических публикаций в Германской Демократической Республике в 1968—1969 гг.

№ 3

Г. Шустер-Шевц. Славянские этимологии; Ф. Хинце. Словинские названия частей озера Гардерзее в западной Померании (дополнение); Ф. Хинце. О некоторых кашубских реликтовых словах из области парусного судоходства; Э. Доннерт. Общественные теории и учения о государстве в России на рубеже нового времени; Э. Хок. Издание

в Карлсруэ сочинений И. С. Тургенева, русская типография Ф. Гаспера в Карлсруэ и сотрудничество Х. Рейфа; К. Касспер. Развитие советского очерка и его влияние на рассказ в послевоенное время; Г. Козилек. Захарнас Вернер и Польша.

«Kwartalnik Historyczny», 1971, № 2

А. Дзюбинский. Марокканское сахароварение в 1516—1623 гг.; Б. Гжеленский. «Spoils system» Эндриу Джексона; Е. Томашевский. Экономические связи стран, возникших после распада Австро-Венгрии, в межвоенном двадцатилетии; К. Керстен. Историк создает источники.

№ 3

З. Станкевич. Классовые конфликты в казенных имениях Королевства Польского. 1815—1864; С. Айзнер. Пилсудчиковские профсоюзы в 1926—1930 гг.; Г. Пшибыльский. Политический центр в отношении конституции и парламентских выборов в 1935 г.; С. Сперуда. Тайная просветительная деятельность в Красникском повяте (1939—1944).

«Przegląd Historyczny», 1971, № 2

М. Камлер. Площадь шляхетского фольварка в восточной Великой Польше. 1580—1655; Л. Хасс. «Диаспора» польского мASONства (1822—1908); А. Бергман. КПЗБ и белорусская проблема; Ш. Рудницкий. «Стан Великой Польши» в период экономического кризиса; Р. Нир. Незвестный источник биографии Андрея Крицкого.

«Slavia Orientalis», 1971, № 2

З. Дзехцярук. Полоника в журнале «Московский телеграф» (1825—1831); В. Сирунда. Русские литературные альманахи 1794—1852 гг.; А. Янковский. Анатолий Виноградов в кругу Мицкевича; Н. Ковальска. Русская и советская литература в журнале «Жице Литерацке» (1951—1969); Э. Висневска. Замечания о стиле повести М. Коцюбинского «Fatamorgana»; М. Ротт-Жебровский. Фонетические различия в греческих заимствованиях в польском и русском языках. Г. Пальцев. Из наблюдений над лексикой польского говора в белорусском окружении.

«Język Polski», 1971, № 2

В. Ташицкий. Два университетских неологизма: *wszechnica* и *uczelnia*; Е. Островская. Стихотворение Ю. Пшибоса «Без весны»; С. Роспонд.

Из исследований истории польского литературного языка. VI. О мнимом и действительном древнепольском чередовании *-ch* ≥ и *-k*; Л. Мошинский. Орфографический трактат Якуба Паркоповица и славянские алфавиты; М. Бжезиня. Рифмы Княжнина; А. Загродинкова. Не только *łodzia = łódź*, но также и *bronia = broń*.

№ 3

Пятидесятилетие деятельности Общества любителей польского языка (1920—1970); Т. Браерский. Конструкции типа *Tam piewszy rodzić Adam stworzony*; Ю. Речек. Из проблематики древнепольской лексикографии. 5. *Bogaciec* 'dives, богач'; 6. *Potraviny* 'nutrimentum'; Е. Островская. Почему теперь *bogacz*, а не *bogaciec*?; М. Рожек. Топография краковских типографий с XV до XVIII вв.; Т. Станкувна. Относительно наименования *Dąbrowszczacy*; Я. Ождинский. Формально-семантические преобразования словосочетаний в разговорной спортивной лексике.

«Slovanský přehled», 1971, № 2

К. Герман. Победа социалистической революции в России и чешская рабочая печать (1917—1918 гг.); Ч. Аморт. Борьба за дружбу с Советской Россией во время основания КПЧ; З. Сладек. КПЧ и Советская Россия в 1921—1924 гг.; А. Долейши. Меншевики и либеральная буржуазия во время первой русской революции; В. Бородовчак. «Социалисты» в Галиции и Словакия на переломе XIX и XX веков.

№ 3

З. Шимечек. Славист И. Добровский и австрославизм в 1791—1809 гг.; И. Кочи. Карел Гавличек Боровский и начало австрославизма; Ч. Аморт. Военная подготовка Германии до 22 июня 1941 г.; Л. Е. Гавлик. Прародина и единство славян — представления и история.

«Československý časopis historický», 1971, № 4

Ф. Борош. Чехословацко-венгерские отношения в период революционного кризиса; Я. Цэзар. Бритская колонизация тропических областей; М. Грох. К вопросу территориальной структуры национального движения; Д. Тжештик. К социальной структуре пржемысловской Чехии.

«Slovenska literatúra», 1971, № 2

М. Томчик. Литература и развитие культуры после переворота; Л. Окалиц. Тамалиар и девисты; З. Валкова. Ритмическая структура словацкого перевода поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин»; Д. Ф. Марков. Социалистические литературы и мировой литературный процесс; М. Бартко. Отношение Крчмеры к французской письменности.

«Slavia», 1971, № 1

З. Курцова. Атематические императивы типа *дажди* в Синайской евхологии; Г. Каппел. Церковнославянская легенда об Анастасии; М. Затовканюк. Противопоставление форм род. п. ед. ч. мужского рода на *-a/y* в украинском и белорусском языке (на восточнославянском фоне); В. Бехицова. Поэтические переводы Эрбена с сербохорватского; Т. Эекман. Антон Чехов и классические языки; Й. Влашек. Поэтика «Луизы» Анджея Бурсы; Г. Ружичич. Хронология утраты фонемы *x* в штокавских говорах; Е. Гавлова. Этимологическое объяснение слов русских диалектов: *стекло, угола, кутейка, нетря, галуза, пикша, небесья*; М. Черна. К проблематике синтетической разработки истории хорватской литературы; Е. Слизинский. К. Я. Эрбен в Польше; О. Зилынский. Три ранних письма Ольги Кобылянской.

№ 2

З. Шимечек. Известный — неизвестный источник биографии И. Добровского; Й. Хвищ. Генезис жанров словацкой исторической прозы; Д. Кшицова. Лермонтов — предшественник философии Ницше?; В. Ф. Чистяков. Частости гласных и согласных в языках разных систем; Т. Орлош. Участие Г. Рёсса в формировании чешской ботанической терминологии; Дж. Чипля. Румынские элементы в чешских банатских говорах в румынском Банате; В. Куделка. Проблемы древней словенской литературы; Б. Догпал. Значение перевода Кржички пушкинской лирики; Я. Дашкевич. Турецкие дипломатические письма 40-х годов XVI в. на украинском языке.

«Slavica Slovaca», 1971, № 1

Юбилей КПЧ и славистические исследования у нас; Ф. Мико. Инклюзивное отношение в системе падежей; Е. Кржикова. Местоимения типа *ten* и *takobý* в современных славянских языках; Э. Кучерова. Именные словосочетания как иллюстративный контекст;

Х. Гоугард. Тождественны ли приставки *о-* и *об-*?; С. Роспонд. О славянских наименованиях на *-ski*; М. Карась. Языкознание и карпатская проблематика; В. Васченко. О румынском происхождении ряда русских фамилий на *-улов*; М. Майтанова. О западославянских народных названиях грибов; М. Новакова-Шлайсова. Личные имена в «Рокицанской Черной или Смольной книге» 1573—1630 гг.; М. Гайекова. Два древних трнавских словаря.

«*Slovo a slovesnost*», 1971, № 2

К. Горалек. О развитии марксистской терминологии и теории предложения; Е. М. Уленбек. Новые результаты в разработке трансформационной генеративной грамматики (оценка); Я. Паневова, П. Сгалл. Относительное время; Й. Губачек. «Письма на небо» Я. А. Коменского как художественное произведение.

«*Slovenská reč*», 1971, № 3

Й. Лишка. Проблемы процесса речевой коммуникации при дефектах произношения; Ю. Рыбак. О союзах *lebo*, *že*, *niežeby*; Ф. Кочиш. Определение типа сложного предложения; Л. Двонч. О склонении мужских неодушевленных собственных имен типа *Boleráz*; М. Ивanova-Шалингова. Штуровская орфографическая практика в прозе Калининка; Я. Финдра. Заметки о стиле журнала «*Slovenský Peňažník*»; М. Гайекова. Неизвестный словарь Петра Твырдого; Ф. Кочиш. О прилагательном *červenokrížsky*.

№ 4

Ш. Пецар. О необходимости сопоставительного изучения словацкого и чешского языков; Г. Горак. Ладислав Новомеский о словацком языке; Й. Мистрик. Тенденции в прозе Фр. Краля; Й. Младек. Поэтическая

актуализация фразеологии; Я. Рыбак. Заметки о формах *pod' (ho)* и *hubaj (ho)*; К. Свобода. О типах однородных сказуемых; В. Углар. Грамматический род географических названий, образованных от наименований этнических групп.

«*Jezik*», 1970—1971, № 2

С. Бабич, Б. Финка. Изменения в редакции; Р. Катичич. Предложения в предположениях; У. Браун. О формах будущего времени типа *čitat će* и *čitaću*; С. Бабич. Варианты в двуязычных словарях; Т. Трезнер. Отглагольные существительные на *-nje*.

№ 3

Проф. д-р Мате Храсте [Некролог]; Л. Йонке. Начальные шаги Хорватского филологического общества; Основные справочники хорватского языка на основе хорватских источников (сообщение Матицы хорватской); Р. Катичич. Предложения в предположениях; С. Жешич. Суффиксальные производные для образования наименований местностей (*nomina loci*).

«*Jezik in slovstvo*», 1970—1971, № 6

Ф. Безлай. Дополнительный материал к проблеме славянских префиксов *epi* и *on*; В. Каленич. Новейшая сербохорватская лексикография; Й. Топоришич. [Школьный учебник словенского языка] «*Sproznavaјmo slovenski jezik*» в языковедческом и методическом освещении; М. Ширцель. Патриотизм в юношеской литературе.

№ 7

М. Орожен. Начала словенской языковедческой мысли; Й. Топоришич. [Школьный учебник словенского языка] «*Sproznavaјmo slovenski jezik*» в языковедческом и методическом освещении; М. Ширцель. Патриотизм в юношеской литературе.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Советское литературоведение уделяет большое внимание сравнительному изучению различных национальных литератур, позволяющему наиболее полно раскрывать закономерности мирового литературного процесса. Серьезным толчком к разработке марксистской теории сравнительного изучения литератур послужила в свое время конференция о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур, проведенная в Москве в 1960 г. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

В последнее десятилетие было достигнуто немало успехов в этой важной отрасли литературоведческой науки. Вместе с тем существует еще ряд нерешенных, спорных вопросов, имеющих большое теоретическое значение (понятие сравнительного изучения литератур, основные типы сравнительных исследований, их разграничение и связь и т. д.). Решению этих актуальных проблем на материале литературы славянских народов была посвящена проходившая 18—20 мая 1971 г. в Москве научная конференция по сравнительному изучению славянских литератур, организованная Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) при участии Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Института литературы им. Я. Купалы АН БССР. В работе конференции приняли участие около 130 ученых из научно-исследовательских центров и высших учебных заведений Российской Федерации, Украины, Белоруссии. Присутствовало также свыше 20 ученых из социалистических стран Европы.

Конференция открылась большим содержательным докладом чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова, который подчеркнул, что главная цель сравнительного исследования литератур состоит в установлении закономерностей литературного развития во всей его сложности и противоречивости, в многообразных соотно-

шениях и борьбе различных идейно-эстетических тенденций в границах одной национальной, а затем и в широких рамках всемирной литературы. Сравнительное изучение литератур должно охватывать основные типы литературных отношений — и связи, и типологические схождения (понятия, обладающие своей спецификой и вместе с тем взаимопроникающие). Сравнительный метод оказывается плодотворным при изучении самых различных художественных методов, направлений, конфликтов, характеров, форм, жанров, стилей, отдельных произведений. В отличие от принципов буржуазной компаративистики, как правило, основывающейся на сопоставлении внешнеформальных элементов, «марксистский путь сравнительного исследования литературных явлений — это путь раскрытия их исторической обусловленности и эстетической функции, диалектического единства общего и особенного в них». Исключительно важное теоретическое и практическое значение (особенно в свете обостряющейся идеологической борьбы двух миров) имеет сравнительно типологическое изучение славянских литератур, которые входят ныне в новую общность социалистических литератур мира и находятся в авангарде борьбы за подлинный художественный прогресс современной эпохи.

О состоянии и результатах сравнительного изучения славянских литератур в русском литературоведении говорил Н. И. Кравцов (Москва), в украинском — Г. Д. Вервес (Киев), в белорусском — А. И. Мальдис (Минск). О сравнительных исследованиях в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии рассказали зарубежные ученые — Стойко Божков (София), Лайош Нирё (Будапешт), Герхард Цигенгайт (Берлин), Эбигнев Бараньский (Варшава), Ион Замфиреску (Бухарест), Диониз Дюришин (Братислава) и др. Критический анализ различных течений современной буржуазной компаративистики содержался в докладе Р. М. Самарина (Москва).

Доклады и сообщения, зачитанные на конференции, вобрали в себя огромный фактический материал, хронологически охватив все периоды развития славянских литератур — от глубокой древности до актуальных явлений современного этапа.

Древнему периоду развития славянских литератур были посвящены выступления ленинградских ученых Ю. К. Бегунова («Ораторская проза Болгарии и Руси IX—XII вв.»), А. А. Морозова («Проблема барокко в славянских странах»), А. М. Панченко (о культурно-эстетических идеалах в средневековых славянских литературах), а также В. К. Зайцева (Минск) — об идейном комплексе «Гуманизм — Реформация — Контрреформация».

Большой интерес вызвал доклад акад. Д. С. Лихачева «Социальные корни отличия русского барокко от барокко в других славянских странах», в котором на большом сравнительном материале литературы и культуры были выявлены принципиальные отличия русского барокко от барокко в западнославянских странах, обусловленные отсутствием в России предшествующей барокко стадии развития культуры — Ренессанса, и показана особая историческая роль русского барокко в идейной подготовке петровских реформ.

Широкое освещение на конференции получили различные аспекты изучения межнациональных связей славянских литератур в XIX—XX вв. Л. Н. Будагова (Москва) проследила усвоение инационального литературного опыта в творчестве Незвала и Новомеского, Илия Колев (София) анализировал болгаро-балканские взаимоотношения, А. В. Коваленко (Минск) характеризовал роль литературных влияний на процесс ускоренного развития белорусской литературы, Г. К. Маньковская (Москва) говорила о переводах русской литературы в Болгарии, Югославии, Албании до 1944 г., М. Я. Гольдберг (Дрогобыч) подчеркнул важность учета психологии творчества при рассмотрении литературных воздействий. Состояние и необходимость дальнейшего изучения сравнительного чешского и русского стихосложения стали темой выступления С. А. Шерлаимовой (Москва). А. Р. Волков (Черновцы) затронул в своем сообщении некоторые вопросы теории традиционных сюжетов.

Большое место в работе конференции заняла тематика, связанная с выявлением и систематизацией типологических схождений разных уровней в двух и более славянских литературах и соотношением этих схождений с общими моментами мирового литературного процесса. Совместный доклад В. В. Витт и Г. Я. Ильиной (Москва) был посвящен типологическому аспекту рассмотрения реализма зарубежных славянских литера-

тур конца XIX — начала XX в. А. П. Соловьева (Москва) говорила о некоторых типологических схождениях в чешской и русской прозе середины прошлого века. Выступление А. В. Липатова (Москва) касалось соотношения между литературными влияниями и типологической общностью. Т. П. Агапкина (Москва) рассмотрела важные аспекты исследований польско-советских литературных связей межвоенного двадцатилетия. Ленинградский ученый К. Н. Григорьев провел типологическое сравнение творчества Лермонтова и чешского поэта Махи. Тема сообщения И. Е. Журавской (Киев) — «Мировые образы украинской советской литературы в контексте других славянских литератур». В. И. Шевчук (Киев) наметил несколько типологических групп сатирических образов в западнославянских и восточнославянских литературах XX в. В. И. Гапова (Минск) говорила о типологической общности современной белорусской и польской прозы. Анализ соотношений между социалистическими и авангардистскими течениями в польской литературе первых десятилетий XX в., сделанный Г. Ольшовским (Берлин), опирался на сопоставление с типологически родственными явлениями немецкой литературы.

В ряде выступлений четко прозвучала плодотворная тенденция не ограничиваться при изучении литературных контактов одними лишь литературными формами и произведениями. Как убедительно показал В. И. Злыднев (Москва) в своем докладе «Литературные связи как проблема общественно-культурных взаимоотношений», литературный процесс неотделим от социальных и общественно-культурных реалий данной страны, последние обуславливают характер и степень литературных взаимосвязей. Исследователь неизбежно вынужден включать в орбиту своего внимания общественные идеи, идеологию, многообразие культурного процесса.

Теоретическим проблемам сравнительного литературоведения были посвящены выступления Н. И. Балашова (Москва) и Славомира Вольмана (Прага). Московский ученый указал на необходимость разработки понятия системы литературных связей, что вело бы к планомерному введению социологического аспекта в сравнительное литературоведение, и предложил свой «макет» этих связей («внешняя», «внутренняя» и «объединенная» системы). Пражский славист говорил о возможностях и границах сравнительно-типологических исследований, подчеркнув то обстоятельство, что типология, по его мнению, это результат, а не метод исследования материала.

Л. С. Кишкин (Москва) посвятил свой доклад анализу диалектической взаимосвязи между такими понятиями, как «национальное своеобразие»

и «сравнительное литературоведение», рассматривая как объективную предпосылку существования последнего именно наличие феномена национального своеобразия народов, культур, литератур.

К истории русского сравнительного литературоведения обратился И. К. Горский (Москва), охарактеризовавший сравнительно-исторический метод А. Н. Веселовского и показавший значение критической переработки его методологических принципов для успешного развития современных сравнительных исследований в области литературы.

К. И. Ровда (Ленинград) рассматривал в своем докладе проблему славянской общности, воздействие идеи славянского единства на искусство, преимущественно, словесное, в рамках романтизма. Славянская общность стала предметом рассмотрения и болгарского ученого Эмила Георгиева, Ю. И. Смирнов (Москва) на примере эпических песен показал методику сопоставительного изучения фольклора славянских народов.

Вопросы современного литературного процесса находились в центре внимания выступлений А. М. Адамовича (Минск) — «Белорусская проза в контексте мировой классики. Современный выбор путей развития», Людвиг Рихтера (Берлин) — «Современная концепция человека в свете сравнительного изучения литератур», Васила Колевского (София) — «Типологические моменты процесса утверждения социалистического реализма в славянских литературах».

Ю. В. Богданов (Москва) отметил, что

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

25 января 1971 г. состоялась защита диссертации И. В. Шабловской на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тема работы — «Чешская литература периода второй мировой войны (1938/39 — 1945 гг.)». Официальные оппоненты — д-р филолог. наук И. К. Горский и канд. филолог. наук И. М. Порочкина оценили диссертацию как интерес-

при изучении нового типа взаимоотношений между национальными литературами на этапе образования и развития социалистических государств необходимо учитывать опыт контактов и взаимовлияний, имевших место в 20-е и, особенно, 30-е годы между пролетарскими литературами, стоящими в авангарде общего движения национальной культуры межвоенных лет.

С сообщениями и в дискуссии на конференции выступили также В. А. Хорев, И. Г. Неулокова, Е. П. Львова (Москва), Милорад Живанчевич (Новый Сад), Пеню Русев (София), О. М. Малевич (Ленинград), Я. Ф. Рывкис (Житомир) и др.

Конференция, как отметил на ее последнем пленарном заседании акад. М. П. Алексеев, прошла на высоком теоретико-методологическом уровне, отличалась тематическим богатством и обстоятельной изученностью громадного фактического материала, подтвердив еще раз зрелость советской славистической науки.

Первые предварительные итоги конференции и ее значение для дальнейшего развития сравнительно-типологических исследований в СССР и в социалистических странах были охарактеризованы в заключительном слове Д. Ф. Маркова.

Материалы конференции, которые, бесспорно, вызовут живой интерес в самых широких кругах историков литературы и культуры как у нас в стране, так и за рубежом, предполагается издать в ближайшее время.

Ю. И. Ритчик

● 15 марта 1971 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита докторской диссертации болгарским ученым Н. Т. Тодоровым на тему «Балканский город XV—XIX вв. в составе Османской империи (социально-экономическое и демографическое исследование)».

Выбор настоящей темы болгарским ученым не случаен; он обусловлен слабой разработкой данного вопроса в исторической литературе.

Исследование Н. Тодорова является результатом многолетней работы ученого, опубликовавшего по теме диссертации более тридцати работ на болгарском,

русском, английском, французском и турецком языках. Научные труды Н. Тодорова получили широкое признание в Болгарии и за рубежом. При написании диссертации автор использовал большое число неопубликованных болгарских и турецких архивных материалов, источники и литературу на болгарском, русском, албанском, греческом, турецком и западноевропейских языках.

А. Анатольев

Исследование Н. Тодорова представляет интерес не только для балканистов, но и для историков, изучающих проблемы истории города вообще.

Официальными оппонентами по диссертации выступили — действительный

член Болгарской академии наук Д. К. Косев, д-р ист. наук проф. А. Ф. Миллер, д-р ист. наук проф. В. А. Жебокрицкий и д-р ист. наук В. Д. Королук. Оппоненты дали высокую оценку диссертации. Академик Д. Косев, в частности, подчеркнул, что в своей работе Н. Тодоров затрагивает и освещает на основе большого количества новых данных самые существенные аспекты и вопросы развития балканского города в XV—XIX вв.

Проф. А. Ф. Миллер отметил, что диссертация Н. Тодорова как по своему объему, так и по разносторонности затронутых проблем — первое в марксистской историографии широкое обобщение социально-экономических и демографических материалов, характеризующих основные процессы развития балканского города в эпоху турецкого господства. Н. Тодоров, — как сказал проф. В. А.

Жебокрицкий, — представил фундаментальное, оригинальное исследование, значительно расширяющее наши представления о социально-экономическом развитии балканских городов в период Османской империи. Автор показал при этом широкую эрудицию и умение глубоко и всесторонне анализировать исторические вопросы и явления.

В. Д. Королук отметил незаурядное мастерство Н. Тодорова как историка-аналитика.

По мнению оппонентов, диссертация Н. Тодорова должна быть опубликована отдельной монографией.

Ученый совет Института славяноведения и балканистики АН СССР присудил Н. Тодорову ученую степень доктора исторических наук.

А. Улунян

● 5 апреля 1971 г. состоялась защита кандидатской диссертации А. М. Ореховым на тему «Русско-польские революционные связи в период возникновения марксистских рабочих организаций в России (1887—1893 гг.)».

Официальными оппонентами выступили д-ра ист. наук Ю. З. Полевой и А. Я. Манусевич.

Ю. З. Полевой отметил, что диссертация А. М. Орехова является серьезным достижением в научном изучении истории российско-польских революционных связей 80-х — начала 90-х годов. Это капитальное исследование, построенное на тщательном изучении самого широкого круга источников, и, что особенно важно, в значительной мере на основе до сих пор мало или вовсе неиспользованных архивных материалов.

Диссертация не только восполняет пробел в освещении недостаточно изученного периода истории русско-польских революционных связей периода второй половины 80-х — начала 90-х годов, но и вносит существенно новое в изучение марксистских организаций в главных центрах общественного движения России и Польши. Принципиально важной, — подчеркнул оппонент, — представляется постановка диссертантом вопроса об отношении русских народолюбцев и социал-демократов к национальному вопросу вообще и к польскому в особенности. А. М. Орехов в значительной степени заново реконструирует историю возникновения и деятельности самой крупной организации русских социал-демократов известной в истории под названием петербургского «Рабочего союза», или

«группы Бруснева», детально освещая при этом участие в ней польских революционеров, внося коррективы в вопрос о ее программе. Новые данные выявлены диссертантом и в отношении других действовавших в это же время групп, таких как кружок Мартова, Ставского, группы «стариков» (особенно, что касается ее польских связей).

А. Я. Манусевич отметил серьезный научный интерес общего вывода диссертанта о весьма активном, весомом участии польских социал-демократов в марксистских организациях Петербурга накануне и в период возникновения ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», исследования диссертантом кружков Москвы и роли в них польского студенчества, освещения деятельности варшавской социал-демократической группы Иваницкого-Пескина. Впервые в литературе выяснен процесс возникновения группы, ее персональный состав и деятельность. Диссертация А. М. Орехова — серьезное научное исследование, вносящее много нового как в историю русско-польских революционных связей, так и в историю собственно польского и особенно собственно русского революционного движения. Она расширяет и углубляет представление о ходе революционного движения в России в период, предшествующий собиранию сил для создания единой марксистской организации.

Ученый совет единогласно присвоил А. М. Орехову ученую степень кандидата исторических наук.

О. Морозова

● 5 апреля 1971 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Н. Б. Шеламановой на тему «Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой».

В диссертации на основе большого комплекса документальных (главным образом дипломатических) материалов XVI—XVII вв. предпринята попытка нанести на карту пограничную линию между Россией и Великим княжеством Литовским (затем Речью Посполитой) конца XV — начала XVII вв. и установить ее изменения на различных участках в течение всего этого периода. Автор установила территориальную структуру пограничных уездов России и некоторых пограничных повятов Речи Посполитой, а также дала карту поселений ряда районов, являвшихся в тот период спорными. Кроме того, Н. Б. Шеламанова подробно осветила шляхетскую колонизацию земель Левобережной Украины в конце XVI — первых десятилетиях XVII вв. и дала карту земельных захватов, осуществленных польскими магнатами на русской территории.

Как официальные оппоненты (д-р ист. наук Л. Г. Бескровный, канд. ист. наук Б. Н. Флоря), так и неофициальные (д-р филолог. наук Л. П. Жуковская, канд. ист. наук А. В. Муравьев) дали высокую оценку исследованию Н. Б. Шеламановой, представляющему собой ценный вклад в дело изучения исторической географии Восточной Европы и русско-польских отношений, отметив огромный объем работы, проделанной диссертанткой, и высокую точность полученных ею результатов. Ученый совет принял решение о присвоении соискателю ученой степени кандидата исторических наук.

Б. Николаев

● 19 апреля 1971 г. была защищена кандидатская диссертация С. Б. Ильинской на тему «Тасос Ливадитис и послевоенная прогрессивная греческая поэзия». Автор работы обстоятельно изучил литературную атмосферу в Греции по-

слевоенных лет, что позволило ярче представить творческую индивидуальность Т. Ливадитиса. О диссертации положительно отозвались официальные оппоненты Т. Л. Мотылева и Я. В. Мочос. Автору присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

А. Анатолийев

● 10 мая 1971 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Е. Л. Немировским на тему «Начало славянского книгопечатания. Опыт критического пересмотра вопроса в связи с историей польского Возрождения». В диссертации впервые в мировой историографии предпринято комплексное исследование вопроса о начале книгопечатания кирилловским шрифтом. Автор сочетает анализ социально-экономических и материально-технических предпосылок возникновения славянского книгопечатания с подробным исследованием шрифтов, бумаги, структуры и лингвистических особенностей изданий типографий Швайпольта Феоля, который в начале 90-х годов XV в. в Кракове впервые стал печатать славянские книги кирилловским шрифтом.

В диссертации предложены новые оригинальные решения вопросов об общественных силах, по инициативе которых появилась славянская типография в Кракове, о происхождении текстов, использованных при издании, о времени работы типографии и причинах ее закрытия, а также определен ареал распространения изданий Феоля на территории Восточной Европы в XVI—XVII вв.

Официальные оппоненты чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоров, д-р искусствоведения И. Ф. Балза, проф. Г. А. Новицкий дали высокую оценку представленной диссертации, отметив, как огромный объем работы, проделанный автором, так и многосторонность его аргументации в этом ценном исследовании по истории польской и восточноевропейской культуры. Ученый совет принял решение о присвоении соискателю ученой степени доктора исторических наук.

Б. Флоря

О ЗАЩИТЕ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ

В истекшем учебном году на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ были защищены 32 дипломные работы.

В тематике работ по сравнению с прошлым годом больше место занимали сюжеты из истории XIX в. и более раннего периода: так, из 10 работ по истории народов Югославии этим сюжетам посвящены 9, из 9 работ по истории Польши — 7. В работах по истории Чехословакии и Болгарии преобладали темы, относящиеся к межвоенному периоду и истории второй мировой войны.

История славянских народов в XIX в. представлена в работах прежде всего исследованием различных аспектов русско-славянских связей (революционные связи между Россией и южными славянами, влияние русской дипломатии на освободительное движение среди балканских славян и отклики русской прессы на события, связанные с этим движением). Следует отметить отличную работу Т. Игнатьевой «Болгарский церковный вопрос и Россия», работу В. Фомина о русско-сербских революционных связях, написанную на материалах югославских архивов и периодики, и А. Зайцева о хорватско-русских революционных связях — также чрезвычайно удачный опыт использования архивных материалов и прессы, на этот раз из советских фондов. Содержательные работы, также заслужившие самых высоких оценок, написали студентки З. Зверкова («П. А. Ровинский и Сербия») и Г. Музычук («Ж. Жуёвич и славянский вопрос в России»).

Среди работ, посвященных изучению жизни и деятельности славянских революционеров, крупных ученых и публицистов, часто незаслуженно забытых или односторонне оцениваемых историографией, надо назвать прежде всего интересные сочинения С. Бочкаревой о Ж. Жуёвиче, В. Зайцевой о С. Ожеховском, А. Дворецкой о П. Скарге и С. Брикениной о Л. Штуре. Заслуживает внимания факт, что и студенты, специализирую-

щиеся по новейшему периоду, обращаются к темам, связанным с характеристикой отдельных деятелей и даже — отдельных литературно-публицистических произведений (работы В. Подлесной «Антифашистская деятельность генерала В. Займова» и Г. Сорокиной «Общественно-политическое значение книги Б. Шмерала „Правда о Советской России“»). Интерес к подобным сюжетам, думается, следует считать доброй традицией кафедры.

Остальные работы по новейшей истории посвящены вопросам международных отношений в межвоенный период, чешско-советским и болгарско-советским культурным связям и антифашистскому движению в Болгарии в годы второй мировой войны (лучшие из них — работы Т. Мартыновой, З. Пикалевой, В. Потемкиной, Д. Томовой, В. Сошенко).

Студенты, специализировавшиеся по истории Польши, успешно разрабатывали феодальную проблематику (А. Голованова — «Польская шляхта и Лже-Дмитрий I», О. Малыгина — о великопольском крестьянстве в XVI—XVII вв.). Содержательную работу о борьбе политических партий Польши накануне и в период майского переворота 1926 г. написал Г. Матвеев, прошедший длительную стажировку в Польше. Не менее успешно справились с трудными сюжетами по средневековой истории студентки Л. Волчкова (ее работа о сербском крестьянстве высоко оценена рецензентами) и В. Гаранина (анализ законодательства Стефана Лазаревича).

Обзор дипломных работ, защищенных на кафедре в этом году, убедительно показывает, что студенты с успехом занимались исследованием проблем и славянского средневековья, и нового и новейшего времени. Избранная тематика позволила студентам наилучшим образом обнаружить исторические знания и проявить навыки исследовательской работы.

Е. Макова

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ РЕЗОНОВ

6 августа 1971 г. после тяжелой и продолжительной болезни на 62 году жизни скончался кандидат исторических наук Павел Иванович Резонов. Последние 10 лет жизни Павла Ивановича были тесно связаны с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В декабре 1960 г. он был зачислен на должность старшего научного сотрудника, а с сентября 1962 г. по декабрь 1970 г. был заместителем директора института по научной части.

Начав свою трудовую деятельность в качестве рабочего сельскохозяйственной мастерской в своей родной деревне Ситниково Ивановской обл., Павел Иванович стал видным специалистом в области истории Чехословакии. В 1933 г. он поступил на учебу в Ивановский педагогический институт, который успешно окончил в 1937 г. Как способный молодой специалист-историк он назначается директором вечернего пединститута и одновременно старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. Уже в это время у него появляется интерес к изучению истории Чехословакии, к изучению проблем революционно-освободительной борьбы чешского и словацкого народов за свое социальное и национальное освобождение. Вся последующая педагогическая и научная деятельность Павла Ивановича была тесно связана с разработкой этой проблематики. В начале 1940 г. Павел Иванович призывается в Красную Армию, в рядах которой он находился до 1956 г. В различных военно-учебных заведениях он ведет научно-организационную и преподавательскую работу. С 1948 по 1956 гг. он заместил начальника кафедры и старший преподаватель Военно-политической академии им. В. И. Ленина. В 1948 г. после окончания краткосрочных курсов в Академии общественных наук при ЦК КПСС он защищает кандидатскую диссертацию.

Наряду с педагогической и научно-организационной работой Павел Иванович ведет исследовательскую работу. Его перу принадлежит свыше 30 опублико-

ванных научно-популярных и исследовательских работ по истории западных и южных славян, большинство которых посвящены истории чешского и словацкого народов. В своих трудах Павел Иванович рассматривал широкий круг вопросов, касавшихся истории Чехословакии. Отдельные его работы посвящены революционному движению. Но как историка-чехиста его характеризуют главным образом работы по новой и новейшей истории Чехословакии, чем он особенно много занимался в послевоенные годы.

Особенное внимание Павла Ивановича привлекала история пародно-демократической Чехословакии. Ей он посвятил ряд своих исследований: «Возникновение и развитие строя народной демократии в Чехословакии», «Коммунистическая партия Чехословакии — организатор и вдохновитель антифашистского движения Сопротивления в период второй мировой войны». Этой же проблемы касаются подготовленные Павлом Ивановичем разделы в коллективных трудах Института славяноведения: «История Чехословакии» (т. 3), «История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». В последнее время Павел Иванович работал над проблемами истории советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны.

Находясь на посту заместителя директора Института славяноведения в течение 8 лет, Павел Иванович вложил немалый труд в организацию и развитие исследований по истории зарубежных славянских стран, способствуя тем самым решению возложенных на институт ответственных задач. Вместе с тем он уделял большое внимание вопросу расширения и углубления научных связей и сотрудничества института с научными учреждениями социалистических стран.

Отличительной чертой Павла Ивановича как советского ученого было то, что он, находясь на любой работе, занимая любой пост, никогда не замыкался только в тесный круг своих узких производственных интересов. Это был ученый-общественник, который плодотворно сочетал

свою производственную работу с большой общественной деятельностью.

Еще будучи студентом Ивановского пединститута он одновременно являлся секретарем общепедagogического комитета ВЛКСМ; работу директора вечернего института он сочетал с работой лектора Ивановского обкома партии; работая заместителем начальника кафедры международного рабочего движения Военно-политической академии, он был секретарем первичной парторганизации. В Институте славяноведения он неоднократно избирался членом бюро парторганизации института.

Павел Иванович был членом редколлегии журнала «Новая и новейшая история», ответственным секретарем советской части комиссии историков СССР в Чехословакии, большую работу он проводил являясь заместителем председателя Центрального правления общества советско-чехословацкой дружбы. Скромность, простота в общении с людьми, отзывчивость Павла Ивановича снискали ему всеобщую любовь и уважение. Ближе к знавшим Павла Ивановича сохранят в своих сердцах о нем добрую, светлую память.

И. А. Хренов

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ БОГАТЫРЕВ

Советская наука понесла тяжелую утрату: 18 августа 1971 г. скончался Петр Григорьевич Богатырев, старейший советский славист — этнограф, фольклорист, литературовед и лингвист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор *honoris causa* Карлова университета в Праге и университета им. Амоса Коменского в Братиславе, член Союза советских писателей. Имя Петра Григорьевича — это живая история становления и развития советской славистики.

Петр Григорьевич родился в Саратове 29 января 1893 г. В 1918 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Работал в Библиотечном отделе Наркомпроса и в ПУРЕ, преподавал на рабфаке и в студии «Сатира», работал в Государственном историческом музее. В 1922—1927 гг. П. Г. Богатырев — переводчик и референт советского полпредства в Чехословакии. В 1928—1939 гг. по поручению В. Д. Бонч-Бруевича, в качестве сотрудника Государственного литературного музея, он собирал литературные и исторические материалы в архивах Чехословакии, Австрии, Германии и Дании. Только в Чехословакии он обследовал свыше 50 архивов. Материалы о связях с этими странами деятелей русской истории и культуры составляют огромный фонд П. Г. Богатырева в ЦГАЛИ. Одновременно он читал курсы по славянской и русской этнографии в Братиславском университете.

До сих пор мало кто знает, что Петр Григорьевич оказывал большую помощь чехословацким коммунистам после захвата страны гитлеровцами.

В 1940 г. П. Г. Богатырев стал профессором, затем — заведующим кафедрой фольклора Московского института филологии, литературы и истории, позже — профессором МГУ. В 1941 г. он защи-

тил докторскую диссертацию «Народный театр чехов и словаков». Во время войны совмещал преподавание в МГУ с активной работой в ВОКСе, ТАССе и на радио. В 1943—1949 гг. помимо работы в МГУ он возглавлял сектор фольклора Института этнографии АН СССР и преподавал в Дипломатической школе МИДа.

В 1952—1959 гг. П. Г. Богатырев — профессор Воронежского университета, в 1958—1963 гг. — старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР. С 1964 г. и до конца своих дней он снова работал на филологическом факультете МГУ. Многие годы был членом Ученого совета Института славяноведения АН СССР.

Еще студентом по поручению ОЛЕАЭ П. Г. Богатырев собирал диалектологические и фольклорные материалы в Шенкурском уезде Архангельской губернии (1915) и в Московской губернии (1916). Тогда же вместе с Р. Якобсоном он организовал при университете лингвистический кружок, куда, между прочим, приходил читать свои стихи Маяковский. На базе этого кружка затем выросло Общество поэтического языка (ОПОЯЗ), в которое входили такие замечательные филологи, как В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский, В. М. Жирмунский и др.

В 1926 г. возник Пражский лингвистический кружок, оказавший заметное влияние на последующее развитие европейской и мировой филологии. В нем П. Г. Богатырев играл активную роль наряду с Р. Якобсоном, Я. Мукаржовским, Н. Трубецким и другими исследователями. Тесные научные связи Петр Григорьевич поддерживал с виднейшими чехословацкими учеными Ч. Зибром, И. Гораком, Ф. Вольманом, особенно с известным сказковедом И. Поливкой, которому он посвятил одну из лучших своих работ «Магические действия, обряды и верования Закарпатья». Одновременно

он работал в тесном контакте с фольклористами и этнографами Болгарии (А. П. Стоиловым, С. Романским, Х. Вакарелским и др.), Югославии (М. Мурко, М. Гавацци, И. Графенауэром и др.), Польши (К. Мошиньским, Ю. Кшижановским и др.), чьи имена уже вошли в историю науки этих стран.

П. Г. Богатырев был одним из немногих советских ученых, кому выпала честь представлять советскую науку на международных съездах славянских этнографов и географов и других международных научных форумах в межвоенный период. Будучи в Чехословакии, он постоянно информировал научные круги Европы о работах советских ученых.

П. Г. Богатыревым опубликовано свыше 300 работ¹. Совсем недавно было

обсуждение его книги «Вопросы теории народного искусства» в фольклорной секции Союза писателей. Его имя известно и широкому читателю благодаря великолепным переводам произведений Ярослава Гашека и в особенности «Похождения бравого солдата Швейка», словацких сказок (4 издания), славянских сказок, польских народных и революционных песен. В последние годы ученый работал над сборником словацких баллад, который, надо полагать, увидит свет.

К концу жизни Петр Григорьевич почти совсем потерял зрение, но не прекращал ни на один день своих многочисленных и разнообразных занятий. Даже в последний день своей жизни он пытался диктовать работу об этикете русских крестьян и, в ответ на утешения, сказал: «А ведь если у меня есть идеи, я еще жив, я еще человек!»

Да, Петр Григорьевич навсегда останется в нашей памяти Человеком, чистым и добрым, постоянно мятущимся от переполнявших его научных идей и почти домашних забот о научной молодежи.

Ю. Смирнов

стр. 91—97; Заметки о народном театре.— «Acta Ethnographica», Budapest, 1970, t. 19, p. 53—64.

¹ См. библиографию за 1969 г. в его книге «Вопросы теории народного искусства» (М., 1971, стр. 523—543). В последние годы вышли работы: Семантика и функция сельского этикета. В кн.: Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, стр. 67—71; глава «Загадки» в новом вузовском учебнике «Русское народное поэтическое творчество», М., 1971,

CONTENTS

- D. F. Markov.* 25 years of the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Science. *P. Olshansky.* The Soviet-polish relations (1921—1924). *V. A. Tesemnikov.* On the history of the Union of the Communist youth in Yugoslavija (1919—1941). *R. P. Grishyna.* Some questions on the formation of the military fascist power in Bulgaria (the 9-th of June — November 1923). *A. E. Moskalenko.* N. P. Graciansky as the historian of Slavic peoples. *V. D. Koroluk.* To the question about the place of the informations about the volokhs in «Povest vremennykh let». *V. Britanishsky.* Polish romantics about the polish baroque. *L. G. Nevskaya.* About the lexical and semantical interaction of the Lithuanian and Slavic languages 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- G. D. Pokhrovskaya.* Stanislavsky in Yugoslavia 105

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- M. I. Kopasheva.* To the study of the history of the revolutionary youth movement in Czechoslovakia. *A. M. Orekhov.* Z. Lukawski. Polacy w rosyjskim ruchu socjal-demokratycznym w latach 1883—1893. *Yu. K. Begunov.* A new book about the Bulgarian «bogomilstwo» and its international importance. *I. Shpadaruk.* S. A. Malevich. The problems of historical materialism in Ludvig Kshyvicky's works. *A. V. Bondarko.* E. V. Cheshko. The history of Bulgarian declination 110

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1971. The contents of foreign periodicals 123

SCIENTIFIC LIFE

- Yu. I. Ritchick.* The scientific conference on the comparative study of Slavic literatures. 135
A. Anatolyev, A. Ulunyan, O. Morozova, B. Nikolaev, B. Florya. The defense of the dissertation theses. *E. Makova.* About the defense of the works presented for diploma on the chair of history of the south and west Slaves at the Moscow university 137
I. A. Khrenov. Pavel Ivanovich Rezonov 141
Yu. Smirnov. Pjotr Grigoryevich Bogatyrev 142

Технический редактор *Шеленкова Т. И.*

Сдано в набор 11/X-1971 г. Т-19857 Подписано к печати 15/XII-1971 г. Тираж 1175 экз.
 Зак. 2920 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 12,6 Бум. л. 4^{1/2} Уч.-изд. л. 14,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовится к печати книга:

Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах. 25 л. 1 р. 85 к.

Книга является первым обобщающим трудом как в советской, так и в зарубежной славистике, раскрывающим формирование марксистской эстетической и литературно-критической мысли в Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии. Авторы стремятся выявить специфику развития марксистской критики в разных славянских странах в связи с особенностями их исторического и культурного развития, характером рабочего движения и формирования марксистских партий, своеобразием литературного процесса.

Издание рассчитано на специалистов-филологов, преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепрпетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, 9-я линия, 16; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.